

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривощёкова М. С.

Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска

Зукин Ш. Инновационный комплекс: города, технологии и новая экономика

Zhidkova P. Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach

Mert A. The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 4
Сентябрь 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 23. No 4.
September 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 4.
Сентябрь 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

**Ответственный
секретарь:**

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

**Богомолова
Татьяна Юрьевна**

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

**Веселов
Юрий Васильевич**

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

**Волков
Вадим Викторович**

Европейский университет
в Санкт-Петербурге (Россия)

**Гимпельсон
Владимир Ефимович**

НИУ ВШЭ (Россия)

**Козырева
Полина Михайловна**

НИУ ВШЭ (Россия)

**Косалс
Леонид Янович**

НИУ ВШЭ (Россия)

**Малева
Татьяна Михайловна**

Институт социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

**Овчарова
Лилия Николаевна**

НИУ ВШЭ (Россия)

**Радаев
Вадим Валерьевич**
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

**Тихонова
Наталья Евгеньевна**

НИУ ВШЭ (Россия)

**Хахулина
Людмила Александровна**

Аналитический центр Юрия Левады
(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 23. No 4.
September 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

Yuri Levada Analytical Center (Russia)

Leonid Kosals

HSE University (Russia)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Тексты на русском языке

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*) 7

Новые тексты

А. В. Швецова, И. А. Симонова, А. Г. Оболенская, М. С. Кривощёкова

Онлайн-практики экономического поведения российских женщин
в период декретного отпуска 12

Новые переводы

Ш. Зукин

Инновационный комплекс: города, технологии и новая экономика 37

Расширение границ

А. В. Семёнов, А. И. Гилёва

Российские инструменты городского планирования
в перспективе социологического институционализма 73

Новые книги

Н. А. Любинарская

Разум vs. чувства: возникновение новой экологии выбора
в романтической сфере индивида

Рецензия на книгу: Иллуз Е. 2020. *Почему любовь ранит?*

Социологическое объяснение. Перев. с англ. С. В. Сидоровой. Москва;

Берлин: Директ-Медиа Паблишинг. 400 с..... 96

Дискуссии

Д. Б. Литвинцев

Жалобы — не подарок: дисфункциональность института жалоб

в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России 110

Texts in English

New Texts

P. Zhidkova

Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married
or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach 122

Professional Reviews

A. Mert

The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory 141

Contents

Texts in Russian

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*)..... 7

New Texts

Anastasia Shvetsova, Irina Simonova, Alena Obolenskaya, Marina Krivoshchekova

Online Practices of the Economic Behavior of Russian Women during Maternity Leave..... 12

New Translations

Sharon Zukin

The Innovation Complex: Cities, Tech, and the New Economy (excerpt) 37

Beyond Borders

Andrei Semenov, Alena Gileva

Russian Instruments of Urban Planning

from the Sociological Institutionalism Perspective 73

New Books

Nina Lyubinarskaya

Reason vs Feelling: Appearance of New Ecology of Choice

in the Romantic Sphere of the Individual

Book Review: Illouz E. 2020. *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe*

obyasnenie [Why Love Hurts? Sociological Explanation], Moscow;

Berlin: Direct Media Publishing House. 400 p. (in Russian)..... 96

Discussions

Denis Litvintsev

Complaints are not Gifts. Dysfunctionality of the Institution of Complaints

in the Field of Housing and Communal Services in Russia..... 110

Texts in English

New Texts

Polina Zhidkova

Determinants of Reasons for Financial Disagreements

in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach 122

Professional Reviews

Ahmet Mert

The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory 141

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Памяти профессора Найджела Додда

С глубоким прискорбием сообщаем о смерти Найджела Додда в августе 2022 г. Найджел Додд (*Nigel Dodd*; 1965–2022) был профессором социологии в Лондонской школе экономики (ЛШЭ). Он получил докторскую степень в Кембриджском университете, его научным руководителем был Энтони Гидденс; преподавал в Ливерпульском университете, пока не получил позицию в ЛШЭ в 1995 г. Широко известен как специалист в области социологии денег, экономической социологии, классической и современной социальной мысли. Н. Додд — автор влиятельных книг: «Социология денег: экономика и разум в современном обществе» («*The Sociology of Money: Economics, Reason and Contemporary Society*», 1994) «Социальная теория и современность» («*Social Theory and Modernity*», 1999) (обе книги вышли в кембриджском издатель-

стве Polity Press); «Социальная жизнь денег» («*The Social Life of Money*», Princeton University Press, 2014). В качестве соредатора вместе с Патриком Асперсом он выпустил известный сборник «Возрождая экономическую социологию» («*Re-Imagining Economic Sociology*», Oxford University Press, 2015). В 2014–2022 гг. профессор Додд был главным редактором одного из ведущих социологических журналов — *British Journal of Sociology*. Его вклад в социологию денег трудно переоценить. Кроме того, Найджел был очень умным и приятным человеком, с которым мы с коллегами общались в течение многих лет.

* * *

Уважаемые читатели!

Уже второй год наш журнал совместно с журналом «Социологическое обозрение» проводит конкурс научных работ на соискание премии имени Макса Вебера. В этом году победителем стала *Полина Алексеева (Калиновская)* с работой «Выбор на брачном рынке или воля Божья? О практической и субстантивной рациональности в категориях пользователей православной платформы для знакомств». Поздравляем победителя!

Теперь представим новый номер нашего журнала.

Тексты на русском языке

В рубрике «**Новые тексты**» публикуется статья канд. соц. н. *А. В. Швецово́й*, канд. филос. н. *И. А. Симоно́вой*, канд. экон. н. *А. Г. Оболенской* и канд. пед. н. *М. С. Кривощёковой* (Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург) «Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска». В статье анализируется возрастающее значение визуального контента в повседневной жизни россиянок, имеющих детей в возрасте до трёх лет, и предлагаются методы исследования визуальных социальных сетей как графического, так и межтекстового контента. Основываясь на теории социального конструирования гендера, авторы вводят понятие «нематеринские практики молодых матерей», определяя его как совокупность действий женщин в период декретного отпуска, возникающих вследствие отмены привычного ритма жизни. Работа основана на анализе 720 аккаунтов в социальных сетях.

В рубрике «**Новые переводы**» мы знакомим читателей с фрагментом из книги проф. *Шэрон Зукин* (Бруклинский колледж и центр аспирантуры Городского университета в Нью-Йорке, США) «Иновационный комплекс: города, технологии и новая экономика» (The Innovation Complex: Cities, Tech, and the New Economy. New York: Oxford University Press, 2020). На примере города Нью-Йорка автор представляет широкую историю изменений, происходящих в рамках новой, инновационной экономики. Каждая глава книги исследует пространство производства, в котором культурные формы и экономические нормы находят своё воплощение. При этом Ш. Зукин двигается от рассмотрения самых маленьких пространств (хакатоны и митапы) к самым большим (инновационные районы и образовательные каналы). Журнал «Экономическая социология» публикует седьмую главу из книги, посвящённую образовательным каналам, которые формируют новую технико-финансовую меритократию. Перевод с английского Инны Кушнарёвой. Публикуется с разрешения Издательства Института им. Гайдара.

В рубрике «**Расширение границ**» предлагается статья канд. полит. н. *А. В. Семёнова* и *А. И. Гилёвой* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) «Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма». В статье исследуется роль градостроительных инструментов в упорядочении взаимодействий между ключевыми участниками градостроительной политики — горожанами, застройщиками, властью и экспертами. Данные получены из материалов 39 интервью в четырёх крупных российских городах. Показано, что следование формальным предписаниям планировочного процесса основывается лишь на их юридически закреплённом статусе, а не на встроенности в более широкие нормативно-ценностные порядки.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу: *Иллуз Е.* 2020. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение. Перев. с англ. С. В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг. Книга посвящена последствиям модернизации общества, коснувшимся романтической сферы индивида. Институты модерна изменили представление личности о том, какими могут быть романтические отношения. Современные формы жизни породили так называемую новую экологию выбора, для которой предпочтения и вкус перестали быть определяющими факторами при отборе партнёра из-за переориентации на культуру потребления и сексуальность. Рецензия подготовлена *Н. А. Любинарской* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).

В рубрике «**Дискуссии**» канд. соц. н. *Д. Б. Литвинцев* (Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет) публикует материал «Жалобы — не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России». Статья отражает результат заочной дискуссии с представителем новосибирской экономико-социологической школы О. Э. Бессоновой, автором серии статей о пользе жалоб как сигнального института нерыночного типа. В основе дискуссии лежит полемика относительно эффективности и функциональности жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России. Дисфункциональность жалоб демонстрируется на различных кейсах институционального злоупотребления, приводящих к мимикрии данного института. Дискуссия продолжится в следующем — ноябрьском — номере, в котором выйдет материал проф. О. Э. Бессоновой.

Тексты на английском языке

Статью канд. соц. н. *П. Жидковой* (независимый исследователь, Берлин) «Детерминанты причин финансовых разногласий в российских семьях: подход отношенческой социологии» («Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach») журнал публикует в рубрике «**Новые тексты**». Используя отношенческую социологию в качестве основной теоретической рамки, автор исследует пять основных типов финансовых разногласий между супругами и сожителями в российских семьях. Количественные расчёты сделаны на основе Мониторинга финансового поведения населения 2018 г., который содержит информацию по 3500 су-

пужеским парам. В качестве основных предикторов в регрессионной модели привлекаются отношение партнёров к деньгам, доля женщин в семейном доходе, наличие традиционалистских взглядов и конфликтов по поводу семейных доходов.

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» *Ахмет Мерт* (независимый исследователь, США, аспирант НИУ ВШЭ) предлагает свою работу «Онтологическое разъединение денег в социологической теории» («The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory»). Анализируя классическое наследие К. Маркса, Г. Зиммеля, М. Мосса и В. Зелизер, автор утверждает, что категория денег рассматривается в социологической теории на трёх принципиальных уровнях: (1) определённое (конкретное) существование денег, используемых в своей предметной форме; (2) репрезентация денег, на которой покоится восприятие денежных средств; (3) объективация денег, на которую опираются их восприятия. В работе показывается, что сохранение сколь-либо консистентной трактовки денег на одном из этих уровней возможно лишь путём отрицания двух других уровней, что порождает неизбежную онтологическую разъединённость денег во всех анализируемых теориях.

VR INTRODUCTORY REMARKS

In memory of Professor Nigel Dodd

It is with great sadness that we share the news that Professor Nigel Dodd passed away in August 2022. Nigel Dodd was a Professor of Sociology at the LSE. He obtained his Ph.D. from the University of Cambridge in 1991 with Anthony Giddens as Supervisor, and lectured at the University of Liverpool before joining the LSE in 1995. Nigel's main interests were in the sociology of money, economic sociology, and classical and contemporary social thought. He was the author of *The Sociology of Money* and *Social Theory and Modernity* (both published by Polity Press). His most recent book, *The Social Life of Money*, was published by Princeton University Press in 2014. Nigel Dodd was also co-editor (with Patrik Aspers) of *Re-Imagining Economic Sociology*, published by Oxford University Press in 2015. Professor Dodd was editor-in-chief of the *British Journal of Sociology* from 2014 until 2022. He made major contributions to the sociology of money. He was a wonderful and pleasant person we have known for many years.

Dear colleagues,

Journal of Economic Sociology in collaboration with Sociological Review has conducted a second contest of research papers for the Max Weber Award. *Polina Alekseyeva (Kalinovskaya)* received the award this year for the paper 'Choice in the Marriage Market or the God's Will'. Our sincere congratulations to the winner.

The following is the outline of the present issue of our journal.

Dr. *Anastasia Shvetsova*, Dr. *Irina Simonova*, Dr. *Alena Obolenskaya*, and Dr. *Marina Krivoshchekova* (Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg) present their study 'Online Practices of the Economic Behavior of Russian Women during Maternity Leave'. The paper examines the increasing importance of visual content in the daily life of Russian women with children under the age of 3 and suggests methods for studying visual social networks, both graphic and intertextual content. Based on the theory of social construction of gender, the authors introduce the concept of "non-maternal practices of young mothers", defining it as a set of actions of women during maternity leave that arises from the disappearance of the usual rhythm of life. Data were collected from 720 social media accounts.

We present a Russian translation of a fragment from the book by *Sharon Zukin* (Professor of Sociology at Brooklyn College and the City University of New York Graduate Center) '*The Innovation Complex. Cities, Tech, and the New Economy*. New York: Oxford University Press, 2020'. Focusing on New York City, Sharon Zukin shows a development of a new innovative economy. Each chapter is a study of the production of a particular space with its own embodied cultural forms and economic norms. In these processes, the whole innovation complex, including buildings, districts, and the city acquires scale, form, and sense. To show the scale of the innovation complex and how it works at different levels, the chapters in the book progress from describing smaller spaces to larger ones. The Journal of Economic Sociology publishes the seventh chapter devoted to how educative channels aim to develop the principles of technical and financial meritocracy. Translated from English and published with the kind permission of the Gaidar Institute Publishing House.

Dr. *Andrei Semenov* and *Alena Gileva* (Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg) submitted a paper 'Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective'. This paper examines the role of urban development instruments in structuring the interactions among the key urban political actors: citizens, developers, public authorities, and experts. Data were collected from 39 interviews with relevant stakeholders in four large Russian cities. The authors showed that compliance with the formal rules of the planning process is based on their legally binding nature rather than on their embeddedness in normative-value orders.

Nina A. Lyubinarskaya (St. Tikhon's Orthodox University) reviews a book: Illouz E. *Why Love Hurts? Sociological Explanation*. Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House, 2020 (in Russian). The book explores ideas and contemporary trends related to the sensual sphere of the individual and romantic relationships. The institutions of modernism have changed the idea of a person about what love should be and what romantic relationships can be. New forms of life have given rise to a "new ecology of choice" where choices are made based on culture and the sexualized discourse rather than personal preferences.

Dr. *Denis Litvintsev* (Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering) participates in the present issue with the paper 'Complaints are not Gifts. Dysfunctionality of the Institution of Complaints in the Field of Housing and Communal Services in Russia'. This article reflects on the correspondence with Prof. Olga Bessonova, a representative of the Novosibirsk economic and sociological school and the author of a series of articles on the benefits of complaints as a signaling institution of a non-market type. The discussion is based on the controversy regarding the effectiveness and functionality of complaints in the field of housing and communal services in Russia. The dysfunctionality of complaints is demonstrated in various cases of institutional abuse, with one of the results being the mimicry of the institution. The discussion will be continued in the next November issue where the comments of Prof. Olga Bessonova will be published.

Dr. *Polina Zhidkova* (Independent research fellow; International Product Operations Strategist, HelloFresh Se, Berlin) presents a paper 'Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach'. Using a relational sociology framework, the study explores five types of financial disagreements between spouses or cohabiting persons in the context of Russian families. Data were collected from the Survey of Consumer Finance containing dyadic data for 3,503 Russian couples in 2018. Partners' different attitudes towards money, women's share of family income; traditionalist attitudes, and conflict over income were used as major explanatory variables.

Ahmet Mert presents an analytical review 'The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory'. Considering the theories of Marx, Simmel, Moss, and Zelizer, the author argues that money is examined in sociological theory at three ontological levels, namely: (1) Determinate being of money, which is immediately experienced and singularly represented, (2) the representation of money, on which the perception of money stuff as money is grounded and (3) the objectivity of money, which stands behind money as such. It is shown that in all these theories the consistent account of money seems to be possible only due to the negation of the other ontological planes of money and that creates ontological disunity within all these theories.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. В. Швецова, И. А. Симонова, А. Г. Оболенская, М. С. Кривощёкова

Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска¹

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

Email: shvetsovaav@mail.ru

В статье анализируется возрастающее значение визуального контента в повседневной жизни россиянок, имеющих детей в возрасте до трёх лет, и предлагаются методы исследования визуальных социальных сетей как графического, так и межтекстового контента. Основываясь на теории социального конструирования гендера, авторы вводят понятие «нематеринские практики молодых матерей»², определяя его как совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих вследствие отмены привычного ритма жизни. Значительная часть этих практик реализуется в онлайн-пространстве, что позволяет преодолеть социальную изоляцию этого периода. Мы проанализировали 720 аккаунтов в социальных сетях, чтобы понять, каково тематическое поле современного материнского сообщества и какие виды экономической активности в нём реализуются. Результаты исследования представляют собой классификацию онлайн-практик молодых матерей, реализуемых в социальных сетях и направленных на получение экономического эффекта. В основе классификации лежит принцип доминирующей агентности — реальной или виртуальной, на основании чего были выделены две группы. Особенностью первой группы является выбор практик, направленных на создание продукта или оказание услуг в непосредственном взаимодействии с потребителем (преобладают производство продуктов питания, изготовление одежды, парикмахерские и косметологические услуги, образование и творчество), причём социальная сеть выступает как способ продвижения товара или услуги. Вторая группа сосредоточена на непосредственном использовании цифровой среды как экономического ресурса (блоггерство, онлайн-консультации, сетевой маркетинг). Большинство практик осно-

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные “нематеринские” практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск» (<https://rscf.ru/project/22-28-00636/>).

² В данной статье мы используем выражение «молодые матери» как синонимичное фразе «женщины, имеющие детей до трёх лет». Наряду с этим используется понятие «декретный отпуск», закреплённое в обыденном языке за совокупным периодом отпуска по беременности и родам продолжительностью 70 календарных дней до родов, а в случае многоплодной беременности — 84 дня, и отпуска по уходу за ребёнком до достижения им возраста трёх лет (в случае осложнённых родов — 86 дней; при рождении двух или более детей — 110 дней). «Декрет» — общеупотребимое в России название отпуска по беременности и родам и отпуска по уходу за ребёнком, которое восходит к принятому Советской властью Декрета ВЦИК от 22 декабря 1917 г. о страховании на случай болезни.

СИМОНОВА Ирина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики и педагогической компаративистики Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

Email: luboe05@mail.ru

ОБОЛЕНСКАЯ Алена Германовна — кандидат экономических наук, научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

Email: a.obolenskaya@mail.ru

ваны на стремлении женщин к общению, к самореализации и заработку, что объяснимо с точки зрения гендерного анализа и экономических реалий. Однако некоторые действия могут иметь проблемные социокультурные последствия. Рискогенность цифровой среды связана с психологическими последствиями, в том числе с формированием интернет-зависимости, а также с негативными экономическими эффектами (уязвимость молодых матерей перед интернет-мошенничеством, несоответствие временных и трудовых затрат с получаемой прибылью). Основной вывод статьи заключается в том, что изучение экономических онлайн-практик женщин в период декретного отпуска в фокусе нематеринских практик является перспективным и стратегически значимым направлением исследований ландшафта современного материнства.

Ключевые слова: гендерный анализ; материнство; экономическое поведение; Интернет; цифровая среда; онлайн-практики; социальные сети.

Введение

Материнство можно определить как особый период в жизни женщины, связанный с рождением и воспитанием детей и имеющий фундаментальное влияние на её внутренний мир и жизненный сценарий. Эта формулировка основана на актуальных данных нейробиологов о процессах, происходящих в мозге молодых мам [Luders et al. 2018; Kim, Dufford, Tribble 2018; Duarte-Guterman, Leuner 2019], психологов об изменениях в структуре их идентичности [Laney et al. 2015; Ionio et al. 2019; Garvan 2020] и социологическом концепте ресоциализации. В ходе человеческой истории материнство эволюционирует по форме (от многодетности к малодетности, от физиологической предзаданности к опциональности) и содержательно, воспроизводя всё новые стандарты «правильного» материнского поведения. Снижение суммарного коэффициента рождаемости привело во всём мире к увеличению социального времени женщин, то есть того времени, которое расходуется не на уход за детьми. Актуальные исследования позволяют также зафиксировать обеспокоенность женщин фертильного возраста последствиями декретного отпуска и его влиянием на их профессиональные позиции [Banerjee, Biswas Mazumder 2022], что представляется обоснованным и с точки зрения барьеров рынка труда (так называемый штраф за материнство [Ермолина et al. 2016; Абдулаева 2020]), и при анализе статистических различий в заработной плате [Женщины и мужчины России 2020: 32–33]. Отмена привычного ритма жизни в связи с рождением ребёнка определяет возникновение новых нематеринских практик матерей, разнообразие и репертуар наполнения которых на сегодняшний день не осмыслены.

Декретный отпуск является для многих женщин периодом вхождения в новую для себя реальность и переосмысления жизненного сценария. Можно отметить два уровня источников этих трансформаций — внешний и внутренний. В первом случае мы имеем дело с трендом феминизации бедности и особой экономической уязвимостью женщин в связи с материнством. Российские учёные единодушны в том, что длительный отпуск по уходу за ребёнком не компенсирует отсутствия взвешенной социальной защиты

КРИВОЩЁКОВА Мари-на Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.

Email: kmsolimp@mail.ru

молодых матерей, которые остаются один на один со своими финансовыми и профессиональными проблемами [Круглова 2020; Пишняк, Надеждина 2020]. Внутренние источники — это потребности в самореализации, удовлетворение которых, по мнению психологов, способствует выходу женщины из ситуации кризиса и преодолению послеродовых депрессивных состояний [Саночкина 2019], что подкрепляется социологическими данными о выстраивании молодыми матерями различных стратегий самореализации [Гимадеева 2016]. Появление детей также стоит рассматривать как стимул для самореализации (частный случай этого — профессиональная самореализация молодых матерей в научном сообществе — описан одним из авторов данной статьи в результатах ранее проведённого исследования [Швецова 2021]). В реальной практике эти два аспекта сложно дифференцировать: в каждом конкретном случае пусковым механизмом для нематеринской активности служит комбинация внешних и внутренних факторов.

Одной из причин развития нематеринских практик является вовлечение в цифровую среду. Интернет стал для молодых мам основным источником информации, средой общения и самореализации. Характерный признак времени — «мамские» блоги в социальных сетях. Мы зафиксировали в российском сегменте Instagram³ более 8,8 млн. публикации с хештегом #мамавдекрете, 2,1 млн #мамаблогер, 1,9 млн. #молодаямама и ещё несколько миллионов аналогичных. Однако уже в первом приближении становится ясно, что далеко не все они посвящены вопросам развития и воспитания детей. Выбор данной социальной сети в качестве анализируемого источника обусловлен её популярностью среди россиянок в возрасте 18–34 лет (по данным ВЦИОМа⁴, лидеры молодёжной аудитории = Instagram и «ВКонтакте»), однако только Instagram располагает инструментом хештегирования, позволяющим идентифицировать различные группы пользователей). Несмотря на вариативность сценариев материнства, значительная часть современных женщин стремится адаптировать свой новый статус к привычному для себя ритму жизни. В условиях ограничения времени и возможности пространственных перемещений Интернет рассматривается как ресурс, канал связи, позволяющий эффективно взаимодействовать с внешним миром. Этот феномен можно обозначить как нематеринские онлайн-практики молодых матерей.

Производство визуального контента — важный компонент цифровой коммуникации и создания цифровой идентичности. Социальные сети, сфокусированные на визуальном элементе, представляют собой уникальную исследовательскую платформу. Цель данной статьи — описание и систематизация нематеринских онлайн-практик экономического поведения женщин в период декретного отпуска через анализ контента их аккаунтов. Изучение

³ Роскомнадзор внёс Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) в реестр запрещённых сайтов; социальная сеть прекратила работу на территории РФ с полуночи 14 марта 2022 г. Источник: https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru — *Примеч. ред.*

⁴ См.: Социальная сеть — фотоальбом XXI века. Аналитический обзор ВЦИОМа (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-set-fotoalbum-xxi-veka>).

практик использования социальных сетей как формы активности женщин в первые годы материнства позволит понять их потребности и интересы, выявить потенциал и риски интернет-пространства для молодых матерей и актуализировать концепт «материнство» в российской науке.

«Нематеринские практики молодых матерей» как теоретический концепт

Концепция социального конструирования гендера, на наш взгляд, одна из самых успешных рамок для объяснения изменений в современных практиках материнства. Вариативность стилей материнского поведения убедительно продемонстрирована результатами множества классических и новейших исследований [Филиппова 1998; Arendell 2000; Niemistö et al. 2020]. Мы видим, как новые факторы (смена экономических систем, цифровизация, пандемия) изменяют устойчивые образцы родительского поведения в короткие сроки. В российском научном дискурсе этот процесс осмысливается как смена гендерного порядка [Силласте 2019]. Границы допустимой активности женщин подвижны, детерминированы господствующими в данном социуме нормами, политической культурой и позицией социальных институтов, однако исследования позволяют зафиксировать некоторые универсальные принципы современного материнства.

Одним из таких принципов является дискурсивный концепт «хорошего материнства» [Niemistö et al. 2020], который диктует, что процесс воспитания должен быть ориентированным на ребёнка, управляем экспертами, эмоционально поглощающим, трудоёмким и дорогостоящим в финансовом отношении [Hays 1998]. В книге «Культурные противоречия материнства», отмеченной как выдающееся научное издание 1998 г., Шэрон Хейс прослеживает эволюцию идеологии интенсивного материнства и утверждает, что идеи о надлежащем материнстве проистекают из фундаментальной амбивалентности системы: общество ожидает, что женщины будут как примерными матерями, так и образцовыми работниками, без социально приемлемого компромисса. Эта мысль оказала значительное влияние на развитие гендерных исследований, поскольку отражает общие для большинства современных культур сдерживающие эффекты материнства.

Ещё один принцип — изменения в структуре идентичности женщины, поскольку новая роль зачастую отличается от идеалистических представлений о материнстве. Эти изменения могут носить разнонаправленный характер: чувство утраты собственных границ; расширение «я» за счёт включения детей в свою идентичность; усиление личности и идентичности через близость со своими детьми [Laney et al. 2015]. Реконструкция идентичности у современных матерей происходит в том числе в цифровом пространстве, позволяющем чувствовать себя частью большого сообщества, находясь дома. Исследования цифровой идентичности, набирающие популярность последние несколько лет, концентрируются на идее несоответствия между реальными и виртуальными образами пользователей⁵. Чтобы быть идентифицированной как хорошая мать в социальных сетях, нужно демонстрировать себя как женщину, которая посвящает жизнь своим детям, отказываясь от какой-либо другой идентичности, или как женщину, которая успешно балансирует между семьёй и работой, имея высокие результаты во всём [Pedersen 2016]. Завышенные и труднодостижимые ожидания имеют как позитивные (мотивация, стимулирование активности), так и негативные эффекты (отрицательное сравнение, занижение самооценки). Психологи считают поиск баланса между материнской и профессиональной идентичностями сложновыполнимой задачей, что порождает у женщин чувство вины и тревоги [Millward 2006; Sorensen 2017; Микляева, Румянцева 2018].

⁵ Принимая этот факт во внимание, мы считаем возможным в ряде случаев рассматривать виртуальные ситуации как аналогии реальным. Подробнее вопрос о степени соответствия реального и виртуального образов в фокусе экономических практик рассмотрен ниже, в разделе «Разновидности нематеринских онлайн-практик».

Третий принцип — изменение ритма жизни. Рождение ребёнка ограничивает свободу действий женщины во времени и пространстве, что означает профессиональную паузу и кардинальную смену привычек. В традиционных обществах основной сферой женской активности была организация быта и рождение детей не вносило особых изменений в этот уклад. На протяжении последнего столетия женщины активно включались в социальные и производственные процессы, что сформировало привычку внесемейной активности. Исследования фиксируют переживания молодых матерей в терминах «скука» и «однообразие», а послеродовая депрессия становится серьёзной проблемой для развитых стран [Jones et al. 2014; Dickens, Pawlusi 2018; Slomian et al. 2019], отражаясь в неутешительной суицидальной статистике, как происходит в Японии [Giving Life and Dying of Loneliness... 2018]. Стремление вернуться к «нормальной» жизни и не потерять достигнутые профессиональные позиции — одна из причин малодетности.

Таким образом, современное материнство сопряжено с действием трёх разнонаправленных сил: давлением социальных норм, психологическая перестройка и изменение ритма жизни. Это формирует условия для развития практик самореализации женщин, не связанных напрямую с выполнением их материнских функций, которые традиционно преобладают в структуре времени женщин, имеющих детей дошкольного возраста, особенно до достижения ими трёх лет. Австралийский социолог Элисон Бартлетт так сформулировала основную проблему, с которой сталкиваются женщины, становясь матерями: «Многие женщины изо всех сил пытаются приспособить время, необходимое для ухода за младенцами, к уже установленным временным режимам» [Bartlett 2010: 120]. На основании данных сравнительных международных исследований профессор Галина Филиппова утверждает, что воспитание ребёнка в младенчестве — дело сугубо женское, поэтому правила именно её поведения представлены в культурных моделях материнства [Филиппова 2002: 76]. Участие отца в первые годы жизни Филиппова оценивает в среднем в пределах 2%, отмечая также разнообразие линий отцовского поведения в зависимости от культурных особенностей. В совокупности с тенденцией увеличения родительского внимания, направленного на развитие детей [Dotti Sani, Treas 2016], можно предположить, что практики ухода за ребёнком и его воспитание являются преобладающими в структуре женского времени в период декретного отпуска. Условно назовём эту деятельность материнскими практиками, поскольку они направлены на удовлетворение потребностей ребёнка. Также значительная часть времени отводится на выполнение рутинных бытовых действий. Те действия, которые не относятся ни к рутинным, ни к материнским практикам, в настоящее время не определены, хотя объективно существуют. Мы предлагаем использовать для анализа этого феномена термин «нематеринские практики молодых матерей», понимая их как совокупность действий женщин в период декретного отпуска, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей и возникающих как реакция на отмену привычного ритма жизни.

Логика и процедура исследования

Использование цифровых площадок в качестве источников информации о современных материнских практиках закономерно набирает популярность, поскольку это доступные данные, содержащие потенциальные ответы на максимально широкий круг научных вопросов. Очевидное ограничение этого метода — сложность обработки сверхбольших массивов и, как следствие, не всегда прозрачная методология. Одним из решений может быть сужение исследовательского поля до одного источника — приложения, форума или социальной сети. Так, анализ популярного в Китае приложения для беременных и матерей (Babytree) позволил описать практики создания женщинами онлайн-рассказов о своём опыте беременности и материнства не только как средство заработка, но и как канал влияния на традиционные нормы материнства [Wang 2021]. Исследование онлайн-дискуссий на шведском форуме показало, что дискурс относительно категоризации «высокочувствительных детей» в контексте норм материнства отражает преобладающие на Западе актуальные каноны материнского поведения и «экспертный» детоцентризм европейской культуры [Edenroth-Cato 2020].

Поскольку мы полагаем, что главная особенность современного российского материнства — сочетание практик заботы о детях и самореализации (в том числе профессиональной), это исследование сосредоточено на выявлении механизмов, позволяющих женщинам балансировать между ролью хороших матерей и профессиональным успехом. Мы попытаемся систематизировать встречающиеся в российском сегменте социальных сетей практики матерей, не относящиеся напрямую к уходу за детьми. Ведение аккаунта может иметь разные цели (заработок, саморазвитие, общение, самопрезентация и т. д.), быть конструктивным или деструктивным (например, #winemom [Harding, Whittingham, McGannon 2021]). В данном исследовании мы ограничим интересующий нас спектр активностей только теми, которые имеют экономический эффект (то есть их основная цель — получение дохода). Объект исследования — русскоязычные аккаунты в социальной сети Instagram, репрезентируемые как материнские и посвящённые деятельности, приносящей доход.

Выбор онлайн-метода, специфика которого заключается в вычленинии интересующих фактов из общего массива виртуальной информации, был основан на том, что во время декретного отпуска многие женщины оказываются в социальной изоляции, и виртуальное общение становится чуть ли не главным способом взаимодействия с внешним миром. Процедура сбора данных разработана авторами на основе изученного опыта успешного, на наш взгляд, решения схожих исследовательских задач другими научными коллективами (примеры приведены выше). Первым шагом были анализ и систематизация всех русскоязычных хештегов, обнаруженных в Instagram и относящихся к материнству (хештеги, созданные по принципу «мать — количество детей», «мать — пол ребёнка», маркирующие многодетное или «особое» материнство, место жительства, вид деятельности, а также хештеги-шутки). Затем мы сузили область исследовательского интереса только до тех, которые относятся к нематеринским практикам, и систематизировали их, что позволило определить преобладающие дискурсы. В окончательную выборку попали 720 профилей русскоязычных женщин, сочетающих указание на материнство и содержащих информацию о практиках, имеющих экономический эффект, то есть приносящих доход.

Таким образом, все женские профили, попавшие в окончательную выборку, соответствовали трём условиям:

- наличие ребёнка дошкольного возраста, что в какой-либо форме отражено в аккаунте;
- наличие информации о деятельности, приносящей доход (в реальном или потенциальном виде);
- профиль активен, записи регулярно обновляются.

В качестве переменных было выделено следующее:

- количество детей (указано в «шапке» профиля либо определено из публикаций);
- количество постов (показатель публикационной активности);
- количество подписчиков (показатель популярности блога).

Номинальная переменная — преобладающий вид деятельности (в тех случаях, когда автор поста заявлял два направления и более, ведущий вид определялся через анализ визуального контента: наибольшее число публикаций).

Сбор информации произведён в январе — феврале 2022 г. Для соблюдения этической чистоты исследования в выборку были включены только открытые источники, имена пользователей кодировались, прямые цитаты не использовались.

Конечным этапом исследования стали систематизация нематеринских онлайн-практик и описание их возможных эффектов — рисков и перспектив.

На этапе подготовки статьи мы столкнулись с ситуацией, когда доступ к исследуемой социальной сети Instagram стал ограничен в связи с действиями её правообладателя (компания Meta признана экстремистской организацией в РФ). Тем не менее большинство пользовательниц продолжают воспринимать Instagram как основной ресурс коммуникации, поскольку это не запрещено законом, но при этом дублируют материал, «переезжая» на другие платформы. Мы наблюдаем, как система взаимодействия в «мамском» сообществе адаптируется к новым условиям, и ожидаем, что и сами практики несколько видоизменятся. При этом важно зафиксировать настоящий момент как этап развития онлайн-практик и активного преобразования материнства.

Разновидности нематеринских онлайн-практик

Хештегирование задаёт информационное поле в цифровом пространстве. Частота и контекст употребления хештегов дают представление об актуальных темах и их содержании. Ключевые темы постов о материнстве обращены к количеству детей (#мамавкубе, #мамапятерых, #многомама и т. д.), полу ребёнка (#мамасына, #мамапринцессы и др.), месту жительства (#мамамосква, #мамаекатеринбург, #мамасочи и др.) и виду деятельности (#мамаблогер, #бизнесмама, #мамавделе, #мамафотограф и др.). Распространены также хештеги-шутки, при помощи которых женщины маркируют стили своего материнского поведения (#яжмать, #матьехидна, #матьперемать и т. д.).

Наше первоначальное предположение состояло в том, что современные нематеринские практики женщин, имеющих малолетних детей, имеют ограниченную вариативность, а значит, могут быть классифицированы и описаны. В таком случае одним из оснований классификации может выступать среда, в которой реализуется эта активность, — цифровая или реальная. Но, изучив более 700 профилей, мы пришли к выводу, что наиболее значимым основанием является доминирующая агентность. Так, если женщина печёт торты и продаёт их своим подписчикам, можно говорить о доминировании реальной агентности, поскольку эта деятельность имеет место и вне цифровой среды. То же справедливо, если женщина обладает популярностью вне социальной сети (телеведущая, певица и др.) и имеет активный, приносящий доход профиль, а её подписчики интересуются ею как реальным человеком. О доминировании виртуальной агентности идёт речь в том случае, если интерес к персоне связан с теми образом жизни, взглядами и ценностями, которые демонстрируются в рамках аккаунта. Например, мама-блогер может иметь многомиллионную аудиторию, рассказывая о своих детях, подходах к их воспитанию и развитию, здоровью и взаимоотношениям. Её реальная идентичность может не соответствовать виртуальной по многим параметрам, однако пользователей будет интересовать именно тот образ, который существует в цифровом мире. По этому основанию мы разделили весь массив на две категории: с доминированием (1) реальной агентности и (2) виртуальной агентности (см. рис. 1).

Особенностью первой группы является выбор практик, направленных на создание продукта или оказание услуг в непосредственном взаимодействии с потребителем. Социальная сеть выступает как способ продвижения товара или услуги. Как правило, аккаунт представляет собой информационную поддержку существующему делу, профессии, увлечению:

- *производство продуктов питания.* Особенной популярностью среди мам пользуется изготовление кондитерских изделий. Доступ к онлайн-курсам профессиональных кондитеров, возможность использовать качественное сырьё и специальные гаджеты позволяют производить востребованный продукт, поддерживающий актуальные кондитерские тренды. Кроме этого, мамы предлагают полуфабрикаты, домашнюю еду с доставкой, выпечку;
- *изготовление детской и женской одежды.* Специфично-«мамский» подход заключается в поиске компромисса между эксклюзивностью вещей и их доступностью. Во многих случаях идея

создать собственный бренд возникает как желание найти качественные и красивые вещи для своего ребёнка. Мамы стремятся концептуализировать проекты, например, предлагая экологичные материалы, комплекты Family Look, вышивку ручной работы, религиозную или этническую одежду. Также популярны вязание (#вязайнер), изготовление аксессуаров и украшений;

- *оказание парикмахерских и косметологических услуг.* Домашние кабинеты являются более доступной альтернативой салонам, что делает парикмахеров и косметологов в декрете очень востребованными. Некоторые специальности (например, мастер маникюра или бровист) не требуют длительной подготовки и дорогостоящих материалов и выбираются для освоения во время декретного отпуска;
- *образовательные услуги.* Мамы с профильным образованием предлагают услуги репетиторства. Особенно популярны иностранные языки, развивающие занятия для малышей, живопись. Нехватка детских дошкольных учреждений побуждает мам организовывать присмотр за детьми, однако для запуска частного детского сада нужна лицензия. В ряде регионов существует возможность открытия семейных дошкольных групп, но в нашей выборке таких форм зафиксировано не было;
- *услуги творческого характера.* Мамы создают авторские блоги, где рассказывают о своих способностях и интересах. Популярны фотография, особенно семейная и детская фотосъёмка, организация мероприятий, дизайн интерьера. Также в выборку попали мамы-музыканты, писатели и хореографы. В одном случае маме удалось организовать успешный нетипичный для женщин столярный бизнес, сделав акцент на использовании оригинальных материалов и эксклюзивном дизайне.

Вторая группа сосредоточивается на использовании цифровой среды как экономического ресурса. Практики с доминирующей виртуальной агентностью выглядят привлекательными для женщин в декрете, так как на первый взгляд не требуют вложений и позволяют гибко планировать время. Однако мы пришли к выводу об их высокой рискогенности: далеко не всем мамам удаётся получить реальный доход, многие впустую тратят время или становятся жертвами мошенников. Итак, ко второй группе относятся следующие практики:

- *ведение блога.* Опыт нескольких успешных мам-блогеров, имеющих миллионы подписчиков и зарабатывающих на рекламе, побуждает женщин пробовать себя в качестве блогеров по принципу «я тоже так хочу». Коммерческий эффект имеют аккаунты с числом подписчиков не менее 10 тыс. человек, поэтому мамы стараются придумать «фишки» для своего блога, например: беременность и различные практики родовспоможения (партнёрские роды, гипнороды), советы по грудному вскармливанию и уходу за малышами, воспитание и развитие, кулинария и рецепты, фитнес для мам, макияж и уход за собой, похудение, отношения в семье, «мамский» юмор, путешествия, экологичный образ жизни. Часто в качестве основной идеи выступают особенности материнства: многодетная мать (#многомама, #мамадвойни); одинокая мать (#синглмама); мама ребёнка с ограниченными возможностями здоровья (#овзнеприговор, #особенныедети); мамы, потерявшие детей (#мамаангела), и др. Такие блоги в большей степени отражают практики взаимопомощи и социальной поддержки, привлекая внимание к специфичным проблемам материнства;
- *онлайн-консультации.* Юристы, экономисты, психологи, врачи некоторых специальностей, находясь в декрете, предлагают дистанционные консультации, что было особенно востребовано в период карантина. Специфический сегмент консультационных онлайн-услуг — нумероло-

гия, гадание, составление натальных карт. Его популярность среди мам в декрете можно объяснить ломкой идентичности и поиском новых жизненных ориентиров в этот период;

- *сетевой маркетинг* может быть представлен как крупными сетевыми компаниями, так и пирамидами с сомнительной репутацией. Это одна из наиболее агрессивных практик, сочетающих прямые продажи и вербовку новых сотрудников, которым обещают высокие доходы при минимальных усилиях. Рекрутеры используют различные тактики, в том числе придумывают звучные названия должностей (например, MLM-бизнес коуч), наполняют аккаунты фотографиями красивой жизни, не раскрывают содержание предлагаемой работы вне личной переписки;
- *заработки в Интернете*. Наименее прозрачная ниша, в которой мамы пытаются реализовать себя как продавцы на онлайн-площадках, специалисты по продвижению товаров, услуг и бренда в социальных сетях (SMM-менеджеры), как организаторы и продавцы курсов личностного развития и «прокачки» различных навыков. Основные риски связаны с «вложением» в малоэффективные обучающие курсы и с покупкой доступа к информации сомнительной достоверности о том, как заработать в Интернете.

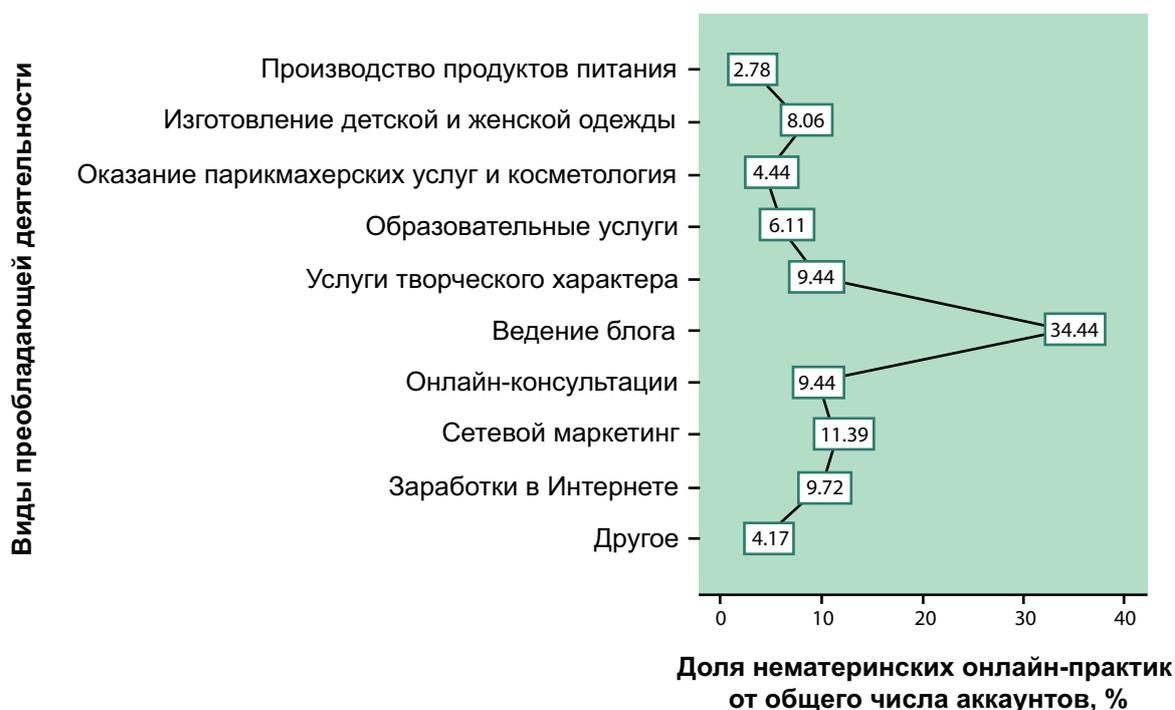

Рис. 1. Нематеринские онлайн-практики матерей по видам преобладающей деятельности (доля от общего числа аккаунтов, %)

Стоит отметить, что рассмотренные практики могут иметь разные масштаб и экономическую эффективность. Например, производство одежды — это и выполнение в домашних условиях единичных заказов, и собственный бренд одежды; блогерство может быть прибыльным бизнесом, а бывает лишь попыткой набрать подписчиков и выйти на уровень заключения рекламных контактов. Характерно, что часть «мамских» блогов имеют чёткое смысловое ядро, концептуальную основу, задающую узнаваемый стиль проекту (например, творческие, экологические, психологические, образовательные, туристические), однако наиболее популярные блоги такого ядра лишены и сосредоточены на ярком визуальном контенте.

От чего зависит популярность в «мамском» сообществе?

Согласно нашим данным, один из наиболее предпочтительных видов онлайн-заработка в декрете — блогерство (почти в 35% исследуемых аккаунтов ставка делается на прибыль от ведения блога). Этот вид заработка привлекателен лёгкостью входа (нет необходимости в специальном образовании, стартовом капитале и регистрации в налоговых органах на первых этапах) и свободным графиком. Часто создание контента — это карьера для многих интернет-знаменитостей, требующая значительного количества цифрового труда на содержание и обеспечение своего успеха. Однако большинство мам тратят время впустую, не добившись выхода на уровень платной рекламы — основной статьи дохода блогеров. Среди анализируемых нами аккаунтов менее 5% имели свыше 1 млн подписчиков, тогда как каждый третий аккаунт из вошедших в выборку обозначен как «блогерский» либо ведётся по принципу ориентированного на коммерческий результат блога (он открыт, обращён к широкому кругу читателей, автор призывает ставить «лайки», комментировать публикации, «борется» за подписчиков, устраивая розыгрыши подарков).

В основе идеи блогерства лежит принцип публичной жизни, то есть рассказа о своём быте в режиме реального времени. Можно говорить о «мамских» блогах как об экономических проектах и публицистическом феномене. В первом случае цель блога — получение прибыли; его функционирование следует определённым алгоритмам публикационной активности, автор или команда собирают и анализируют статистику, стремясь управлять мнением аудитории. Начинающие блогеры копируют внешнюю оболочку успешных проектов, пытаются повысить свои показатели за счёт покупки обучающих курсов, обещающих быстрые заработки на блогах и рекламе. Во втором случае основной мотив связан с реализацией социальных и психологических потребностей, публикации интуитивны по содержанию и отражают стремление автора к рефлексии над своим материнским опытом. Поддержание интереса публики требует систематической работы и постоянной активности, хотя, как следует из наших данных, большое число публикаций само по себе не гарантирует увеличения аудитории. Популярные «мамские» блоги имеют диапазон примерно в 1500–4500 публикаций, то есть напоминают о себе часто, но не навязчиво (см. рис. 2).

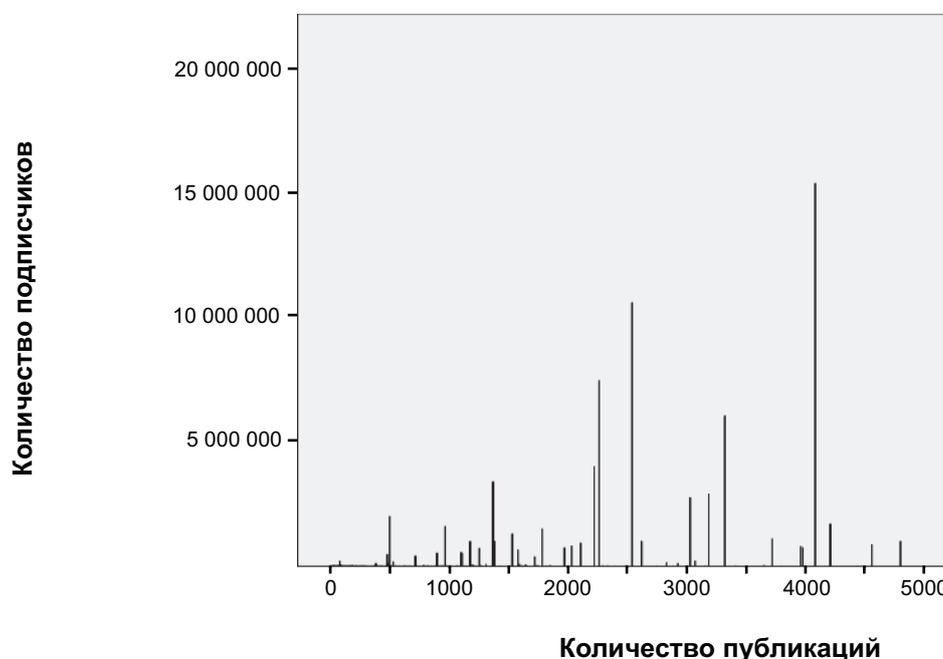

Рис. 2. Соотношение количества публикаций и подписчиков в «мамских» блогах

Чтобы привлечь подписчиков, мамы выкладывают в сеть свои фотографии, фотографии своих детей и супругов, сопровождая их постами на разные темы, в том числе сугубо личные. На обсуждение выносятся семейные ссоры, проблемы воспитания и взаимоотношений между супругами. Например, блогер

с количеством подписчиков более 10 тыс. человек сообщает, что новая семейная фотосессия стала причиной скандала, потому что дети и супруг не хотели принимать в ней участие. Почти 400 тыс. подписчиков имеет мама, рассказывающая о пережитом горе — потере ребёнка. Топовые блогеры «грешат» историями публичных разводов и счастливых воссоединений,кратно увеличивающих активность подписчиков.

Как уже отмечалось, многие мамы стремятся концептуализировать свой блог, взяв за основу какую-либо идею. Популярны кулинарные «мамские» блоги имеют свыше 500 тыс. подписчиков, но невысокую активность, поскольку рецепты часто читают и редко комментируют. Большой эмоциональный отклик получают блоги, посвящённые развитию детей, причём некоторые мамы начинают планировать беременность и вести блог одновременно, рассказывая подписчикам о каждом этапе своего нового состояния. Иногда обсуждения затрагивают интимные моменты (токсикоз, описание родов, в том числе фото и видео из роддома, грудное вскармливание, процесс восстановления после родов), однако это именно те вопросы, которые волнуют молодых мам, и их обсуждение не табуируется в данной аудитории.

В качестве идеи может выступать также специфика образа жизни. Например, религия («матушки»-блогеры рассказывают о своём опыте материнства и ведения традиционного быта, что привлекательно для верующих женщин), экоактивизм (переход к осознанному потреблению зачастую стимулируется материнством, поскольку возрастает чувство ответственности перед последующими поколениями людей) или эмиграция (причём русскоязычные блоги ведут как мамы, переехавшие из России в другую страну, так и мамы, приехавшие в Россию из стран ближнего зарубежья). Стоит отметить, что половина из 10 самых популярных блогов делают ставку на привлекательный визуальный элемент, демонстрирующий роскошь и чувство стиля (число подписчиков таких аккаунтов может превышать 15 млн человек).

С точки зрения нормативности современного материнства важен вопрос о влиянии количества детей на популярность в «мамском» сообществе, иначе говоря: сколько детей должна иметь женщина, чтобы считаться «достаточно авторитетной» мамой? Интересен факт, что при суммарном коэффициенте рождаемости в России 1,504 блоги однодетных матерей не пользуются популярностью, как и блоги женщин, имеющих более четырёх детей (см. рис. 3), то есть получить статус «опытной мамы», при этом не потеряв статуса «интересной мамы», вероятнее всего имея от двух до четырёх детей.

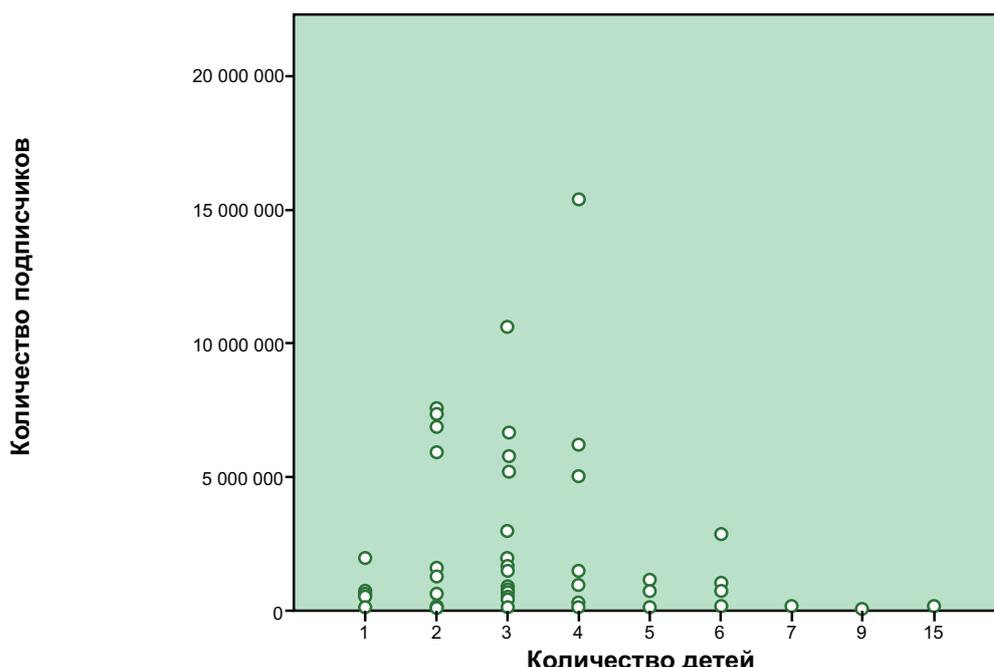

Рис. 3. Соотношение количества подписчиков с детностью у мам-блогеров

Исследователи периодически обращаются к материнским блогам как к источнику информации о трансформации материнства [Gürçayır 2014]. Можно констатировать, что блоги неоднородны по своей природе, но отражают общую тенденцию: популярные блогеры легитимируют определённые образцы материнства и оказывают влияние на развитие материнских практик. Одна из классификаций предлагает ориентироваться на два преобладающих типа контента: записи (1) «альфа-мамы» (адепты интенсивного материнства, демонстрирующие идеальный образ успешной мамы) и (2) «реалистичный» блог («неотредактированное материнство», акцент на противоречиях образа современной женщины и требований к ней) [Germic, Eckert, Vultee 2021]. В любом варианте инфлюэнсеры делятся информацией, основанной на личном опыте, которая ценится читателями не столько за качество и достоверность, сколько за оперативность её получения [Xie et al. 2021]. Как отмечает в своём исследовании Кара Клиф, женщины ищут репрезентацию подлинного опыта, который не могут получить где-либо ещё; «мамское» сообщество с его «истеричными, но достаточно честными» историями позволяет почувствовать себя менее одинокой, менее глупой, менее смешной [Cleaf 2015].

Дискуссия и обсуждение: потенциал и рискогенность онлайн-практик

Может ли онлайн-активность выйти на уровень предпринимательства? Развитие женского предпринимательства в последнее десятилетие стало одним из трендов ведущих мировых экономик, особенно в части роста значения малого бизнеса в структуре ВВП и социально ориентированных проектов. По данным Комитета по развитию женского предпринимательства общественной организации «ОПОРА России»⁶, в нашей стране доля женщин в малом бизнесе составляет менее 30% (существенно ниже уровня стран с развитыми и диверсифицированными экономиками), их потенциальная предпринимательская активность, что является значимым экономическим ресурсом. Исследования фиксируют влияние материнского опыта на переосмысление профессионального пути, в том числе на принятие решения о собственном деле [Hudson Breen, Leung 2020]. В риторике официальных лиц и массовом сознании женское предпринимательство тесно связано с материнством [Wu, Li, Zhang 2019].

Предпринимательство считается гендерно-нейтральной концепцией и практикой, хотя, как мы видим, женский бизнес сфокусирован в сфере услуг, лёгкой и пищевой промышленности, что соответствует нормативной модели женственности [Lewis 2013]. Оно ассоциируется с конкуренцией, тотальной вовлечённостью в процесс и сдержанностью, что проблематично для матерей в связи с балансировкой между работой и уходом за детьми, а также ожиданием эмоциональной открытости. Государство, в свою очередь, возлагает на женщин ожидания по ведению социально ответственного бизнеса⁷, то есть бизнеса, направленного не на максимизацию прибыли, а на решение общественных задач.

Открытие собственного бизнеса является желаемым, но не вполне реалистичным жизненным сценарием для россиянок. Индекс женской предпринимательской активности (Women Business Index — WBI) демонстрирует устойчивость в оценке его позитивного влияния на экономику на протяжении нескольких лет⁸. По данным аналитического центра НАФИ, две трети женщин (66%) указали предпринимательство как предпочтительный вид деятельности, при этом чаще других заняться предпринимательской деятельностью готовы женщины в возрасте 25–34 лет (73%), а также женщины с высшим

⁶ Комитет по развитию женского предпринимательства; см.: Официальный сайт Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» (<https://opora.ru/committees-and-commissions/komitety/razvitiyu-zhenskogo-predprinimatelstva/o-komitete-309/>).

⁷ Приветственное слово участницам 66-го Всемирного конгресса мировой ассоциации женщин-предпринимателей FCEM; см.: Официальный сайт Президента России (<http://www.kremlin.ru/events/president/letters/58866>).

⁸ Индекс женской предпринимательской активности, шестая волна; см.: Аналитический центр НАФИ, официальный сайт (<https://nafu.ru/analytics/indeks-zhenskoy-predprinimatelskoy-aktivnosti-6-volna/>).

образованием (71%). Этот показатель отражает совокупную оценку деловой активности женщин со стороны общества, доступность условий ведения бизнеса, а также степень соответствия профессиональных и личностных качеств, необходимых для женского предпринимательства, и в целом даёт оптимистичный прогноз на развитие женской деловой среды. Вместе с тем основные трудности развития женского предпринимательства и проблемы его масштабирования (нехватка соответствующих знаний и навыков, низкая профессиональная амбициозность, двойная занятость и ограниченный доступ к стартовому капиталу) актуализируют данные исследования 20-летней давности «Женщина новой России», результаты которого показали, что значительная часть женщин (27,7%) желают открыть своё дело, но считают это непосильной для себя задачей (см. табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Добились ли вы желаемого в следующих сферах: собственный бизнес?»**

Ответ респондента	N	Доля от общего числа опрошенных, %
Уже добилась	64	4,6
Пока не добилась, но считаю, что мне это по силам	202	14,4
Хотелось бы, но вряд ли удастся	389	27,7
В моих жизненных планах этого нет	734	52,2
Затруднились ответить	13	0,9
Отказ от ответа	4	0,3
Всего	1406	100

Источник: Данные исследования «Женщина новой России (ИКСИ)» (2001–2002). Руководители Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Шереги Ф. Э.; см. подробнее: URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1300&T=m&en=0

Согласно нашим данным, производство товаров в структуре нематеринских онлайн-активностей имеет низкие показатели (совокупно чуть более 10%), при этом стоит учитывать, что масштабы чаще всего невелики. Например, производство вязаных изделий — это штучные экземпляры, выполняемые женщиной самостоятельно. Однако есть случаи успешного развития проектов до производственных масштабов. В частности, из увлечения деревянным декором и ростом спроса на изделия в социальной сети вырос бизнес по производству авторской мебели, а из штучных фемили-луков (подбор гармонирующих между собой комплектов одежды для всех членов семьи) — бренд популярной одежды (Family Look). Вопрос о том, что является катализатором для успешного проекта (личностные качества, когнитивный компонент, поддержка семьи, позволяющая более рационально использовать временной ресурс или иные факторы), представляется нам стратегически важным, поскольку ответ на него способен существенно повысить эффективность планирования государственной поддержки женщин-предпринимателей.

Помимо производства одежды и продуктов питания, мамы активно предлагают свои услуги по косметологии, маникюру, стилистике. Индустрия красоты имеет стабильную динамику на российском рынке. По итогам 2021 г., объём рынка увеличился на 46,9% после падения в 2020 г. и составил более 150 млрд руб. Основной характеристикой рынка стало существенное изменение его структуры, то есть рост доли самозанятых, работающих на дому⁹. В нашей выборке почти 5% женщин предлагают бытислужбы и по большей части оказывают их дома либо в частном кабинете. Такой способ ведения бизнеса не требует значительных финансовых затрат в отличие от открытия парикмахерской или салона, позво-

⁹ Российский рынок парикмахерских и салонов красоты: итоги 2021 г., прогноз до 2025 г.; см. официальный сайт Консалтинговой компании Neoanalytics (<https://www.neoanalytics.ru/rossiiskii-rynok-parikmaherskih-i-salonnov-krasoty-2022-1/>).

ляет предлагать конкурентный ценник и компенсирует издержки негибкой налоговой системы, однако минимизирует пенсионные начисления.

Почти 10% участниц нашей выборки реализуют свою экономическую активность в сфере услуг творческого характера, большая часть которой представлена фотоиндустрией. «Мамы с фотоаппаратами» составляют специфическую для отрасли презентацию материнского предпринимательства и расширяют представления о возможностях совмещения творчества и материнства. Доступность программного обеспечения для редактирования фотографий и обмена файлами, цифровые платформы, обеспечивающие доступ к онлайн-рынкам, существенно снизили порог вхождения в отрасль и создали возможности для работы из дома. В то же время ряд исследователей отмечают отрицательные эффекты этого процесса: нестабильность надомной работы, маргинализацию и скудные заработки [Taylor 2015; Mayes, Williams, McDonald 2020].

Дискурсивное обрамление материнства и предпринимательства в контексте конфигурации бизнеса вокруг обязанностей по уходу за детьми задаёт рамки женской предпринимательской активности в границах малого бизнеса и непопулярных у мужчин ниш, причём эти рамки конструируются извне, но поддерживаются и самими женщинами как приемлемый компромисс. Вместе с тем китайские учёные пришли к выводу, что понимание предпринимательских барьеров женщин и расширения их прав и возможностей женского предпринимательства — это два разные вопроса [Wu, Li, Zhang 2019]. В результате межстранового исследования были выявлены четыре категории, различные конфигурации которых определяют успех развития женского предпринимательства или его отсутствие: (1) материнство, (2) предпринимательские знания и компетенции, (3) предпринимательские нормы и (4) финансирование. Важным выводом, вступающим в противоречие с мнением большинства исследователей, является то, что конфликт между работой и семьёй выступает трансцендентным фактором, побуждающим женщин начинать собственное дело [Wu, Li, Zhang 2019]. Альтернативная точка зрения заключается в том, что предпринимательство не может быть панацеей для разрешения конфликтов между работой и семьёй [Kirkwood, Tootell 2008], поскольку высокая нагрузка является причиной физических проблем и эмоционального истощения.

Таким образом, развитие женского предпринимательства становится потенциально привлекательным, но не лишённым подводных камней способом повышения уровня материальной защищённости женщин в период материнства. Попытки организовать бизнес при помощи социальных сетей часто неудачны, в том числе из-за незнания базовых принципов его построения. Актуальные образовательные инициативы (например, возможность пройти бесплатное обучение женщинами, находящимися в отпуске по уходу за ребёнком до трёх лет либо не состоящими в трудовых отношениях и имеющими детей дошкольного возраста¹⁰, или получить бизнес-образование¹¹) способны преодолеть этот барьер при условии понятного и финансово доступного механизма вхождения в бизнес-процессы.

Вместе с тем онлайн-практики имеют существенные риски. Нематеринские практики, реализуемые в любых формах, связаны с тремя характеристиками: идентичность (согласование материнской роли с другими социальными ролями, в том числе с ролью профессионала или предпринимателя), мотивация (основанная на балансе между работой и личной жизнью) и поиск возможностей (возникающих как реакция на отмену привычного ритма жизни и столкновения с реальным материнством, отличающимся от его идеалистического образа). Многие женщины в первые годы материнства переживают внутренние противоречия между надлежащим выполнением обязанностей по воспитанию и собствен-

¹⁰ См.: официальный сайт нацпроекта «Демография» (<https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya>).

¹¹ См. официальный сайт проекта «Мама-предприниматель» (<https://mama-predprinimatel.ru/>).

ным профессиональным и личностным развитием (см., например, исследование жизненных сценариев женщин-предпринимателей: [Duberley, Carrigan 2013]), пытаясь надстраивать свои потребности вокруг потребностей малыша. Цифровая среда отчасти снимает эти противоречия, позволяя реализовывать свои амбиции, находясь дома в контакте с детьми. Однако эта же ситуация несёт и потенциальные риски как на экономическом уровне, так и на психологическом.

Попытки найти заработок, используя цифровые площадки, на уровне психологии могут быть поняты как «форма предпринимательства по необходимости» [Richomme-Huet, Vial, d'Andria 2013: 267], вынужденное решение в условиях ограниченных возможностей [Mayes, Williams, McDonald 2020]. Выбор онлайн-практик продиктован не столько хорошим знанием среды и принципов работы в ней, сколько отсутствием альтернатив, что не способствует созданию благоприятного психологического климата.

Кроме того, реализуя те или иные практики в социальных сетях, мама является не только действующим субъектом, но и потребителем информации. Несмотря на то что социальные сети могут быть полезным валидным инструментом для социализации в новом материнском статусе через понимание себя как части материнского сообщества, участие в них неизбежно запускает механизм сравнения себя с другими. Инфлюэнсеры вкладывают значительные средства в поддержание своего образа, однако для большинства типичных мам воссоздание этого образа недостижимо, что, как утверждают исследователи, негативно сказывается на самооценке женщин [Germic, Eckert, Vultee 2021]. «Картиночная» природа ожиданий от материнства и несоответствие своего реального положения этим ожиданиям рассматриваются как собственное отклонение от нормы даже в тех случаях, когда постановочный характер контента осознаётся пользователями [Press 2006].

Наибольшую потенциальную опасность среди психологических факторов риска несёт интернет-зависимость. Доказано, что технологии и повседневное общение с их помощью занимают одно из ведущих мест среди факторов, влияющих на психическое здоровье общества [Young 1998; Allen et al. 2014]. Онлайн-инструменты создают парадокс социальных связей: с одной стороны, они повышают лёгкость, с которой люди могут инициировать онлайн-сообщества, управлять ими и вступать в них, но, с другой стороны, способны стать источником отчуждения и остракизма. Нет научных данных о том, что паталогическое стремление проверить новостную ленту или мессенджер в социальных сетях влияет на качество контакта матери и ребёнка, однако, вероятнее всего, такие данные — только вопрос времени.

Как уже было отмечено, онлайн-пространство предоставляет возможности для экономической активности женщин в декрете, но при этом несёт и специфические риски, связанные в первую очередь с уязвимостью перед интернет-мошенничеством. Помимо традиционных схем с незаконным списанием средств, действуют и менее явные механизмы (например, организация онлайн-курсов «по быстрым заработкам в Интернете» или «попаданию в финансовый поток», разнообразные «марафоны желаний» и услуги гадалок). Виктимность молодых матерей обусловлена снижением их критичности (подтверждено исследованиями нейрофизиологов; см.: [Rippon 2019; Tucker 2021]) и ситуацией стресса, в которой женщины оказываются после смены привычного ритма жизни.

Также экономический риск онлайн-практик выражается в отсутствии ожидаемого эффекта от деятельности. Затраченное время и ресурсы не всегда окупаются, поскольку рынок онлайн-услуг требует знания механизмов его функционирования и понимания актуальных ниш. Действуя интуитивно, молодые мамы принимают за бизнес предложения сетевого маркетинга и попадают в цикл перманентных закупок за свой счёт. Таким образом, экономическая и правовая грамотность является важнейшим условием снижения рискогенности цифровой среды.

Заключение

Материнство в современной культуре — это сложное и многоуровневое явление, рутинная практика и презентация этой практики одновременно, уникальный индивидуальный опыт и строгий нормативный институт. Вместе с тем материнство — смыслообразующая категория в жизни женщины, своеобразная инициация. Рождение ребёнка вносит существенные коррективы в стиль жизни, ограничивая привычные социальные действия и способствуя появлению новых.

Возникающая в результате амбивалентность приводит к поиску возможностей самореализации и источников финансирования взамен утраченных. В данной статье мы ввели для анализа этого феномена термин «нематеринские практики молодых матерей», отделив их, таким образом, от выполнения рутинных дел и практик ухода за ребёнком. Одной из разновидностей современных нематеринских практик, позволяющих балансировать между выполнением материнских функций и решением задач самореализации, являются экономические онлайн-практики, изучение которых стало целью данного научного проекта. В основе исследования лежали следующие вопросы:

- какие практики, позволяющие женщинам в декретном отпуске получать доход, существуют в российском сегменте Интернета?
- каковы потенциал и рискогенность этих практик?

Отвечая на первый вопрос, мы систематизировали наиболее популярные из таких практик, основываясь на предположении, что точкой демаркации является доминирующая агентность (реальная или виртуальная). Безусловным положительным эффектом онлайн-практик является возможность профессиональной самореализации, получения дополнительного дохода и развития собственного бизнеса. Кроме того, виртуальная среда позволяет молодым мамам чувствовать себя частью большого сообщества, обмениваться мнениями и опытом. Рискогенность практик связана с тем, что затраченное время, усилия и средства не всегда окупаются, а молодые матери уязвимы перед интернет-мошенничеством, поскольку демонстрируют высокую доверчивость. К негативным факторам также относятся интернет-зависимость и низкое качество просматриваемого контента, что можно утверждать исходя из анализа популярных «мамских» блогов. Идентификация через опыт материнства позволяет женщинам более критично воспринимать окружающую действительность, замечать и объективировать социальные проблемы и противоречия. Вот почему многие общественные, в том числе экологические, проекты инициированы мамами, а дискуссии вокруг женского предпринимательства часто ведутся в логической сцепке именно с материнством, хотя не все женщины становятся матерями.

В момент подготовки данной статьи мы столкнулись с новыми обстоятельствами — блокировкой популярных социальных сетей в России. Однако авторский коллектив уверен в пользе проведённого исследования и необходимости публикации данных по его результатам. Во-первых, вне зависимости от сроков блокировки, мы имеем слепок определённого исторического периода и специфики материнского поведения в нём, что важно сохранить и зафиксировать. Во-вторых, сам исследовательский алгоритм может быть применён для работы в других цифровых средах, поскольку его принцип довольно универсален. В-третьих, мы получили представление о практиках экономического поведения молодых матерей, которые выходят за рамки виртуального мира. Нам удалось показать, что женщины в период декретного отпуска имеют сверхвысокую мотивацию как на саморазвитие, так и на развитие бизнес-проектов и инициатив, они энергичны, предприимчивы и дисциплинированы, но нуждаются в специальных мерах поддержки в этот период. Мы надеемся на то, что полученные данные будут полезны при разработке социальных и экономических программ поддержки материнства и женского предпринимательства.

Литература

- Абдулаева З. З. 2020. «Штраф за материнство»: наличие детей как фактор снижения конкурентоспособности женщин на рынке труда. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 9 (119): 132–138.
- Гимадеева Д. Р. 2016. Профессиональная самореализация в сети (на примере социальной сети Инстаграм). *Социодинамика*. 10: 28–36.
- Ермолина А. А. et al. 2016. Рождение ребёнка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России «штраф за материнство»? *Демоскоп Weekly*. 701–702: 35–40.
- Женщины и мужчины России*. 2020. Статистический сборник. М.: Росстат.
- Круглова Е. Л. 2020. Феминизация бедности как одна из основных угроз молодой российской семьи. *Дискуссия*. 99 (2): 58–65.
- Микляева А. В., Румянцева П. В. 2018. «#онажемаТЬ»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе. *Женщина в российском обществе*. 1 (86): 67–77.
- Пишняк А. И., Надеждина Е. В. 2020. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры. *Журнал исследований социальной политики*. 18 (2): 221–238.
- Саночкина А. В. 2019. Проблемы самореализации женщин в период отпуска по уходу за ребёнком. В кн.: Васягиной Н. Н., Казаевой Е. А. (науч. ред.) *Актуальные проблемы психологии личности*. Сборник научных трудов. Екатеринбург: [б. и.]; 234–238.
- Силласте Г. Г. 2019. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка. *Женщина в российском обществе*. 2: 3–16.
- Филиппова Г. Г. 1998. Материнство: сравнительно-психологический подход. *Психологический журнал*. 19 (5): 81–88.
- Филиппова Г. Г. 2002. *Психология материнства*. Учебное пособие. М.: Изд-во Института психотерапии.
- Швецова А. В. 2021. Барьеры профессионального развития молодых учёных в гендерно-дифференцированной среде научного сообщества. *Женщина в российском обществе*. 1: 83–93.
- Allen K.-A. et al. 2014. Social Media Use and Social Connectedness in Adolescents: The Positives and the Potential Pitfalls. *Australian Journal of Educational and Developmental Psychologist*. 31 (1): 18–31.
- Arendell T. 2000. Conceiving and Investigating Motherhood: The Decade's Scholarship. *Journal of Marriage and Family*. 62 (4): 1192–1207.
- Banerjee P., Biswas S., Mazumder D. 2022 (Preprint). Maternity Leave and Labour Market Outcomes. *SSRN Electronic Journal*. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4159552>

- Bartlett A. 2010. Babydaze Maternal Time. *Time & Society*. 19 (1): 120–132.
- Cleaf K. 2015. Of Woman Born to Mommy Blogged: The Journey from the Personal as Political to the Personal as Commodity. *WSQ: Women's Studies Quarterly*. 43 (3): 247–264.
- Dickens M. J., Pawluski J. L. 2018. The HPA Axis During the Perinatal Period: Implications for Perinatal Depression. *Endocrinology*. 159 (11): 3737–3746.
- Dotti Sani G., Treas J. 2016. Educational Gradients in Parents' Child-Care Time Across Countries, 1965–2012: Educational Gradients in Parents' Child-Care Time. *Journal of Marriage and Family*. 78 (4): 1083–1096.
- Duarte-Guterman P., Leuner B., Galea L. 2019. The Long- and Short-Term Effects of Motherhood on the Brain. *Frontiers in Neuroendocrinology*. 53: art. 100740 URL: <https://doi.org/10.1016/j.yfrne.2019.02.004>
- Duberley J., Carrigan M. 2013. The Career Identities of 'Mumpreneurs': Women's Experiences of Combining Enterprise and Motherhood. *International Small Business Journal*. 31 (6): 629–651.
- Edenroth-Cato F. 2020. Motherhood and Highly Sensitive Children in an Online Discussion Forum. *Health*. 24 (4): 442–458.
- Garvan J. 2020. Ambivalence and Identification: Avenues for Reification or Change. In: LaChance Adams S., Cassidy T., Hoga S. (eds) *The Maternal Tug: Ambivalence, Identity, and Agency*. Bradford, Ontario: Demeter Press; 199–218.
- Germic E., Eckert S., Vultee F. 2021. The Impact of Instagram Mommy Blogger Content on the Perceived Self-Efficacy of Mothers. *Social Media + Society*. 7 (3). URL: <https://doi.org/10.1177%2F20563051211041649>
- Giving Life and Dying of Loneliness: Many New Mothers Commit Suicide in Japan. 2018. *AsiaNews.it*. URL: <http://www.asianews.it/news-en/Giving-life-and-dying-of-loneliness:-many-new-mothers-commit-suicide-in-Japan-44902.html>
- Gürçayır Teke S. 2014. A Netnographic Analysis on the Transformation of Motherhood: Blogger Mothers. *Milli Folklor*. 103 (26): 32–47.
- Harding K. D., Whittingham L., McGannon K. R. 2021. '#sendwine: An Analysis of Motherhood, Alcohol Use and #winemom Culture on Instagram'. *Substance Abuse: Research and Treatment*. 15. URL: <https://doi.org/10.1177/11782218211015195>
- Hays S. 1998. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press.
- Hudson Breen R. E., Leung A. 2020. Choosing Mothering and Entrepreneurship: A Relational Career-Life Process. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. 12 (3): 253–271.
- Ionio C. et al. 2019. What is the Role Played by Pregnancy in the Construction of a Woman's Identity and Her Association with Her Child-to-Be? *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 39 (3): 250–262.
- Jones I. et al. 2014. Bipolar Disorder, Affective Psychosis, and Schizophrenia in Pregnancy and the Post-Partum Period. *Lancet*. 384: 1789–1799.

- Kim P., Dufford A., Tribble R. 2018. Cortical Thickness Variation of the Maternal Brain in the First 6 Months Postpartum: Associations with Parental Self-Efficacy. *Brain Structure and Function*. 223 (7): 3267–3277.
- Kirkwood J., Tootell B. 2008. Is Entrepreneurship the Answer to Achieving Work-Family Balance? *Journal of Management & Organization*. 14 (3): 85–302.
- Laney E. et al. 2015. Becoming a Mother: The Influence of Motherhood on Women's Identity Development. *Identity*. 15 (2): 126–145.
- Lewis P. 2013. The Search for an Authentic Entrepreneurial Identity: Difference and Professionalism among Women Business Owners. *Gender, Work and Organization*. 20 (3): 252–266.
- Luders E. et al. 2018. Potential Brain Age Reversal after Pregnancy: Younger Brains at 4–6 Weeks Postpartum. *Neuroscience*. 386: 309–314.
- Mayes R., Williams P., McDonald P. 2020. Mums with Cameras: Technological Change, Entrepreneurship and Motherhood. *Gender, Work and Organization*. 27 (6): 1468–1484.
- Millward L. J. 2006. The Transition to Motherhood in an Organizational Context: An Interpretative Phenomenological Analysis. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 79 (3): 315–333.
- Niemistö C. et al. 2020. Motherhood 2.0: Slow Progress for Career Women and Motherhood within the 'Finnish Dream'. *Work, Employment and Society*. 35 (4): 696–715.
- Pedersen S. 2016. The Good, the Bad and the 'Good Enough' Mother on the UK Parenting Forum Mumsnet. *Women's Studies International Forum*. 59: 32–38.
- Press A. 2006. The Mommy Myth: The Idealization of Motherhood and How It Has Undermined Women. *Feminist Formations*. 18 (2): 235–236.
- Richomme-Huet K., Vial V., d'Andria A. 2013. Mumpreneurship: A New Concept for an Old Phenomenon? *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*. 19 (2): 251–275.
- Rippon G. 2019. *Gendered Brain: The New Neuroscience That Shatters the Myth of the Female Brain*. London: The Bodley Head Ltd.
- Slomian J. et al. 2019. Consequences of Maternal Postpartum Depression: A Systematic Review of Maternal and Infant Outcomes. *Women's Health*. 15: art. 1745506519854864. URL: <https://doi.org/10.1177/1745506519844044>
- Sorensen S. O. 2017. The Performativity of Choice: Postfeminist Perspectives on Work–Life Balance. *Gender, Work and Organization*. 24 (3): 297–313.
- Taylor S. 2015. A New Mystique? Working for Yourself in the Neoliberal Economy. *The Sociological Review*. 63 (1): 174–187.
- Tucker A. 2021. *Mom Genes: Inside the New Science of Our Ancient Maternal Instinct*. New York: Gallery Books.

- Wang H. 2021. Chinese Women's Reproductive Justice and Social Media. *Technical Communication Quarterly*. 30 (3): 285–297.
- Wu J., Li Y., Zhang D. 2019. Identifying Women's Entrepreneurial Barriers and Empowering Female Entrepreneurship Worldwide: A Fuzzy-Set QCA Approach. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 15 (2): 1–24.
- Xie J. et al. 2021. How Do Mothers Exchange Parenting-Related Information in Online Communities? A Meta-Synthesis. *Computers in Human Behavior*. 115: art. 106631 URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106631>
- Young K. S. 1998. Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder. *Cyberpsychology & Behavior*. 1 (3): 237–244.

NEW TEXTS

Anastasia Shvetsova, Irina Simonova, Alena Obolenskaya, Marina Krivoshchekova

Online Practices of the Economic Behavior of Russian Women during Maternity Leave

SHVETSOVA, Anastasia — Candidate Science (in Sociology), Senior Researcher, Ural State Pedagogical University. Address: 26 Cosmonauts str., 620017, Yekaterinburg, Russian Federation.

Email: shvetsovaav@mail.ru

SIMONOVA, Irina — Candidate Science (in Philosophy), Associate Professor, Department of Pedagogy and Pedagogical Comparative Study, Ural State Pedagogical University. Address: 26 Cosmonauts str., 620017, Yekaterinburg, Russian Federation.

Email: luboe05@mail.ru

OBOLENSKAYA, Alena — Candidate Science (in Economy), Senior Researcher, Ural State Pedagogical University. Address: 26 Cosmonauts str., 620017, Yekaterinburg, Russian Federation.

Email: a.obolenskaya@mail.ru

KRIVOSHCHEKOVA, Marina — Candidate Science (in Pedagogy), Associate Professor, Department of Professionally-Oriented Language Education, Ural State Pedagogical University. Address: 26 Cosmonauts str., 620017, Yekaterinburg, Russian Federation.

Email: kmsolimp@mail.ru

Abstract

The article analyzes the increasing importance of visual media content in the daily life of Russian women with children under the age of 3 and suggests methods for studying visual social networks, both graphic and intertextual content. Based on the theory of social construction of gender, the authors introduce the concept of “non-maternal practices of young mothers”, defining it as a set of actions performed by women during maternity leave and aimed at meeting their social, economic, psychological needs that arise from the disappearance of the usual rhythm of life. A significant part of these practices is implemented in the online space, which makes it possible to resolve the problem of their social isolation during this period. We analyzed 720 social media accounts to understand what the thematic field of the modern mother community is and what types of economic activity are implemented in it. The results of the study represent a classification of online practices of young mothers implemented in social networks and aimed at obtaining an economic effect. The classification is based on the principle of dominant agency: real or virtual. A feature of the first group is the choice of practices aimed at creating a product or providing services in direct interaction with the consumer (food production, clothing manufacturing, hairdressing and cosmetology services, education, and creative crafts), and the social network acts aimed at promoting a product or service. The second group focuses on the direct use of the digital environment as an economic resource (blogging, online consultations, network marketing). Most practices spring from women’s desire for communication, self-realization, and earnings, which is understandable in terms of gender analysis and economic realities. However, some actions may have problematic sociocultural consequences. The riskiness of the digital environment is associated with psychological consequences, including the formation of Internet addiction, as well as negative economic effects (the vulnerability of young mothers to Internet fraud, the discrepancy between time and labor costs, and the profit received). The main conclusion of the article is that the study of women’s online economic practices during maternity leave with a focus on non-maternity practices is a promising and strategically important area of research in the landscape of modern motherhood.

Key words: gender analysis; motherhood; economic activity; internet; digital environment; online practices; social networks.

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 22-28-00636 “Modern ‘non-maternal’ practices of young mothers: repertoire, potential and social risk”.

References

- Abdulaeva Z. Z. (2020) “Shtraph za materinstvo:” nalichie detey kak phaktor snizheniya konkurentosobnosti zhenshchin na rynke truda [“Penalty for Motherhood:” the presence of Children as a Factor in Reducing the Competitiveness of Women in the Labor Market]. *Regional Problems of Economic Transformation = Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, no 9 (119), pp. 132–138 (in Russian).
- Allen K.-A., Ryan T., Gray D., McInerney D., Waters L. (2014) Social Media Use and Social Connectedness in Adolescents: The Positives and the Potential Pitfalls. *Australian Journal of Educational and Developmental Psychologist*, vol. 31, no 1, pp. 18–31. Available at: <https://doi.org/10.1017/edp.2014.2> (accessed 30 August 2022).
- Arendell T. (2000). Conceiving and Investigating Motherhood: The Decade’s Scholarship. *Journal of Marriage and Family*, vol. 62, no 4, pp. 1192–1207.
- Banerjee P., Biswas S., Mazumder D. (2022. Preprint). Maternity Leave and Labour Market Outcomes. *SSRN Electronic Journal*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4159552> (accessed 30 August 2022).
- Bartlett A. (2010) Babydaze Maternal Time. *Time & Society*, vol. 19, no 1, pp. 120–132.
- Cleaf K. (2015). Of Woman Born to Mommy Blogged: The Journey from the Personal as Political to the Personal as Commodity. *WSQ: Women’s Studies Quarterly*, vol. 43, no 3, pp. 247–264.
- Dickens M. J., Pawluski J. L. (2018) The HPA Axis During the Perinatal Period: Implications for Perinatal Depression. *Endocrinology*, vol. 159, no 11, pp. 3737–3746.
- Dotti Sani G., Treas J. (2016) Educational Gradients in Parents’ Child-Care Time Across Countries, 1965–2012: Educational Gradients in Parents’ Child-Care Time. *Journal of Marriage and Family*, vol. 78, no 4, pp. 1083–1096.
- Duarte-Guterman P., Leuner B., Galea L. (2019) The Long- and Short-Term Effects of Motherhood on the Brain. *Frontiers in Neuroendocrinology*, vol. 53, art. 100740 Available at: <https://doi.org/10.1016/j.yfrne.2019.02.004> (accessed 30 August 2022).
- Duberley J., Carrigan M. (2013) The Career Identities of ‘Mumpreneurs’: Women’s Experiences of Combining Enterprise and Motherhood. *International Small Business Journal*, vol. 31, no 6, pp. 629–651.
- Edenroth-Cato F. (2020) Motherhood and Highly Sensitive Children in an Online Discussion Forum. *Health*, vol. 24, no 4, pp. 442–458.
- Ermolina A. A., Rokhmina E. B., Vasilyeva Yu. M., Trach T. M. (2016) Rozhdenie rebenka kak phaktor dokhodnoy obespechennosti zhenshchin. Naskol’ko velik v Rossii “shtraph za materinstvo”? [The Birth of a Child as a Factor in the Income Security of Women. How Big is the “Fine for Motherhood” in Russia?]. *Demoscope Weekly = Demoskop Weekly*, no 701–702, pp. 35–40 (in Russian).

- Filippova G. G. (1998) Materinstvo: sravnitel'no-psikhologicheskii podkhod [Motherhood: A Comparative Psychological Approach] *Psychological Journal = Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 19, no 5, pp. 81–88 (in Russian).
- Filippova G. G. (2002) *Psikhologiya materinstva* [Psychology of Motherhood], Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii (in Russian).
- Garvan J. (2020). Ambivalence and Identification: Avenues for Reification or Change. *The Maternal Tug: Ambivalence, Identity, and Agency* (eds. S. LaChance Adams, T. Cassidy, S. Hoga), Bradford, Ontario: Demeter Press, pp. 199–218.
- Germic E., Eckert S., Vultee F. (2021). The Impact of Instagram Mommy Blogger Content on the Perceived Self-Efficacy of Mothers. *Social Media + Society*, vol. 7 no 3. Available at: <https://doi.org/10.1177/20563051211041649> (accessed 30 August 2022).
- Gimadeeva D. R. (2016) Professional'naya samorealizatsiya v seti (na primere sotsial'noy seti Instagram) [Professional Self-Realization in the Network (On the Example of the Social Network Instagram)]. *Socio-dynamics = Sociodinamika*, no 10, pp. 28–36 (in Russian).
- Giving Life and Dying of Loneliness: Many New Mothers Commit Suicide in Japan (2018) *AsiaNews.it*. Available at: <http://www.asianews.it/news-en/Giving-life-and-dyingof-loneliness:-many-new-mothers-commit-suicide-in-Japan-44902.html> (accessed 2 March 2022).
- Gürçayır Teke S. (2014) A Netnographic Analysis on the Transformation of Motherhood: Blogger Mothers. *Milli Folklor*, vol. 103, no 26, pp. 32–47.
- Harding K. D., Whittingham L., McGannon K. R. (2021) '#sendwine: An Analysis of Motherhood, Alcohol Use and #winemom Culture on Instagram'. *Substance Abuse: Research and Treatment*, vol. 15. Available at: <https://doi.org/10.1177/11782218211015195> (accessed 30 August 2022).
- Hays S. (1998) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven: Yale University Press.
- Hudson Breen R. E., Leung A. (2020) Choosing Mothering and Entrepreneurship: A Relational Career-Life Process. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*, vol. 12, no 3, pp. 253–271.
- Ionio C., Smorti M., Mascheroni E., Ongaro G., Cattaneo E., Gemignani A., von Wunster S., Bonassi L. (2019). What is the Role Played by Pregnancy in the Construction of a Woman's Identity and Her Association with Her Child-to-Be? *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 39, no 3, pp. 250–262.
- Jones I., Chandra P. S., Dazzan P., Howard L. M. (2014). Bipolar Disorder, Affective Psychosis, and Schizophrenia in Pregnancy and the Post-Partum Period. *Lancet*, vol. 384, pp. 1789–1799.
- Kim P., Dufford A. J., Tribble R. C. (2018). Cortical Thickness Variation of the Maternal Brain in the First 6 Months Postpartum: Associations with Parental Self-Efficacy. *Brain Structure & Function*, vol. 223, no 7, pp. 3267–3277.
- Kirkwood J., Tootell B. (2008) Is Entrepreneurship the Answer to Achieving Work-Family Balance? *Journal of Management & Organization*, vol. 14, no 3, pp. 285–302.

- Kruglova E. L. (2020) Feminizatsiya bednosti kak odna iz osnovnykh ugroz molodoy rossiyskoy sem'i [Feminization of Poverty as One of the Main Threats to a Young Russian Family]. *Discussion = Diskussiya*, vol. 99, no 2, pp. 58–65 (in Russian).
- Laney E., Lewis Hall M. E., Anderson T. L., Willingham M. (2015) Becoming a Mother: The Influence of Motherhood on Women's Identity Development. *Identity*, vol. 15 no 2, pp. 126–145.
- Lewis P. (2013) The Search for an Authentic Entrepreneurial Identity: Difference and Professionalism among Women Business Owners. *Gender, Work and Organization*, vol. 20, no 3, pp. 252–266.
- Luders E., Gingnell M., Poromaa I., Engman J., Kurth F., Gaser C. (2018) Potential Brain Age Reversal after Pregnancy: Younger Brains at 4–6 Weeks Postpartum. *Neuroscience*, vol. 386, pp. 309–314.
- Mayes R., Williams P., McDonald P. (2020) Mums with Cameras: Technological Change, Entrepreneurship and Motherhood. *Gender, Work and Organization*, vol. 27, no 6, pp. 1468–1484.
- Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. (2018) «#onazhemat'»: implitsitnye sotsial'nye predstavleniya o materinstve v sovremennom rossiyskom internet-diskurse [“#onazhemat'”: Implicit Social Ideas about Motherhood in Modern Russian Internet Discourse]. *Woman in Russian Society = Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, vol. 86, no 1, pp. 67–77 (in Russian).
- Millward L. J. (2006) The Transition to Motherhood in an Organizational Context: An interpretative Phenomenological Analysis. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, vol. 79, no 3, pp. 315–333.
- Niemistö C., Hearn J., Kehn C., Tuori A. (2020) Motherhood 2.0: Slow Progress for Career Women and Motherhood within the 'Finnish Dream'. *Work, Employment and Society*, vol. 35, no 4, pp. 696–715. DOI: [10.1177/0950017020987392](https://doi.org/10.1177/0950017020987392)
- Pedersen S. (2016) The Good, the Bad and the 'Good Enough' Mother on the UK Parenting Forum Mumsnet. *Women Studies International Forum*, vol. 59, pp. 32–38.
- Pishnyak A. I., Nadezhkina E. V. (2020) Zanyatost' rossiyskikh zhenshchin posle rozhdeniya detey: stimuly i bar'ery [Employment of Russian Women after the Birth of Children: Incentives and Barriers]. *Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, vol. 18, no 2, pp. 221–238 (in Russian).
- Press A. (2006) The Mommy Myth: The Idealization of Motherhood and How It Has Undermined Women. *Feminist Formations*, vol. 18, no 2, pp. 235–236.
- Richomme-Huet K., Vial V. d'Andria A. (2013) Mumpreneurship: A New Concept for an Old Phenomenon? *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, vol. 19, no 2, pp. 251–275.
- Rippon G. (2019) *Gendered Brain: The New Neuroscience That Shatters the Myth of the Female Brain*, London: The Bodley Head Ltd.
- Sanochkina A. V. (2019) Problemy samorealizatsii zhenshchin v period otpuska po ukhodu za rebenkom [Problems of Self-Realization of Women During Parental Leave]. *Aktual'nye problemy psikhologii lichnosti: Sb. nauchnykh trudov* [Actual Problems of Personality Psychology. Sat. scientific works] (eds. N. N. Vasyagina, E. A. Kazaeva), Ekaterinburg, pp. 234–238 (in Russian).

- Shvetsova A. V. (2021) Bar'yery professional'nogo razvitiya molodykh uchenykh v genderno-differentsirovannoy srede nauchnogo soobshchestva [Barriers to the Professional Development of Young Scientists in a Gender-Differentiated Environment of the Scientific Community]. *Woman in Russian Society = Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, no 1, pp. 83–93 (in Russian).
- Sillaste G. G. (2019). Sotsial'nye tranzitsii i phormirovanie novogo gendernogo poryadka [Social Transitions and the Formation of a New Gender Order]. *Woman in Russian Society = Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, vol. 91, no 2, pp. 3–16 (in Russian).
- Slomian J., Honvo G., Emonts P., Reginster J. Y., Bruyère O. (2019) Consequences of Maternal Postpartum Depression: A Systematic Review of Maternal and Infant Outcomes. *Women's Health*, vol. 15, art. 1745506519854864. Available at: <https://doi.org/10.1177/1745506519844044> (accessed 30 August 2022).
- Sorensen S. O. (2017). The Performativity of Choice: Postfeminist Perspectives on Work-Life Balance. *Gender, Work and Organization*, vol. 24, no 3, pp. 297–313.
- Taylor S. (2015) A New Mystique? Working for Yourself in the Neoliberal Economy. *The Sociological Review*, vol. 63, no 1, pp. 174–187.
- Tucker A. (2021) *Mom Genes: Inside the New Science of Our Ancient Maternal Instinct*, New York: Gallery Books.
- Wang H. (2021) Chinese Women's Reproductive Justice and Social Media. *Technical Communication Quarterly*, vol. 30, no 3, pp. 285–297.
- Wu J., Li Y., Zhang D. (2019) Identifying Women's Entrepreneurial Barriers and Empowering Female Entrepreneurship Worldwide: A Fuzzy-Set QCA Approach. *International Entrepreneurship and Management Journal*, vol. 15, no 2, pp. 1–24.
- Xie J., He Z., Burnett G., Cheng Y. (2021) How Do Mothers Exchange Parenting-Related Information in Online Communities? A Meta-Synthesis. *Computers in Human Behavior*, vol. 115, art. 106631. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106631> (accessed 30 August 2022).
- Young K. S. (1998). Internet Addiction: The Emergence of a New Clinical Disorder. *Cyberpsychology & Behavior*, vol. 3 no 1, pp. 237–244.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. Statisticheskiy sbornik* [Women and Men of Russia. Statistical Compendium] (2020), Moscow: Rosstat (in Russian).

Received: May 02, 2022

Citation: Shvetsova A., Simonova I., Obolenskaya A., Krivoshchekova M. (2022) Onlain-praktiki ekonomicheskogo povedeniya rossiyskikh zhenshchin v period dekretного otpuska [Online Practices of the Economic Behavior of Russian Women during Maternity Leave]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 12–36. doi: 10.17323/1726-3247-2022-4-12-36 (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Шэрон Зукин

Инновационный комплекс: города, технологии и новая экономика¹

ЗУКИН Шэрон — профессор социологии Бруклинского колледжа и центра аспирантуры Городского университета в Нью-Йорке. Адрес: США, 100116, штат Нью-Йорк, г. Нью-Йорк, Пятая Авеню, д. 365.

Email: zukin@brooklyn.cuny.edu

Перевод с англ. Инны Кушнарёвой под науч. ред. Вячеслава Данилова.

Публикуется с разрешения Издательства Института им. Е. Т. Гайдара.

Источник: Зукин Ш. (готовится к изданию) *Инновационный комплекс: города, технологии и новая экономика*. М.: Издательство Института им. Е. Т. Гайдара; перев. с англ.: Zukin S. 2020. *The Innovation Complex: Cities, Tech, and the New Economy*. New York: Oxford University Press. 320 p.

В книге «Инновационный комплекс» профессор Шэрон Зукин представляет на примере города Нью-Йорка широкую историю об изменениях, происходящих сегодня повсеместно, — о формировании новой, инновационной, экономики. Каждая глава книги исследует те пространства производства, где культурные формы и экономические нормы находят своё воплощение, а весь инновационный комплекс — здания, районы и город в целом — приобретает масштаб, форму и смысл. Для того чтобы показать величину инновационного комплекса и способ его работы на разных уровнях, автор выстраивает главы книги в логике движения от рассмотрения самых маленьких пространств (хакатоны и митапы) к самым большим (инновационные районы и образовательные каналы).

Журнал «Экономическая социология» публикует главу 7 книги, посвящённую образовательным «каналам», которые формируют новую технико-финансовую меритократию. Глава начинается в элитарных частных учебных заведениях города — Корнеллском технологическом и Колумбийском университетах, Университете Нью-Йорка, — которые используют своё место в инновационном комплексе для продвижения институциональной повестки «академического капитализма». Глава продолжается обзором «Канала технических талантов» (проект администрации Билла де Блазио, мэра Нью-Йорка в 2014–2021 гг.) по созданию инклюзивной технологической рабочей силы, в которую могли бы войти неквалифицированные жители Нью-Йорка, в том числе выпускники Городского университета Нью-Йорка. Завершают этот перечень каналов коммерческие школы программирования, такие как General Assembly и Flatiron School, в которых студенты платят большие деньги за интенсивные 12-недельные курсы по подготовке к работе в технологическом секторе. В конце главы автор поднимает вопрос о том, не усилит ли сочетание таланта, меритократии и академического капитализма социальное неравенство в городе.

Ключевые слова: образование; инновации; технологии; города; академический капитализм; социальное неравенство.

¹ В книге автор применяет «смешанные методы» сбора и анализа эмпирического материала. Для понимания технологической индустрии, венчурного капитала и программ городского правительства автор анализирует статьи в различных медиа, блоги и подкасты. Автор дополнительно проводила интервью с бизнесменами, основателями стартапов и др.; на эти интервью даются ссылки в пояснительных сносках автора. — *Примеч. ред.*

Глава 7. Каналы

Таланты, меритократия и академический капитализм

Однажды рано утром в районе Флэтайрон на Манхэттене Мэтью Браймер провёл меня по своим офисам General Assembly, компании, основанной им вместе с тремя партнёрами в 2011 г. Браймер, грациозно сложенный мужчина лет 30 с щёткой каштановых волос и тщательно подстриженной бородкой, был одет в клетчатую рубашку и джинсы, а потому выглядел в точности как мои аспиранты. Да и офисы сами были похожи на Мэта — казались неформальными, удобными, удивительно знакомыми (см. рис. 1, 2).

При выходе из лифта тебя встречает несколько ироничное приветствие, написанное большими чёрными буквами на длинной белой стене: «Вы здесь». На стенах приёмной развешаны велосипеды. В двух широких и открытых рабочих пространствах большими квадратами расставлены столы, чтобы, по словам Мэта, людям было легче общаться друг с другом. Есть там и библиотека с реальными книгами, открытая кухня с кофе-машиной, бейглы на завтрак, дверь с чёрной грифельной доской с восьмифутовым рисунком Билла Ная — «учёного шалопаю», который в 1990-х гг. вёл одноимённое популярное детское телешоу, а сейчас у него собственное научное шоу на платформе Netflix².

Рис. 1. General Assembly, рабочее пространство. Фотография Ш. Зукин

Особенно Мэт был горд залитым солнцем общим пространством, где «тусуются» 300 сотрудников его нью-йоркской команды. Когда мы подошли к столу 20-футовой длины, который украсил бы любое помещение, Мэт поставил правую руку на состаренную столешницу из серого дерева и с явным удовольствием отметил, что стол был «собран из материалов одного старого амбара из Пенсильвании». Потом улыбнулся и сказал: «Сидя за этим столом немало предпринимателей придумали множество идей»³.

² Уильям Сэнфорд Най (*William Sanford Nye*; р. 1955) — американский инженер, актёр и телеведущий, популяризатор науки. — *Примеч. ред.*

³ Интервью с Мэтью Браймером, сооснователь General Assembly. 2016 г., март.

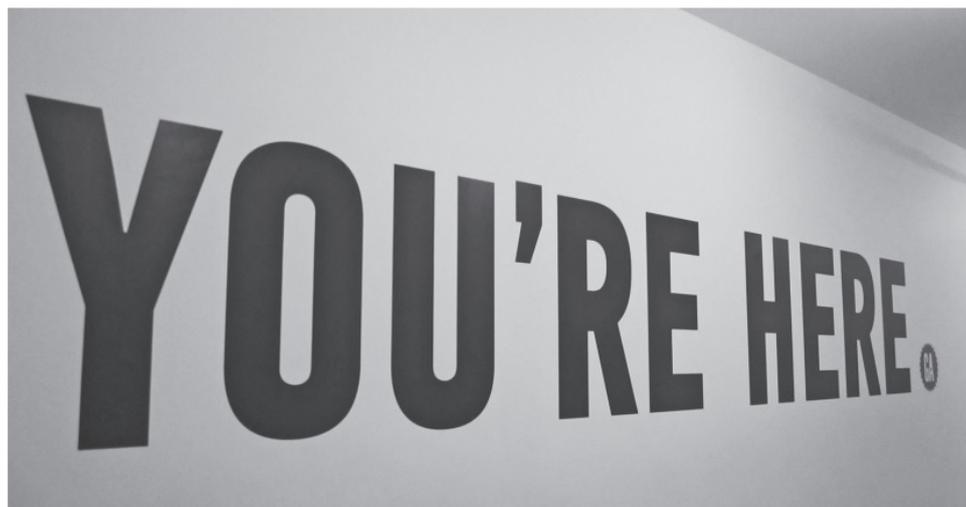

Рис. 2. General Assembly. Надпись на стене в холле перед лифтом. Фотография Ш. Зукин

Примечание: Стена очень похожа на стену с рисунком Хаима Стейнбаха в новом холле Музея современного искусства (Нью-Йорк).

General Assembly — стартап, играющий важную роль в городском инновационном комплексе, и особое рабочее пространство, а именно школа. Это одна из специализированных профессиональных школ, которые появились за несколько последних лет, чтобы учить компьютерным навыкам, востребованным на рынке труда, таким как программирование и веб-дизайн. Эти интенсивные курсы ускоренного обучения получили название «буткемпы» (*bootcamps*) или «учёбки». Коммерческие буткемпы (в их число входит General Assembly) берут довольно высокую плату за обучение — 12–15 тыс. долларов за три месяца полного погружения в офлайн-классах. Преимущество такого обучения в том, что после завершения курса у вас есть все шансы получить работу с достойной зарплатой. В успешных школах программирования есть возможность завести нужные знакомства, найти ментора и научиться быстро реагировать на запросы работодателя. Это не только помогает учащимся, но даёт школе конкурентное преимущество в достаточно заполненной нише рынка, а также шанс подорвать позиции университета, господствующего в высшем образовании. Буткемпы обещают создать канал, по которому средний класс сможет проникнуть в новую экономику, для чего необходимо найти способ быстро накопить организационные и личные связи, обычно ведущие к хорошим рабочим местам.

В эпоху сокращения корпораций и неопределённого будущего это достаточно важное обещание. Хотя школы программирования в 2000-е гг. были в Америке практически неизвестны, к 2018 г. работало уже около 95 таких школ, и через них проходили почти 23 тыс. студентов в год, что составляет почти треть студентов, выпускающихся из всех американских колледжей и университетов по IT-специальностям. В 2019 г. в одном только Нью-Йорке было 44 буткемпа, то есть больше, чем в любом другом американском городе. Некоторые из таких школ работали также в Силиконовой долине, у других, таких как General Assembly, было много филиалов, в том числе и за границей. Спрос на их услуги казался поистине неисчерпаемым. Прогнозы показывали, что рабочие места, связанные с компьютерами, растут быстрее (и предлагают более высокую зарплату), чем любые другие виды занятости, ведь рынок труда пытался не отстать от развития облачных технологий, больших данных, кибербезопасности и искусственного интеллекта⁴.

⁴ О 23 тыс. выпускников см.: [Eggleston 2017b]. О количестве студентов со специализацией в компьютерных науках см.: Digest of Education Statistics. National Center for Education Statistics. Table 322.10. Bachelor's Degrees Conferred by Postsecondary Institutions, by Field of Study: Selected Years, 1970–1971 through 2015–2016 (https://nces.ed.gov/programs/digest/d17/tables/dt17_322.10.asp?current=yes). О буткемпах Нью-Йорка см.: <https://www.switchup.org/rankings/best-bootcamps-ny>; см. также: [Eggleston 2017b]. Сведения о соотношении рабочих мест и зарплат см.: <https://www.bls.gov/ooh/computer-and-information-technology/home.htm>; см. также: [Cao 2018; Metz 2018a; 2018b].

В Нью-Йорке ещё на раннем этапе, во время бума доткомов 1990-х гг., поняли, что городу нужно модернизировать свою рабочую силу. Однако ни частный, ни государственный сектора не сделали чего-то существенного. Обучение программистов и веб-разработчиков не считалось серьёзной задачей в традиционных отраслях города и в инженерных учебных заведениях. Помимо общей инерции, причина была, возможно, и в том, что Силиконовая аллея Нью-Йорка достаточно хорошо справлялась и без специальных программ технического образования. Или, возможно, считали, что ничего делать не нужно, поскольку Нью-Йорк никогда не сможет догнать в этом отношении Силиконовую долину или Бостон. Служба финансового контроля города выпустила в 1999 г. доклад, призывавший создать амбициозную и скоординированную систему образования и инкубационных программ, которая связала бы местные фирмы, правительство и университеты. Однако, по мнению тогдашнего главного экономиста службы финансового контроля, доклад не привлёк внимания даже избранного мэром Нью-Йорка в 2001 г. Майкла Блумберга, который сам обогатился на инновационной цифровой платформе, в реальном времени поставляющей данные с финансовых рынков на специальный терминал на столе трейдера⁵.

Администрация Блумберга была вынуждена начать действовать во время финансового кризиса 2008 г. Всем было понятно, что ситуация требовала решительного вмешательства, но никто не знал, что делать. «Вскоре после краха Lehman Brothers, — сказал мне Сет Пински, в те годы президент Корпорации экономического развития Нью-Йорка (New York City Economic Development — NYCEDC), — мэр Блумберг собрал команду экономического развития. Нам было ясно, что масштаб проблемы настолько велик, что ни у нас, ни у какого другого города не хватит ресурсов... Нам пришлось задуматься»⁶.

Вплоть до того момента, пока корпорация Lehman Brothers не подала заявление о банкротстве, что запустило колоссальный долговой кризис, ускоренный крупнейшими банками города и всего мира, мэр и старший сенатор от штата Нью-Йорк Чарлз (Чак) Шумер требовали, чтобы федеральное правительство продолжало ослаблять финансовое регулирование банков. Они говорили, что это позволит Нью-Йорку конкурировать с Лондоном за звание крупнейшего в мире финансового центра. В 2006 г. управление мэра заплатило компании McKinsey 600 тыс. долларов за оценку конкурентного положения Нью-Йорка. McKinsey рекомендовала банкам разработать кредиты с ещё большей долей заёмных средств и смертельно опасных пакетов финансовых деривативов. Это, как мы знаем сегодня, заставило финансовые институты пойти по скользкой дорожке. И хотя после 2008 г. администрация Блумберга могла «задуматься», было бы нелепостью говорить, что она искала альтернативы тому финансовому двигателю, который толкал экономику города к пропасти⁷.

Тем не менее одно из первых решений администрации во время кризиса состояло в создании центра стратегического планирования, а именно Центра экономической трансформации (Center for Economic Transformation — CET) в рамках Корпорации по экономическому развитию Нью-Йорка. В качестве директора-учредителя наняли Стивена Штрауса, бывшего консультанта по управлению, руководителя Международного экономического форума. У Штрауса как коренного ньюйоркца были не только искренняя симпатия к городу, но и понимание постепенно складывающегося консенсуса в глобальном сообществе бизнес-лидеров. Этот консенсус говорил о том, что развитие получит инновационная экономика, опирающаяся на знание и технологии. Штраус сказал мне, что, когда экономика Нью-Йорка,

⁵ См.: [New York City Office of the Comptroller 1999; Marlin 2013]. Дж. Т. Марлин при обсуждении доклада 1999 г. отмечал, что исключением из общей пассивности по отношению к технологическому образованию представлялся ректор Бруклинского технологического университета, который также принял активное участие в строительстве Metro Tech это из первого источника, где обсуждается доклад.

⁶ Интервью с Сетом Пински, президент NYCEDC (2008–2013); исполнительный вице-президент RXR Realty. 2016, август.

⁷ См.: [Schumer, Bloomberg 2006; Timmons 2006].

в которой господствовали финансы, перешла в стадию свободного падения, СЕТ сделал ставку на стратегический переход к «областям, где мы были не слишком сильны, — к экономике стартапов, инновационной экономике». Но когда на передний план вышли социальные сети и приложения, технологическая отрасль стала требовать больше инженеров-программистов, чем мог поставлять Нью-Йорк⁸.

СЕТ знал о том же и от венчурных капиталистов: если город желал привлечь новые отрасли, он должен готовить больше программистов. СЕТ также «постоянно общался с нью-йоркским сообществом стартапов и венчурного капитала, с Google, когда корпорация пришла в Нью-Йорк», — сказал Штраус. Google влекла сила медийной и рекламной отрасли города, однако корпорации требовалась возможность нанимать тысячи программистов. В то же время подкованная в компьютерных науках рабочая сила должна была помочь традиционным индустриям, в том числе медиа и рекламе, которые больше всего боялись конкуренции со стороны цифровых платформ. По словам Штрауса, в отличие от более ранней революции в компьютерном аппаратном обеспечении, «Веб-2.0 намного больше связан с бизнес-системами и интерфейсом»; это «технология для старых отраслей».

Чтобы быстро создать новую рабочую силу, требовалось заручиться поддержкой местных образовательных учреждений и работодателей. Неожиданно этого результата удалось добиться благодаря инициативе Корпорации по экономическому развитию Нью-Йорка под названием «Переломный момент» (Game Changers), годичной серии консультаций более чем с тремястами лидерами корпораций, местного сообщества и университета. «Мы спросили их, — сказал мне Сет Пински, — что надо было бы сделать (если мы могли бы сделать только что-то одно), чтобы существенно повлиять на экономику». И все сошлись на том, что «это инженерия. Если мерить нашими амбициями (мировое лидерство), нам не хватало науки и инженерии — они и были дефицитом города».

Дефицит этот существовал на разных уровнях. Нью-Йорку было нужно на несколько тысяч больше высококвалифицированных инженеров-программистов, которые работали бы в технологических компаниях, но в то же время городу были необходимы десятки тысяч людей с чёткими профессиональными навыками, которые могли бы заниматься как «креативным» дизайном, так и системным администрированием в фирмах самого разного рода. Кроме того, администрация Блумберга хотела развивать технологическое предпринимательство. «Правительства только все портят, когда надо отобрать выигравших и проигравших», — сказал Пински. Городу важно привлекать умных и талантливых людей». Помимо совершенствования физической инфраструктуры города и повышения культуры жизни, администрации Блумберга предстояло помочь местным университетам развивать предпринимательский менталитет среди студентов и преподавателей.

Каждая из этих целей требовала, чтобы правительство погрузилось в обучение рабочей силы, то есть в область, в которой у Корпорации по экономическому развитию Нью-Йорка не было ни опыта, ни мотивации. Это заставило её, как сказал Пински, обратить взор на «организации, которые обладали ресурсами получше, чем мы», и могли вступить в партнёрские отношения с городским правительством. Корпорация должна была обеспечивать ресурсами и руководить процессом, а организации частного и некоммерческого секторов сделать всё необходимое для обучения. Наиболее громкие в публичном отношении усилия корпорации экономического развития со временем привели к флагманскому проекту по созданию аспирантуры в инженерных школах Рузвельт-Айленда. Сработав, этот план привлёк бы «лучших и умнейших» со всего света, как сказал мэр Блумберг на NY Tech Meetup. Выпускники ста-

⁸ Интервью со Стивеном Штраусом, директор-учредитель Center for Economic Transformation, NYCEDC. 2015, август. Всемирный экономический форум (ВЭФ) публикует ежегодные доклады о глобальной конкурентоспособности и рассчитывает показатель каждой страны в соответствующем рейтинге. Двенадцатая — и на данный момент последняя стадия — экономического развития основана на «инновациях». См. первый из доступных в Интернете докладов о глобальной конкурентоспособности: [Porter, Schwab 2008].

ли бы открывать стартапы и оставались бы в Нью-Йорке, послужив долгосрочному ускорению роста города⁹.

В 2010 г., объявляя о всемирном конкурсе с целью поиска спонсора из числа университетов для такого рода школы и предложив свободное место на муниципальной земле и 100 млн долларов на развитие инфраструктуры, мэр послал убедительный сигнал, говорящий о том, что город приступил к решению поставленной задачи — производству высококвалифицированной рабочей силы для инновационной экономики. Это должно было стать для Нью-Йорка очень важным и переломным моментом, на который надеялись и который имели в виду чиновники по экономическому развитию¹⁰.

Инженерная школа, которая в итоге станет Корнеллским технологическим университетом, была лишь наиболее заметным моментом общей программы Applied Sciences NYC. Начиная с 2010 г. Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка помогала финансировать ряд проектов крупных образовательных учреждений города. Она поддержала частный Университет Нью-Йорка (NYU), когда он решил расширяться в нижнем Бруклине за счёт слияния с Политехническим университетом, а также создание в нём новых мощностей, на базе которых в университете преподавали бы городскую инженерию и анализ больших данных. Также корпорация поддержала новый Институт наук о данных и инженерии, созданный Колумбийским университетом в своём кампусе на Морнингсайд-Хайтс. Кроме того, она поощряла создание инновационных институтов малого масштаба в нескольких кампусах государственного Городского университета Нью-Йорка (CUNY).

При этом Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка финансировала и коммерческие буткемпы, ставшие оперативной и менее дорогостоящей альтернативой университетскому образованию. Корпорация предоставила грант в 200 тыс. долларов Мэту Браймеру и его партнёрам по General Assembly на обустройство «кампуса технологий и дизайна» в недавно обновлённой Силиконовой аллее Нью-Йорка. Ещё один IT-буткемп, Flatiron School, выиграл грант на 250 тыс. долларов, чтобы открыться в Финансовом округе. «Инвестиции в инновации — ключ к устойчивости, разнообразию и росту нашей экономики, — заявил Сет Пински. И эта инициатива (Applied Sciences) является мощным доказательством готовности города делать такие инвестиции»¹¹.

Однако между тремя группами талантов, которые должны были поступать через различные каналы, определяя технологическую рабочую силу города, существовали важные различия. Первая группа состояла из успешных американских и иностранных студентов, которые получают степень по инженерии или бизнес-управлению в элитных частных университетах города — Корнеллском технологическом университете, Колумбийском университете и Университете Нью-Йорка. Во вторую группу входили американские студенты, уже знакомые с основами программирования, которые могли себе позволить иммерсивный курс в таком буткемпе, как General Assembly. Третью группу составляют «коренные» ньюйоркцы, включая выпускников CUNY, прослушавшие курсы по информатике, но не имевшие ни достаточного опыта работы в технологическом мире, ни денег, чтобы заплатить за буткемп. Цифровая рабочая сила, как и любая современная меритократия, стратифицируется образовательными дипломами и доходами.

⁹ Выступление Блумберга на NY Tech Meetup 12 октября 2011 г. доступно на YouTube (см.: <https://www.youtube.com/watch?v=z6A6R7hI70o>).

¹⁰ См.: [Mayor Bloomberg Announces Initiative... 2010].

¹¹ Цит. по: [Mayor Bloomberg Announces Initiative... 2010]; см. также публикации некоммерческой корпорации New York City Economic Development Corporation (NYCEDC): [Mayor Bloomberg and General Assembly... 2011; NYCEDC Announces Five Winners...2013; Applied Sciences NYC 2016].

За несколько лет работы администрация де Блазио значительно увеличила ресурсы, выделяемые на образовательные программы, ориентированные на эту третью, наименее привилегированную, группу студентов, создав общегородскую программу «Tech Talent Pipeline». Попытка сделать развитие инновационной рабочей силы более справедливым требовало значительных усилий, а также интенсивного руководства частно-государственными некоммерческими партнёрствами. Однако достижение справедливости осложнялось «академическим капитализмом» в частных университетах¹².

Если не считать Бруклинского политехнического университета, ректор которого многие годы занимался созданием технологического хаба в нижнем Бруклине, одним из первых лидеров в развитии инноваций и предпринимательства среди преподавателей и студентов оказался Колумбийский университет. В нём приоритетом стали не только знания. Доход, получаемый другими университетами от патентов, зарегистрированных на основе исследований преподавателей, Колумбийский университет счёл отдельным показателем инновационности. В 1990-е гг. Майкл Кроу, который сначала работал профессором по политике наук и технологий, а затем заместителем проректора, сыграл ключевую роль в открытии Колумбийского инновационного предприятия (Columbia Innovation Enterprise), позже получившего название Science and Technology Ventures. «Под его руководством, — было сказано в 2002 г. в заявлении пиар-отдела университета, когда Кроу ушёл, чтобы стать ректором Аризонского государственного университета, — Колумбийский университет неизменно занимал первые, вторые или третьи позиции в общенациональном рейтинге университетов по объёму дохода, получаемого от патентов и лицензий. В недавних рейтингах университет уступил лишь всей системе Калифорнийского университета в целом» [Michael Crow Leaving Columbia... 2002].

Другие крупные университеты Нью-Йорка подключились позднее. CUNY, хронически недофинансируемый государственный вуз, сосредоточился на получении грантов от штата Нью-Йорк на развитие технических инноваций. Однако, хотя Empire State Development Corporation начала выдавать конкурсные гранты университетам ещё в начале 1980-х гг., чтобы у них была возможность сотрудничать с промышленностью, CUNY получил не так много грантов, как Университет штата Нью-Йорк (SUNY).

В то же время частный университет с похожим названием, Нью-Йоркский университет (NYU), запустил несколько предпринимательских программ. В 2005 г. его ректор Джон Секстон создал акроним «FIRE and ICE» (FIRE — Finance, Insurance, Real Estate; ICE — Intellectual, Cultural, and Educational), подчёркивающий растущую роль университетов в городском экономическом развитии. Вскоре после этого, зная, что технологические инновации требуют сил обеих сторон, то есть бизнеса и инженеров, он провёл переговоры о слиянии с Бруклинским политехническим университетом, преодолев сопротивление некоторых из его выпускников и преподавателей. В 2010 г., сразу после финансового кризиса, профессор по компьютерным наукам Эван Корт из NYU присоединился к коллеге из Колумбийского университета, и вместе они инициировали создание организации hackNY, чтобы «укрепить связи между университетами и стартапами», как сказал мне сам Эван Корт¹³. Они хотели использовать энергию хакатонов, чтобы подтолкнуть студентов к мысли о карьере в технологии, а не в финансах. Тогда же NYU нанял Фрэнка Рималовски, который занимался венчурными инвестициями в Lucent Technologies. В университете он должен был управлять новым венчурным фондом Innovation Venture Fund. Ещё в 1970-х гг. NYU первым открыл цифровую медиа-лабораторию — Interactive Telecommunications

¹² Интервью с чиновниками администраций Блумберга и де Блазио выявили относительное отставание студентов CUNY и других «коренных» ньюйоркцев, которые заканчивают государственные вузы города. О лучших практиках обучения таких студентов, извлекаемых из опыта проведения специальных программ в General Assembly и Flatiron School, см.: [NYC Tech Talent Pipeline 2017]; см. также: [Slaughter, Leslie 1997; Slaughter, Rhoades 2004; Münch 2016].

¹³ Интервью с Э. Кортом, профессором компьютерных наук Нью-Йоркского университета и сооснователем HackNY. 2016 г., февраль и апрель.

Program, однако это была арт-школа. После 2010 г. инновации и предпринимательство превратят университет в образец академического капитализма¹⁴.

Рималовски похож на Мэта Браймера, однако старше его: это изящно сложенный мужчина с сединой во взъерошенных каштановых волосах, с тщательно подстриженной бородкой. Он носит рубашку с длинными рукавами и джинсы. «Вы ищите Фрэнка?» — спросил он меня, когда я спускалась в его офис центра Mark and Debra Leslie eLab, расположенный в столетнем здании близ Вашингтон-Сквер-парка, которое было переделано в технологический хаб со стеклянным фасадом. Начальная буква «е» в eLab означает *entrepreneur* («предприниматель»). Именно в этот центр «приходят начинающие предприниматели из всех школ и колледжей NYU <...> чтобы вместе поработать, познакомиться и воспользоваться немалым арсеналом ресурсов при разработке идей и их доведении до уровня стартапов». Это заведение, располагающее коворкингами, аудиториями для проведения мероприятий и оборудованием для создания прототипов, стремится обучать высший слой образцовой рабочей силы, необходимой для инноваций и предпринимательства, то есть студентов колледжей, которые хотят «что-то создавать», «что-то начать» и «стать кем-то», как утверждают лозунги на чёрном автобусе-шаттле NYU, который перевозит студентов из одной части обширного городского кампуса в другую¹⁵.

Фрэнк активно участвовал в создании этой площадки и контролирует её из своего скромного подвального офиса, где белую доску украшает нарисованная от руки бородатая карикатура на него самого. Прежде чем попасть в NYU, он сделал карьеру в технологической отрасли, а теперь он ментор студентов и в то же время создатель институтов для университета, или, как он сам говорит, «чирлидер предпринимательского образования, наставничества и тренинга». Также можно было бы сказать, что он помогает NYU превратить интеллектуальную собственность, разработанную студентами и преподавателями, в доход и вклад в репутацию университета.

Коренной ньюйоркец, Рималовски начал свою технологическую карьеру в Apple и Sun Microsystems, а в Нью-Йорк вернулся к концу 1990-х гг., именно тогда, когда венчурный капитал стремительно рос. Он прошёл через бум и крах доткомов. К 2009 г., когда NYU обратился к нему, чтобы он помог в создании университетского венчурного фонда, технологическая сцена в Нью-Йорке снова оживилась. «Я чувствовал себя как человек, у которого во дворе жарят барбекю, но его самого не пригласили», — сказал он мне. Амбиции Фрэнка совпали с амбициями университета, когда Пол Хорн, старший заместитель проректора, в прошлом работавший в IBM, начал поощрять преподавателей к созданию коммерческих приложений их исследований. «Мы хотели сделать из NYU ключевую часть нью-йоркской экосистемы, — сказал Рималовски. — В 2010 г. здесь было не так много фирм, в которые можно было вложиться. Но было много идей, технологий, под которые надо было найти команды... Мы хотели помочь в создании потока сделок... При наличии крепкой экосистемы, такой как Силиконовая долина, университеты тесно сплетаются с экосистемой стартапов»¹⁶.

В 2011 г. Рималовски предложил объединить различные инновационные и предпринимательские инициативы университета. Это должно было стать важным для создания междисциплинарных команд; инженерная школа находилась не в том же кампусе и боро, что бизнес-школа или программы медиа и либеральных искусств, на которых студенты применяли цифровые технологии. Университет ответил на предложение Рималовски созданием NYU Entrepreneurial Institute, исполнительным директором ко-

¹⁴ FIRE and ICE: см. главу 6 данной книги. См. также: [Arensen 2008; Sherman 2010]. Подробное журналистское исследование успешной истории академического капитализма в Стэнфордском университете см.: [Auletta 2012].

¹⁵ Интервью с Фрэнком Рималовски, исполнительным директором NYU Entrepreneurial Institute, управляющим директором NYU Innovation Venture Fund. 2016, июль. О Leslie eLab см.: <http://entrepreneur.nyu.edu/resource/leslie-elab/>

¹⁶ См. интервью с Ф. Рималовски: [Clareman 2017].

того как раз и стал Фрэнк. Проректор сказал ему, что он со своей маленькой командой мог бы получить здание на площади Вашингтона, если бы удалось собрать деньги на его ремонт. К удивлению Рималовски, крупный донор и член консультационного совета университета Марк Лесли предложил финансировать eLab. Лесли закончил NYU по направлению математики и физики, а потом стал успешным предпринимателем в Силиконовой долине; его поддержка оказалась чрезвычайно важной для соединения главного кампуса университета с инновационным комплексом.

В университете подчёркивали, что он проводит обучение рабочей силы так, чтобы она была разнообразной и в социальном, и в интеллектуальном отношении, как и сам город. eLab Марка и Дебры Лесли позволит объединить студентов с отделения либеральных искусств и школ бизнеса и инженерии, будет поощрять участие студенток и студентов с разным культурным бэкграундом и неодинаковыми карьерными траекториями¹⁷. «Мы не хотим, чтобы это был просто технопарк», — сказал Рималовски. Кроме того, экономическое влияние таких программ может оказаться огромным, и не только для NYU. Фрэнк также сказал, что «академические институты принялись все это коммерциализировать»; «это часть моей работы — повернуть корабль».

Привлечение Рималовски из мира венчурного инвестирования в административную структуру NYU показывает, что частные университеты не просто навели мост над пропастью между башней из слоновой кости и бизнес-сообществом, но и перепрыгнули через эту пропасть. Консультационные советы выпускников и попечительские советы всегда были важными донорами и коммуникаторами. Однако начиная с 2010 г. университеты стали выстраивать ещё больше связей, отслеживая, в частности, успешных выпускников на Уолл-стрите или в недвижимости и приглашая в кампус лидеров новой экономики, в том числе партнёров крупных венчурных фирм и основателей небольших стартапов. От Стэнфорда до Массачусетса — повсюду бизнес-лидеры читают лекции в «стартап-школах» и буткемпах, консультируют студентов в тех или иных проектах. Наставники из этой сферы, вероятно, даже важнее преподавателей, поэтому неудивительно, что образовательные программы и конкурсы NYU Entrepreneurial Institute во многом выглядят так же, как в каком-нибудь технологическом акселераторе: и туда, и туда приглашают чаще всего одних и тех же венчурных капиталистов.

Университеты хотят не только обогатиться на интеллектуальной собственности, создаваемой студентами и преподавателями, есть у них и другие цели. Они конкурируют за государственные исследовательские гранты, приоритетом которых являются инновации, пытаются привлечь студентов (и их плату за обучение) и демонстрируют городскому правительству, что важны для инновационного комплекса. По словам Рималовски, он «разворачивает корабль»: академический капитализм для инновационной экономики.

Подобно венчурным капиталистам, преподаватели нью-йоркских частных университетов обычно уменьшают вклад правительства города в их новую бизнес-культуру. Однако при развитии Корнеллского технологического университета при администрации Блумберга город специально стремился создать флагманский образец финансируемого штатом академического капитализма. Корнеллский технологический университет — во всех отношениях более впечатляющее предприятие, чем Колумбийский университет или NYU; это академический капитализм в глобальном масштабе.

Когда вы выходите из глубин станции метро на Рузвельт-Айленд, никакие знаки не указывают путь к Корнеллскому технологическому университету. Зная, что идти надо на юг, можно догадаться, куда именно, отыскивая ориентиры на той и другой стороне реки, в Манхэттене или Квинсе. Через несколь-

¹⁷ Как отметил Рималовски, согласно данным, собранным считывателями идентификационных карт, используемых для прохода в Leslie eLab, 43% пользователей — женщины, а большинство студентов — из школ либеральных искусств и гуманитарных программ.

ко минут вы подходите к полностью открытому, но незаконченному кампусу: два протяжённых невысоких здания из стекла и стали; более высокое здание в белой облицовке; наконец, строительная площадка, окружённая рабицей, на которой стоят пять поросших травой холмиков, обозначающих места будущих зданий, в окружении деревьев и первозданной растительности. Скромный масштаб участка по контрасту подчёркивает амбиции проекта (см. рис. 3)¹⁸.

Рис. 3. Вход в кампус Корнеллского технологического университета. Фотография Ш. Зукин

С самого начала школа прикладных наук рассматривалась в качестве канала поставки высококвалифицированных технических кадров, которые должны заполнить высший уровень инновационной экономики города. Считалось, что будущие выпускники должны стать основателями стартапов и инженерами в Google, идеальной рабочей силой для инноваций и предпринимательства. Местные университеты могли дать лишь незначительную опору для того, что имела в виду администрация Блумберга. А она хотела университет, масштаба и опыта которого было бы достаточно для создания «тройной спирали» — по модели Силиконовой долины, но в Нью-Йорке. Чтобы привлечь лучшие или наиболее амбициозные университеты, в декабре 2010 г. мэр Блумберг с пафосом заявил о первой стадии всемирного конкурса¹⁹.

В июле 2011 г., изучив заявленные предварительные планы, Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка предложила на выбор четыре муниципальные территории в различных районах города. Как часто бывает на больших конкурсах, участники сформировали партнёрства, чтобы укрепить свои предложения. Тремя месяцами позже город получил «квалификационные ответы» от семи альянсов местных университетов и других академических заведений, расположенных как за рубежом, так и в других частях США. Заместитель мэра Роберт К. Стил назвал эти ответы «новейшим свидетельством уверенности в будущем Нью-Йорка»²⁰.

Так или иначе, разброс институтов был достаточно велик. Так, Корнеллский университет заключил партнёрства с Израильским технологическим институтом (Технион); Стэнфордский университет и Городской колледж Нью-Йорка претендовали на Рузвельт-Айленд; NYU объединился с тремя иностранными университетами, CUNY и Университетом Карнеги — Меллона из Питтсбурга, чтобы подать

¹⁸ Мои впечатления во время обзорной экскурсии по Корнеллскому технологическому университету. 2018, 12 июля.

¹⁹ См.: [Mayor Bloomberg Announces Initiative... 2010].

²⁰ Судя по всему, не было никаких сомнений в возможности предоставить площадки на двух островах и на береговой линии, которые могли пострадать от серьёзных наводнений, как многие территории города пострадали от супершторма «Сэнди» в 2012 г. См.: [Mayor Bloomberg Announces Request... 2011; Mayor Bloomberg Announces Next Steps... 2011].

заявку на площадку в Центральном Бруклине. Университет Карнеги—Меллона заключил партнёрство с Steiner Studios, чтобы выступить с предложением по созданию учебного заведения на Бруклинской верфи. Колумбийский университет нацелился на территорию рядом с его кампусом в Верхнем Манхэттене. Нью-Йоркский геномный центр (New York Genome Center) объединил силы с Медицинской школой Маунт-Синай (Mount Sinai School of Medicine), Рокфеллеровским университетом и SUNY Stony Brook, чтобы предложить создание биотехнологического кампуса в Мидтауне Манхэттена. А Университет Амита из Индии запросил место на Губернаторском острове в Нью-Йоркской гавани. По сообщениям прессы, вперёд быстро вырвались Стэнфорд и Корнеллский университет²¹.

Было немало слухов о шансах университетов. Одни утверждали, что мэр предпочитает Стэнфорд, другие говорили, что в итоге администрация Блумберга даст добро Корнеллскому университету, учебному заведению высокого ранга с медицинской школой в Нью-Йорке и образовательной лицензией от штата Нью-Йорк. Говорили также, что городское правительство во время переговоров предъявит новые требования (часто использовался термин «жёсткая игра»), которые отпугнут Стэнфорд. У партнёрства Корнеллского университета и Техниона было несколько преимуществ. У Техниона был очень сильный послужной список открытых и поддержанных стартапов в Тель-Авиве, который стал широко известным после публикации в 2009 г. бестселлера «Нация умных людей. История израильского экономического чуда» [Senor, Singer 2009]. Корнеллскую медицинскую школу и больницу в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена можно было объединить с инженерными талантами ради создания биотехнологических и медицинских стартапов, которые могли бы поспорить с Бостоном за гранты Национальных институтов здравоохранения. Кроме того, Корнеллский университет обещал запустить курсы практически сразу, набрав тысячи аспирантов, — масштаб такого предложения не мог не заинтересовать мэра²².

Также Корнеллский университет выбрал определённую политическую стратегию. За месяцы переговоров с городом университет поднял планку для своих конкурентов, используя институциональные связи и выпустив ряд заявлений. Даже его партнёрство с Технионом, которое стало выражением его собственной заинтересованности на первой стадии конкурса, превратилось в неожиданное оружие. Чтобы нанести окончательный удар, на последней стадии переговоров Корнеллский университет заявил о пожертвовании анонимным дарителем 350 млн долларов новой школе. Тайнственным меценатом оказался Чак Кини, выпускник Корнеллского университета, который сделал состояние на магазинах беспошлинной торговли. «Этот день мы будем вспоминать как решающий, — сказал мэр Блумберг после того, как было объявлено о пожертвовании, официально признав, что стало очевидным после того, как основной конкурент Корнеллского университета, Стэнфорд, снял свою заявку на кампус. — Одним словом, проект будет прорывным». В январе 2014 г., за две недели до окончания срока своей службы, мэр и ректоры Корнеллского технологического университета и Техниона подписали договор о предоставлении участка в 12 акров на Рузвельт-Айленде в аренду на 99 лет²³.

Ещё до того, как договор был подписан, Корнеллский технологический университет дал понять, насколько прорывным должен стать проект, создав дипломные программы в коллаборации с крупны-

²¹ См.: [Popper 2011].

²² См.: [Senor, Singer 2009; Massey 2011; Pérez-Peña 2011; Auletta 2012].

²³ Корнеллский университет «использовал свои институциональные связи»: реакторы Корнелла и Техниона подружились, встретившись в 2011 г.; преподаватели обоих институтов были связаны друг с другом, а у самих институтов было несколько общих крупных доноров. Кроме того, в 2009–2010 гг. ректор Корнеллского технологического университета возглавил в Нью-Йорке рабочую группу по экономическому партнёрству бизнеса и университетов, которая на первый план ставила технологии, а в 2010 г. Корнелл написал стратегический план, куда была внесена задача расширения в Нью-Йорке. Всё это сообщалось в газете «The New York Times» и стало известно к концу переговоров, когда победа Корнеллского университета оказалась очевидной; см.: [Pérez-Peña 2011a; 2011b].

ми технологическими компаниями. Нацеливаясь на синергию или интеграцию с двумя крупнейшими экономическими секторами города, университет заявил о двухгодичных магистерских программах по интернет-медиа и медицинским технологиям. Первая программа поддерживалась компаниями Hearst, Medium, Facebook, Betaworks, Tumblr, WordPress и New York Times. Вторая — компаниями Pfizer, United Health Group, WebMD, Weill Cornell Medical College и Wellcoin. Все эти отношения давали выпускникам возможность получить рабочие места, но также определяли рабочий план академического капитализма²⁴.

Неотложной задачей стал наём преподавателей и администраторов с хорошими корпоративными связями. Как и другие университеты, Корнеллский технологический кампус нанимал учёных, которые работали на верхнем уровне частных компаний, сотрудничали в важных исследовательских программах, финансируемых государством, и преподавали в крупных образовательных институтах, в том числе в самом Корнелле и в Технионе. Их карьеры чётко показывали, что новое учебное заведение будет налаживать тесные связи между технологическими инновациями и предпринимательством, и эту мысль особенно провокативно подчеркнул декан-учредитель Дэниэл Хаттенлохер, который в 2016 г. был избран в совет директоров в Amazon. «Я хочу, чтобы у нашего преподавательского состава был длинный, а не короткий список потенциальных конфликтов интересов, — заявил он. — Такие конфликты мы считаем свидетельством того, чем вы занимаетесь за пределами университета, ценим это и поощряем». Иными словами, декан указывал, что поведение, которое могло бы в других академических институтах наказываться как нарушение этических норм, в Корнеллском технологическом кампусе должно приветствоваться²⁵. Однако преподаватели Стэнфорда добились того же ещё в 1950-х гг.

Карьера декана Хаттенлохера — хороший пример желанного слияния бизнеса и академии. Докторскую степень он получил в MIT, а потом много лет преподавал в Корнеллском университете; также он работал в исследовательском центре корпорации Xerox в Пало-Альто. В качестве заместителя декана он назначил одну преподавательницу, которая преподавала компьютерные науки в Корнеллском технологическом кампусе и одновременно государственное здравоохранение в медицинском колледже университета (Weill Cornell Medical College). В новом учебном заведении она основала Health Tech Hub; этот центр станет важным инкубатором инновационных проектов. Другие лидеры были привлечены из технологических компаний и престижных исследовательских лабораторий. Директор по предпринимательству — специалист по компьютерным наукам, который должен был вести курс под названием «Идеи стартапов», был первым директором по технологиям в Twitter и сооснователем двух стартапов. Рон Брахман, директор Jacobs Technion-Cornell Institute, который является частью Корнеллского технологического университета и в то же время независимым академическим партнёрством, сосредоточенным на цифровой науке и технологии, но свободным от ограничений традиционной университетской среды, всю жизнь работал в качестве специалиста по компьютерным наукам в различных лабораториях, в том числе в Yahoo! и DARPA, Управлении перспективных исследований и разработок Министерства обороны США. «Как директор Jacobs Institute, — заявил Рон Брахман на веб-сайте заведения, — я надеюсь продолжить создавать новые глубокие связи с промышленностью и миром предпринимательства, обеспечивая наших студентов инструментами, необходимыми для того, чтобы стать лидерами в своей области и изменить мир». Более того, с самого начала в число 60% иностранных студентов, при-

²⁴ См. подробнее о спонсируемых дипломных программах: <http://tatainnovationcenter.com/the-story/>

²⁵ См. о потенциальных конфликтах интересов [Harrison 2018]. Предпринимательские университеты признают конфликты интересов и пытаются регулировать их. См., например, заявление о конфликте интересов в уставе Колумбийского университета об ответственном поведении в исследованиях: «Очевидно, что конфликты интересов будут сохраняться. Материальные и нематериальные конфликты интересов будут существовать всегда. Финансовые конфликты интересов будут неизбежно становиться всё более сложными и запутанными. Разработка новых стратегий урегулирования, сокращения или устранения конфликтов интересов будет всегда оставаться важной задачей» (http://ccnmtl.columbia.edu/projects/rcr/rcr_conflicts/foundation/#sup19ref).

ехавших в США, входила и группа сильных студентов из Израиля, привлечённых Корнеллским технологическим университетом. Вместе с преподавателями из Техниона это послужило подтверждением глобализации талантов и в то же время значительного присутствия израильских стартапов в местной технологической экосистеме²⁶.

Ключевым моментом была подготовка студентов к вступлению в эту экосистему. Она началась с физического канала: в течение пяти лет после завершения переговоров с городом и до открытия первых классов на Рузвельт-Айленде студенты и преподаватели занимались во временном пространстве в офисах Google в Челси, тогда как победители ежегодного конкурса стартапов занимались в офисах еженедельника «The New York Times». Также в рамках образовательного плана Корнеллский технологический университет создал годовой студийный курс и сделал его основной частью всех магистерских программ, интегрируя студентов, изучающих компьютерные науки, инженерию и бизнес, в культуру креативности, коллаборации и инноваций²⁷.

В Product Studio в первый семестр студенты работают в междисциплинарных командах над разработкой нового технического продукта или сервиса, отвечающего проблеме, поставленной компаниями, включая такие сервисы такси, как Uber или Robinhood, финансово-технологический стартап. В Startup Studio во втором семестре они разрабатывают новый стартап с нуля. Для руководства Startup Studio Корнеллский университет пригласил Дэвида Тиша, нью-йоркского ангела-инвестора и сооснователя акселератора Techstars NYC. Семья Тиша — одна из старейших династий в городе, занимающаяся недвижимостью и медиа; кроме того, его близкие родственники пожертвовали значительные суммы Корнеллскому университету, в частности открыли именную стипендию профессора в Jacobs Technion-Cornell Institute. Тиш сказал, что Startup Studio основывается на программе двух акселераторов — Techstars и Y Combinator, а также на программе Стэнфордской бизнес-школы. От студентов требуют разрабатывать проекты, которые являются коммерчески жизнеспособными, масштабируемыми и достаточно реалистичными, чтобы их можно было выполнить за четыре месяца²⁸.

Потоки студентов пока остаются небольшими, но примерно 20% уже создали продукты, которые можно вывести на рынок, а также бизнес-планы. Кроме того, студенты принимали участие в ежегодном конкурсе Startup Awards, где призы присуждаются членами преподавательского состава и сторонними венчурными капиталистами. Ежегодно четыре победителя получают по 100 тыс. долларов предварительного финансирования и места в коворкинге в Tata Innovation Center, расположенном в кампусе Cornell Tech. В 2018 г. победители предложили смартфон, активируемый голосом, который могут использовать люди, не умеющие читать; цифровую платформу, которая соединяет семьи и медицинский персонал с курируемыми списками полезных сервисов; платформу дополненной реальности, упрощающую «неожиданные социальные встречи в реальном мире за счёт совместного геймифицированного опыта», а также устройства, позволяющие пользователям отслеживать местонахождение их личных вещей²⁹. Победители, получившие капитал от ангелов-инвесторов или же купленные крупными фирмами, становятся живой рекламой Корнеллского технологического университета.

²⁶ Большая часть представленной здесь информации взята с сайта Корнеллского технологического университета (<https://tech.cornell.edu>); см. там же блог Рона Брахмана [Brachman 2016]. Информация о доле иностранных студентов предоставлена гидом на публичной экскурсии по кампусу 21 июля 2018 г. См. об израильских стартапах в Нью-Йорке: [Handwerker 2017]; см. также: [Press 2017].

²⁷ См. сайт Корнеллского технологического университета (<https://tech.cornell.edu/studio>); см. также: [Eisenpress 2017].

²⁸ См. сайт Корнеллского университета (<https://tech.cornell.edu/studio>); см. подробнее там же об основании именной стипендии Тишей (<https://tech.cornell.edu/news/gift-establishes-tisch-professorship-at-jacobs-technion-cornell-institute>); см. также: [Harrison 2018].

²⁹ См. подробнее о конкурсе 2018 г.: Cornell Tech Announces Winners of 2018 Startup Awards (<https://tech.cornell.edu/news/cornell-tech-announces-winners-of-2018-startup-awards/>).

Стартап Uru, основанный 20-летним программистом из Бразилии и практикующим юристом, которые встретились в студии стартапов, стал первым победителем на конкурсе стартапов в Корнеллском технологическом университете, привлёкшим институциональные инвестиции. Компания использует компьютерное зрение и дополненную реальность для того, чтобы размещать брендируемые продукты в видео; стартап был приобретён компанией Adobe³⁰.

Ещё один стартап-победитель, Trigger Finance, предлагает мобильную платформу инвесторам-новичкам. В числе его основателей — студентка из Венесуэлы, которая специализировалась на математике в MIT и работала трейдером в JPMorgan. Этот студенческий стартап был приобретён Circle, крупной финансово-технологической компанией³¹.

Третий успешный студенческий стартап — радионяня за 700 долларов, которая «может классифицировать ночное поведение детей, анализировать картину сна и сообщать всё это встревоженной маме и папе по утрам». Этот стартап, основанный опытным докторантом из программы Runway, которая проходила в Jacobs Technion-Cornell Institute, собрал более 6 млн долларов за первые три года и ещё 14 млн долларов в раунде Series B. «Идея программы Runaway — довести науку до края, чтобы из неё мог расти бизнес», — сказал основатель из Израиля. Несмотря на то что это высказывание не слишком элегантно, оно указывает важность академического капитализма для инновационного комплекса³².

Однако Корнеллский технологический университет помогает строить инновационный комплекс и в более материальном смысле. Учебное заведение стало пусковой площадкой для застройки города. Как и в случае частно-государственных некоммерческих партнёрств, которые перестроили прибрежную территорию в Бруклине, застройщики работают с Корнеллским технологическим университетом, Корпорацией по экономическому развитию Нью-Йорка, Long Island Partnership (бизнес-инициатива по улучшению городских условий) и Queens Borough President's Office, чтобы перенести модель тройной спирали на север по Ист-Ривер. Tata Innovation Center, семиэтажное здание на 235 тыс. квадратных футов на кампусе Корнеллского технологического университета, стало для них отправным пунктом, который силами Amazon позже был продолжен на той стороне Ист-Ривер, где находится Квинс (см. рис. 4).

Здание, созданное по проекту фонда Forest City New York (ранее известного как Forest City Ratner), застройщика Metro Tech в Центральном Бруклине, было переименовано из The Bridge в Tata, когда индийская транснациональная инвестиционная корпорация пожертвовала Корнеллскому технологическому университету 50 млн долларов. Также Tata Consultancy Services заняла небольшую долю офисного пространства в здании, предоставив студентам университета и преподавательскому составу корпоративный доступ, и более видное место в инновационном комплексе города. Неслучайно то, что один член семьи Тата — архитектор и выпускник Корнеллского университета, а также член его попечительского совета. Когда Tata сделала пожертвование университету, компания объявила также о том, что будет участвовать в программах администрации де Блазио по расширению преподавания компьютерной грамотности в рамках начального и среднего образования, чем ещё больше укрепила тройную спираль [TCS and Cornell Tech... 2017]³³.

³⁰ Раунд первоначального финансирования компании Uru был проведён бруклинской венчурной фирмой Notation Capital, о сооснователе которого Нике Керлсе шла речь в главе 4; см. об Uru на сайте стартапа (<https://www.crunchbase.com/organization/uru>). Сооснователи Uru включены в список «30 Under 30» 2018 г. журнала «Forbes» (<http://www.forbes.com/profile/brunno-attorre/?list=30under30-marketing-advertising>).

³¹ О Trigger Finance см. на сайте стартапа (<https://www.crunchbase.com/organization/trigger-finance>). См. также: [Butcher 2017].

³² См. о радионяне: [Eisenpress 2018].

³³ Четырьмя годами ранее Tata выступила в качестве одного из крупнейших спонсоров нью-йоркского марафона, что позволило связать компанию с одним из наиболее знаковых событий города и привлечь к ней внимание глобаль-

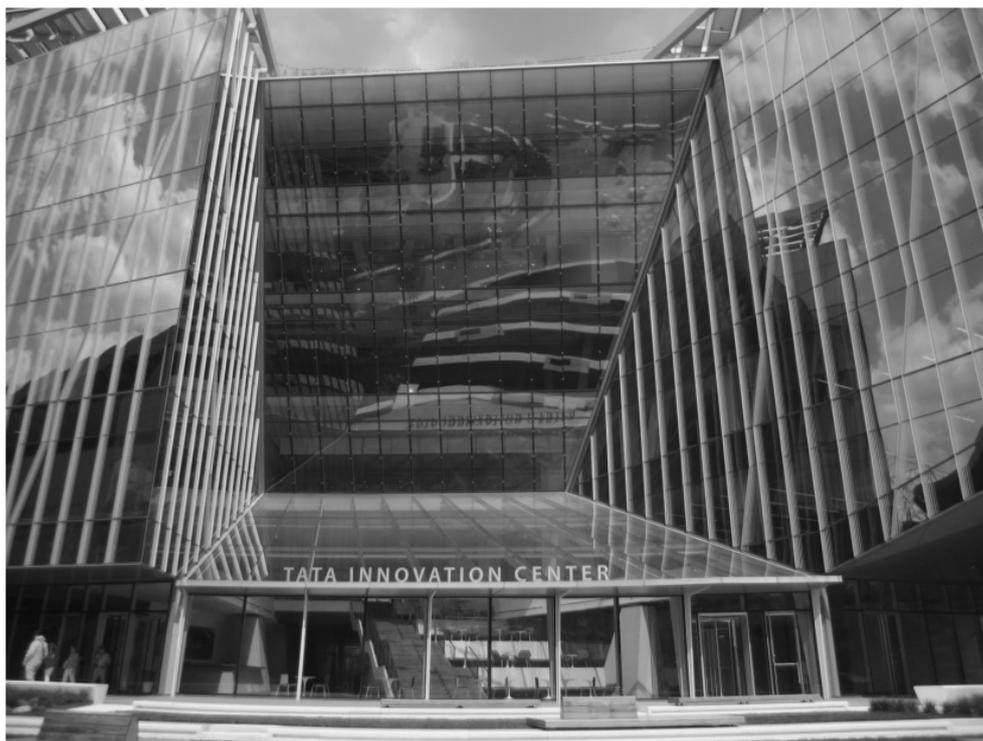

Рис. 4. Tata Innovation Center в Корнеллском технологическом университете.
Фотография Ш. Зукин

Университет и архитекторы здания, нью-йоркская фирма Weiss/Manfredi, в один голос нахваливали открытый дизайн, панорамные виды и экологическую устойчивость, необходимую для постройки в зоне наводнения. Нельзя не заметить и вполне откровенный символизм здания. «Tata Innovation Center, задуманный как хрустальный инкубатор, — утверждают в Weiss/Manfredi, — создаёт каталитическую среду для исследований и инноваций». Также важно, что Корнеллский технологический университет — главный арендатор в здании, занимающий примерно треть всей площади, и это сокращает финансовые риски для застройщика. К числу других первых арендаторов относятся финансовая корпорация Citigroup, Two Sigma Investments и Ferrero, транснациональная компания из Италии, производящая товары под маркой Nutella. Однако Tata Innovation Center более всего интересен потому, что является архитектурным отображением вертикального канала для технологических кадров. Студии Корнеллского технологического университета, учебные классы и аудитории для встреч находятся на нижних этажах; коворкинг для стартапов — посередине; а офисы на верхних этажах предназначаются любым успешным компаниям, которые хотят получить доступ к высококвалифицированным техническим кадрам и их интеллектуальной собственности. Такая стратегия размещения называется «колокация», она была использована администрациями Блумбега и де Блазио и в других пространствах инновационного комплекса, строящегося на муниципальной земле³⁴.

Корнеллский технологический университет относительно невелик. Помимо Tata Innovation Center и здания с учебными аудиториями, подаренного компанией бывшего мэра Bloomberg Philanthropies, для кампуса на Рузвельт-Айленде было запроектировано три других здания: многоквартирный дом с пассивной энергетикой, гостиница и Verizon Executive Education Center, для которого компания Verizon

ных медиа — и до ежегодного марафона, проходящего каждую первую субботу ноября, и на его время (<https://www.tcsnycmarathon.org/nyrr-and-tcs-sign-premierpartnership-and-title-sponsorship-of-new-york-city-marathon>).

³⁴ Планы этажей и описания см.: <http://www.weissmanfredi.com/project/tata-innovation-center-at-cornell-tech> и <http://tatainnovationcenter.com/the-building/>

пожертвовала по примеру Tata 50 млн долларов. Важнее, однако, то, что инновационный комплекс Корнеллского технологического университета оказывает влияние на гораздо более обширную территорию в восточной части Ист-Ривер в боро Квинс — том самом месте, которое было выбрано компанией Amazon для своего второго головного офиса.

Хотя свою конечную прибыль город может считать по застройке, показатели, интересующие политиков, включают сегодня и рабочие места. В этом плане Корнеллский технологический университет уже добился определённого успеха. В 2012–2018 гг. 40 студенческих стартапов получили 32 млн долларов финансирования, насчитывали 173 работника, среди которых три-четыре основателя на каждый стартап. Подавляющее большинство выпускников однолетних и двухлетних магистерских программ нашли работу на полный рабочий день; большинство остались в Нью-Йорке.

Судя по этим показателям, Корнеллский технологический университет — это выигрыш для всех: и для городского правительства, и для фирм, и для академического капитализма. Однако в 2018 г., через год после открытия Tata Innovation Center, отдельные части трёх верхних этажей и площадей, отведённых на нижнем этаже под магазины, всё ещё простаивали. А сами студенты Корнеллского технологического университета оставались небольшой элитарной группой в рабочей силе города.

Если наследие мэра Блумберга заключалось в задаче привести в Нью-Йорк «лучших и умнейших» технарей и удержать их в городе, то его преемник нацелился на то, чтобы обеспечить технологически рабочими местами менее привилегированное, «коренное» население города. Эта цель, составившая часть общей социально-экономической платформы де Блазио, получившей название «Хорошие рабочие места для всех», обрела концептуальную форму в программе по подготовке рабочей силы, названной «Tech Talent Pipeline» (ТТР). Она должна была не только удовлетворять потребности основного электората де Блазио, но и создать крепкую связь между его администрацией и технологической отраслью города.

Уверенности в том, что де Блазио прислушается к потребностям индустрии, в технологическом сообществе до его избрания не было. Хотя некоторые критики в частном порядке утверждали, что мэр Блумберг был скорее «чирлидером технологий», чем активным участником технологического сообщества. К 2013 г., то есть к завершению его третьего срока, представители этого сообщества стали ценить то, как мэр защищал отрасль и его администрация оказывала ей финансовую поддержку³⁵. Кроме того, акцент на неравенстве в риторике кампании де Блазио заставил многих инвесторов понервничать. Однако новый мэр быстро сделал *инновацию*, означающую желанный рост, девизом своей администрации, и при этом постоянно напоминал, что «хорошие рабочие места для всех» должны оставаться ключевым показателем роста. «Для всех» — то есть для всех ньюйоркцев, которым было сложно получить образование, и особенно для всех студентов CUNY, чьи семьи представляли этническую, расовую и социальную основу электората де Блазио, преимущественно состоящего из цветных сообществ.

Эти цели де Блазио со всей ясностью огласил в своём первом «Обращении о положении в городе» в 2014 г., то есть через три месяца после избрания мэром. Он сказал, что его администрация будет «сосредоточена на обучении и навыках, которые нужны людям, чтобы удовлетворять требования малых и крупных работодателей нашего города», и поможет этим людям вступить в ряды среднего класса. Де Блазио добавил, что по завершении «восьми лет» (это подразумевало, что он пойдёт и на следующий срок), «большинство квалифицированных рабочих мест в Нью-Йорке будут заполнены людьми, обучавшимися в нью-йоркских учебных заведениях. Мы будем стремиться к созданию инновационной

³⁵ Я слышала об этом в нескольких интервью с людьми за пределами городского правительства, однако см. позитивные комментарии о Блумберге в давней, изданной авторами за свой счёт книге о технологической экономике в Нью-Йорке, написанной итальянской журналисткой и венчурным капиталистом из Нью-Йорка: [Cometto, Piol 2013].

экономики не только для роста компаний, но и для того, чтобы ньюйоркцы получили работу» [State of the City... 2014]. Три месяца спустя, когда проект Корнеллского технологического университета всё ещё находился на стадии разработки, администрация де Блазио запустила Tech Talent Pipeline (ТТР).

ТТР, подобно коммерческим буткемпам и инициативам Корпорации по экономическому развитию Нью-Йорка, опирается на создание крепких связей с работодателями города. Получение информации о потребностях работодателей в реальном времени — единственный способ быстрой подготовки учащихся к рабочим местам и их распределения по таким местам. Однако Лорен Андерсен, стратегический директор Tech Talent Pipeline, сказала мне, когда мы встретились с ней в её офисе в Департаменте обслуживания малого бизнеса, что, когда создавали ТТР, не было «актуального массива данных», который показывал бы, какие технические навыки нужны местным работодателям. Данные из Бюро статистики труда США не подходят, по её словам, для этой цели; статистические категории не отражают реальных рабочих мест, а работодатели не видят в этих данных нужных им полей³⁶.

Чтобы в реальном времени получать данные по рынку труда для технических квалификаций, небольшой штат ТТР обратился к LinkedIn, популярному сайту, где люди, ищущие работу, публикуют свои резюме, а работодатели и рекрутеры подыскивают подходящие им таланты. Помимо корпоративной штаб-квартиры в Силиконовой долине, LinkedIn располагает довольно крупным офисом в Эмпайр-стейт-билдинге. Ещё важнее то, что в базу данных компании входит по меньшей мере три миллиона человек из Нью-Йорка. После того как сайт LinkedIn проанализировал эти данные, сотрудники ТТР с удивлением обнаружили, что, хотя один из пяти городских работодателей желает нанять специалиста в области технологий, только у 2% рабочей силы города имеется диплом, связанный с технологиями, и только 7% рабочей силы города действительно работают на технологических рабочих местах. Эти показатели оказались намного хуже, чем в Области залива Сан-Франциско, где 17% выпускников местных колледжей, в том числе муниципальных, получают работу в технологической отрасли. Ещё хуже было то, что местный запас специалистов по технологиям, то есть доля выпускников колледжей в Нью-Йорке с техническими дипломами, на самом деле постоянно сокращался³⁷.

Ещё одна серьёзная проблема была связана с отсутствием социального и этнического разнообразия в технологической рабочей силе. Начиная с участников хакатонов и заканчивая реальными технологическими специалистами, вся эта рабочая сила состояла в основном из молодых мужчин, преимущественно белых или азиатов. Рабочие места в технологической сфере оказались существенно стратифицированы в зависимости от расы и дохода. Если белые и азиаты преобладали на высококвалифицированных рабочих местах (производство программного обеспечения, системный дизайн и обработка данных), то темнокожие и латиноамериканцы чаще были заняты в производстве оборудования. В результате белые и азиатские технари зарабатывали в два раза больше темнокожих и почти в два раза больше латиноамериканцев. В докладе Association for Neighborhood and Housing Development (ADHD) был сделан вывод: в Нью-Йорке существуют «две технологические сферы — одна, с более высокой зарплатой, для белых, а другая, с более низкой зарплатой, для цветных» [Association for Neighborhood and Housing Development 2016].

Программа «Tech Talent Pipeline» ставила задачу это изменить, начав с создания связей с некоторыми из технологических работодателей города, для чего основное их ядро было приглашено поучаствовать в консультационном совете. «Мы знали, что нам нужны компании, которые будут представлять технологическую экосистему и станут катализаторами для других, — сказала мне Андерсен в интервью и назвала Google, Facebook, Microsoft, LinkedIn. — Также нам были нужны такие работодатели,

³⁶ Интервью с Лорен Андерсен, директором по стратегиям NYC Tech Talent Pipeline. 2018, февраль.

³⁷ По словам Лорен Андерсен, Нью-Йорк стал первым городом, начавшим работать в таком режиме с компанией LinkedIn. См. данные: [Chavez 2015].

как Verizon и Goldman Sachs, и репрезентативная выборка таких нью-йоркских стартапов, как Etsy и Kickstarter. Мы хотели выделить работодателей, которые могли бы в течение долгого времени нанимать всё большее число людей». Все эти компании стремились, как предполагала Лорен, сотрудничать с городским правительством, поскольку им нужна была высококвалифицированная рабочая сила: «Каждый понимал, что одна-единственная компания не может решить проблему поиска достаточного количества технологических кадров», — сказала она мне. Более того, такие старые компании, как Verizon и Goldman Sachs, были сильно завязаны на город. «Многие хотели отплатить городу, поскольку они давно присутствуют здесь, — говорила Лорен, — Нью-Йорк проник в самую их ДНК». Что касается новичков, таких технологических гигантов, как Google, «им было нужно создать локальный канал и стать неотъемлемой частью сообщества; руководство стремилось к партнёрским отношениям с городом». Как указала Андерсен, ключевую роль сыграла поддержка мэра. Инициатива была запущена на основе 10 млн долларов первоначального финансирования, в том числе от филантропических партнёров JPMorgan Chase Foundation и New York City Workforce Funders.

На своей первой встрече с сотрудниками ТТР партнёры из технологической отрасли сказали, что городу надо создать полномасштабную программу соответствующего обучения для всех учащихся начального и среднего образования. Это разумное предложение привело к формированию ещё одной частно-государственной некоммерческой инициативы под названием «The Computer Science for All» (CS4All)³⁸, в совет которой вошли венчурный капиталист Фред Уилсон и профессор Нью-Йоркского университета Ивэн Корт. «Они думали не только о том, как учить программированию или робототехнике, — сказала Андерсен, — они думали об основах вычислительной техники и критического мышления». В 2016 г., последнем для администрации Обамы, Белый дом одобрил CS4All и превратил эту инициативу в общенациональную некоммерческую организацию³⁹.

Насколько быстро можно реализовать любую из этих программ, зависит от финансирования, а также от поддержки различных ведомств и спонсоров. В Нью-Йорке сотрудникам CS4All пришлось спорить с Департаментом образования города, неприветливой бюрократической структурой, которая управляет государственными школами, но также борется за здания, финансирование, расовую и этническую репрезентативность. Один новый государственный вуз, где студентов должны были готовить к технологическим рабочим местам, Academy for Software Engineering, защищали Уилсон и Корт, он был открыт в 2012 г. Однако, если судить по стандартным показателям успеваемости учащихся, доле студентов, сдавших стандартные тесты, в том числе экзамен по «Программе углублённого изучения» (Advanced Placement), это учебное заведение уступает таким чрезвычайно востребованным и «специализированным» государственным вузам, как Stuyvesant, Bronx Science и High School for Math, Science, and Engineering, последняя открылась в Городском колледже Нью-Йорка, входящем в CUNY, в 2002 г. Однако эти специализированные государственные вузы постоянно критикуют за недостаточное расовое разнообразие. Большинство студентов там составляют преимущественно азиаты и в некоторой степени белые, тогда как студенты в Academy for Software Engineering — в основном латиноамериканцы и в некоторой степени темнокожие⁴⁰.

³⁸ Компьютерные науки для всех. — *Примеч. ред.*

³⁹ О нью-йоркских и общенациональных инициативах см.: <https://csnyc.org/> и <https://www.csforall.org/> См. также: [Smith 2016].

⁴⁰ По данным журнала «U.S. News and World Report», студенческий состав Academy for Software Engineering таков: 50% — латиноамериканцы; 26% — темнокожие; 10% — азиаты; 9% — белые. Тогда как среди студентов Высшей школы математики, науки и инженерии (High School for Math, Science, and Engineering) в Городском колледже Нью-Йорка 35% азиатов, 27% белых, 22% испанцев и 10% темнокожих. Также отдельным меньшинством (20–30%) представляются студентки. См.: о демографическом составе: <https://www.afsenyc.org/domain/52>; <https://www.usnews.com/education/best-high-schools/new-york/districts/new-york-city-public-schools/academy-for-software-engineering-144655/student-body>; <https://www.usnews.com/education/best-high-schools/new-york/districts/new-york-city-public-schools/highschool-math-science-and-engineering-at-cuny-13145/student-body>

Параллель этого перекося обнаруживается и в CUNY, куда студенты, отличающиеся весьма высоким уровнем расового разнообразия, набираются со всего мира. Поскольку у большинства студентов нет крепкого знания ни математики, ни естественных наук и достаточного знакомства с технологическими карьерами, только 1000 выпускников каждый год получают бакалаврские дипломы по технологическим специальностям⁴¹. Многие из них, по словам Лорен Андерсен, имеют неплохие теоретические знания, но им недостаёт прикладных технических навыков. Кроме того, опыт показывает, что родители успешных студентов CUNY, которые проходят курсы по математике и точным наукам, поощряют их поступление в медицинские школы, а не выбор технологической карьеры. Однако к третьему году ТТР, когда консультативный совет пожелал расширить программы обучения, чтобы готовить больше технологических работников, успешные студенты пришли в CUNY. Партнёрство с государственным университетом должно было создать более значительный и более разнообразный в социальном плане резерв специалистов, что соответствовало бы и целям администрации де Блазио⁴².

В 2017 г. мэр объявил о запуске CUNY 2X Tech, пятилетнего плана по удвоению числа выпускников CUNY с техническими дипломами. На это де Блазио зарезервировал 11 млн долларов из городских фондов и 9 млн долларов из фондов развития рабочей силы; также свой вклад внесли и частные работодатели. План будет придерживаться модели партнёрства, разработанной Корпорацией по экономическому развитию Нью-Йорка: городское правительство создаёт программу, вносит в неё первоначальные средства и координирует, тогда как частные компании должны заниматься наставничеством и привлекать студентов, а некоммерческие партнёры — в данном случае CUNY — вести курсы. «Отрасль получила место за столом переговоров, — сказала мне Андерсен. — Речь шла о привлечении студентов CUNY».

Отдельные части пилотной программы начали наконец складываться в единое целое. ТТР учредила студенческие стажировки в технологических компаниях и резиденции для наставников в двух колледжах CUNY. Такие компании, как Google и Zocdoc, «обязались провести отдельные программы». Ректоры и преподаватели колледжей CUNY разработали курсы, на которых должны были преподаваться востребованные сегодня технологические навыки. Однако некоторые технологические компании, как сказала Андерсен, «не смогли выделить инженеров, которые преподавали бы в CUNY». Тогда компании разработали отдельный договор с колледжами: их работники будут участвовать в качестве приглашённых преподавателей, каждый проведёт одну или несколько сессий, но в процессе обучения им будут помогать ассистенты из числа аспирантов CUNY. Эта договорённость позволила распределить учебную нагрузку и в определённой степени следовала модели венчурных капиталистов, которых привлекали университеты для проведения курсов по технологическим стартапам. Но Андерсен указала в интервью с ней: чтобы действительно мотивировать компании предоставлять преподавателей, «должен быть гражданский призыв к действию». После того как мэр написал компаниям и спросил их, готовы ли они послужить городу, ТТР получила 50 заявок на первый набор Tech in Residence Corps. Их подали компании из ключевых секторов финтех, маркетинга, медиа, электронной торговли и туризма⁴³.

Большинство студентов в государственных вузах с высоким конкурсом должны получить высокий балл на традиционно сложном стандартном тесте, к которому они часто готовились, посещая специальные курсы; такими студентами являются преимущественно азиаты. Данная ситуация заставила ньюйоркцев в администрации де Блазио выступить с предложением повысить доступность этих учебных заведений для населения города; см.: [Harris 2018; Harris, Hu 2018; Taylor 2018].

⁴¹ Данные о 1000 бакалаврских дипломах по технологическим специальностям см. на сайте Нью-Йорка: De Blasio Administration Announces New Initiative to Double the Number of Graduates With Tech Bachelor's Degrees from CUNY Colleges by 2022 (<https://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/677-17/de-blasio-administration-newinitiative-double-number-graduates-tech>).

⁴² Из интервью с Лорен Андерсен. 2018, февраль.

⁴³ Этими компаниями были LinkedIn, StreetEasy, EY, Citigroup, Credit Suisse, Etsy, AppNexus, Addepar, Fareportal, Adaptiv, Dstillery, JetBlue, Infor, Spotify и Vimeo. См. об инициативах администрации де Блазио на официальном сайте Нью-Йорка [De Blasio Administration Announces New Initiative... 2017].

CUNY был не единственной образовательной площадкой Tech Talent Pipeline. Андерсен отметила: «Нам нужны были траектории помимо бакалавриата». Для создания интенсивных ускоренных курсов ТТР работала с буткемпами General Assembly и Flatiron School, а также с некоммерческими организациями, такими как Per Scholas в Бронксе, которые обучают студентов технологическим навыкам. Для большинства этих поставщиков уроки в классе были непростым делом, однако Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка уже задумалась об объединении учебных программ в одном центральном месте, и оно могло бы стать хорошо заметным символом нацеленности администрации де Блазио на социальную справедливость.

Эти мысли подвигли корпорацию экономического развития к планам по строительству технологического хаба вблизи Юнион-сквер. Но план столкнулся с протестами со стороны местных жителей, поскольку предполагал увеличение количества высотных офисных зданий в районе.

Подобно Tata Innovation Center в Корнеллском технологическом университете и Building 77 на Бруклинской верфи, Union Square Tech Training Center был спроектирован так, чтобы можно было воспользоваться всеми выгодами колокации. Здание должно было предоставлять общественное пространство на нижнем этаже, классы и аудитории для мероприятий, управляемые некоммерческой организацией Civic Hall, на средних этажах, и офисы, сдаваемые по рыночной цене уважаемым технологическим фирмам, на верхних этажах, так что студенты, обучавшиеся в классах на нижних этажах, могли бы, по крайней мере в теории, получить потом работу. Клиентом здания выступала Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка, а не частный университет; однако, как и на Рузвельт-Айленде, земля принадлежала городу, а сам технологический хаб должен был возводить частный застройщик, обладающий хорошими связями с городским правительством⁴⁴.

Короткое видео, сделанное Корпорацией по экономическому развитию Нью-Йорка для рекламы технологического хаба, демонстрирует социальную миссию проекта. В начале даётся надпись на весь экран: «В Tech Training Center на Юнион-сквер будут вестись бесплатные и доступные курсы по технологическим дисциплинам». Далее в течение двух оставшихся минут видео мы видим лица и слышим речь ньюйоркцев со всеми существующими в этом городе акцентами, подтверждающих ценность технологического образования в быстро развивающейся инновационной экономике. Выборка ньюйоркцев не отличается перекосом в сторону белых и азиатов, характерным как для технологического сообщества в целом, так и для студенчества Корнеллского технологического университета. Женщина средних лет с латиноамериканским именем, представленная как жительница муниципального многоквартирного дома, говорит: «Если у вас нет технического образования или опыта, многие рабочие места для вас больше недоступны». «Когда я учился в школе, — говорит молодой латиноамериканец, — у нас на самом деле не было технологического обучения». Молодой темнокожий с дредами, которого я, кстати, видела, когда он представлял свой стартап на демосессии в акселераторе в Бруклине, говорит: «Если у нас будет одно центральное место, куда можно прийти с нулевым опытом, это выравнивает доступ к технологиям и обучению информатике»⁴⁵.

Это был меседж о равноправии и повышении общего уровня. Но важно также снова отметить взаимную заинтересованность сторонников инновационного комплекса и застройщиков. Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка выпустила видео на фоне спорного процесса Контрольной процедуры единого землепользования (Uniform Land Use Review Procedure, ULURP), когда план по строительству технологического хаба, чья этажность превышала ту, что позволялась правилами зонирования, получил единогласное одобрение комиссии по городскому планированию, и непосредствен-

⁴⁴ Подробнее технохаб на Юнион-сквер описан в главе 2.

⁴⁵ См. подробнее: [Warekar 2018a]. Демосессия прошла в Urban-X 4 мая 2017 г.

но перед голосованием по нему городского совета. Хотя территориальный орган управления и глава муниципального совета боро Манхэттен также одобрили план, существовала озабоченность тем, что в связи со слишком большим объёмом новой застройки, особенно зданиями высотой более 20 этажей в районе низкоэтажных многоквартирных зданий и индивидуальных жилых домов. Местные группы и жители связывали высокие здания, а также дорогостоящую жилплощадь в них с распространением технологических фирм. Одобрение более высокого, чем позволялось действующими нормативами, здания дало этим группам козырь, который они могли использовать против нежелательной застройки в своём районе⁴⁶.

Однако застройщик RAL Companies имел все основания предложить 21-этажное здание в зоне, где новые постройки ограничивались 14 этажами. При наличии более дорогих офисных площадей на верхних этажах компания могла бы покрыть издержки низкой арендной платы на этаже классов и аудиторий, предоставляемых некоммерческому технологическому сообществу, а также издержки 25% офисных площадей, которые нужно было зарезервировать под «первоначальных предпринимателей». По этой причине Корпорация по экономическому развитию Нью-Йорка хотела, чтобы городской совет сделал исключение из норм зонирования. Но в контексте местного района предоставление субсидированных площадей технологическим стартапам не было убедительным аргументом. Новые постройки все больше заменяли исторические дома на Бродвее, вместо которых появлялись здания с площадями для технологических и креативных офисов. Жителям не нравилось беспрецедентное число высотных зданий, появляющихся в малоэтажном и неброском районе к югу и востоку от Юнион-сквер. Ещё больше ситуация обострялась из-за того, что большинство кондо в новых зданиях продавались по цене выше 2 млн долларов, что значительно превышало суммы, которые могли себе позволить местные жители. Некоторые из них жаловались на то, что эта область Гринвич-Виллидж поглощается Силиконовой аллеей, и этот аргумент подхватили те, кто хотел сохранить книжный магазин Strand, расположенный в трёх кварталах отсюда⁴⁷.

Общество по защите исторического наследия Гринвич-Виллидж (Greenwich Village Society for Historic Preservation) в своей борьбе с Корпорацией по экономическому развитию Нью-Йорка защищало интересы локуса. Оно потребовало от недавно избранного члена городского совета выступить против комиссии по городскому планированию, повести за собой коллег, которые обычно склоняются к позиции члена совета от района, и добиться того, чтобы они проголосовали против строительства технологического хаба. Представители Общества полагали, что необходимо добиться по крайней мере понижения высотности и сохранить облик района. Но эта борьба не вполне соответствовала целям Карлин Риверы, члена совета от района, которая сказала на предварительном слушании подкомитета, вызвав одобрительные возгласы присутствующих: «Я озабочена тем, что не увижу людей с тех улиц, где выросла, Авеню С, Авеню В или Пятой улицы, и тем, что они не попадут в этот цифровой учебный центр, что это будет выглядеть во многом <...> точно так же, как Силиконовая аллея. Я хочу, чтобы центр отражал интересы города, в котором мы живём». Было ясно, что, если Ривера поддерживает мэра и его стремление к равноправию в технологической рабочей силе, она поддержит и технологический хаб в том виде, в каком он был запланирован. Когда городской совет голосовал, член совета присоединилась к большинству и проголосовала за предложенный план [Brown, Desai 2018; David 2018; Plitt 2018; Warkerkar 2018c].

⁴⁶ Каждый этап подробно освещался в СМИ; см., в частности: [Litvak 2018; Warkerkar 2018b].

⁴⁷ Согласно данным, 27 компаний из области технологий, рекламы, медиа и информации имеют корпоративные офисы в районе Юнион-сквер, на их долю приходится 22 500 рабочих мест и сделок на 2 млрд долларов по недвижимости за два предыдущих года. В то же время наиболее дорогой новый кондоминиум близ Юнион-сквер был продан за 16,5 млн долларов, а в результате роста средняя арендная плата в районе составила более 3700 долларов в месяц; см.: [Gardiner 2017]. См. о магазине Strand Bookstore: [Kilgannon 2018].

Администрация де Блазио считала очень важным перенести Tech Talent Pipeline в центральное для физической и моральной географии место города. В «Обращении по положению в городе» 2017 г. мэр заявил, что намерен создать 100 тыс. рабочих мест, а это представлялось весьма высоким показателем, достижимым только благодаря тесному сотрудничеству с большими технологическими компаниями [Neuman, Goodman 2017]. Кроме того, если эти рабочие места создавались для того, чтобы поднять зарплаты «коренных» ньюйоркцев до уровня зарплат среднего класса, ТТР и Civic Hall нуждались в значительном содействии корпоративных и некоммерческих партнеров. По крайней мере, корпоративная поддержка должна была дать городу возможность предоставлять технологическое обучение тогда, когда коммерческие школы программирования обратились к другим сторонам бизнес-модели⁴⁸.

В отличие от Лорен Андерсен, которая пришла работать в ТТР из Управления по науке и технологии Белого дома, Мэт Браймер приехал в Нью-Йорк прямо из Йеля⁴⁹. Студентом он успел открыть три или четыре фирмы с другим будущим основателем General Assembly. По его словам, приобретя такой опыт, он хотел стать предпринимателем. Неудивительно, что, получив диплом, после экономического кризиса 2008 г. он выбрал технологическую, а не финансовую сферу. То, как развивалась его карьера, показывает ещё один канал, ведущий в экосистему, но требующий уже иного комплекса навыков.

По словам Мэта, приехав в Нью-Йорк, он «попытался интегрироваться в технологическую экосистему». Он рассказал следующее: «Сначала я знал только 10 человек. Вы должны понимать, что в те времена в Йеле было не так-то много людей, занятых технологиями». Но он уже завёл некоторые знакомства, когда, ещё учась на последнем курсе университета, работал на неполной ставке в городе, в офисе одного из своих студенческих стартапов, где разрабатывались игры в социальных сетях. Эта фирма собрала почти 2 млн долларов венчурного капитала, но во время финансового кризиса деньги у неё закончились. Мэт хотел, опираясь на собственный опыт, исправить ошибки основателя, поэтому посвятил себя налаживанию связей — подписывался на рассылки, чтобы узнавать о различных мероприятиях, посещал NY Tech Meetups, а также митапы другой группы, Hackers & Founders, которая по четвергам собиралась в Мэдисон-сквер-парке в северной части Силиконовой аллеи. Потом он организовывал собственные митапы, хакатоны и дискуссионные панели, приглашал выпускников Йеля, занятых в технологической отрасли Нью-Йорка, и пытался сойтись с максимальным количеством людей. Он постоянно появлялся там и сям. «Меня начали узнавать, — сказал Мэт. — Я пытался быть полезным <...> чтобы во всём, что я делаю, была хорошая карма». Потом его «начали представлять спонсорам и другим предпринимателям. Кое-что начало получаться. Мне начали отвечать взаимностью». На этом этапе Мэт каждый день работал на своем ноутбуке в холле Ace Hotel, в неформальном месте сбора всех, кто имел отношение к технологическому сообществу, или тех, кого журнал «Fast Company» назвал прекрасными людьми и крутыми креативными подростками⁵⁰. Вместе со своим бизнес-партнёром Мэт решил, что нужно создать такое же рабочее пространство; оно должно стать открытым и доступным, но не для всех. «Вам необходимо доверие, — сказал Мэт. — А людям не нужно, чтобы у них украли ноутбук».

Мэт и его партнёр познакомились с третьим сооснователем и единственным обладателем диплома MBA на встрече выпускников Йеля. Четвёртого нашли через одного общего знакомого. Он был старше остальных и, хотя Мэт не упоминает этого, происходил из состоятельной семьи. Четыре партнёра объединились и создали в 2010 г. General Assembly. Когда компания открылась, это был модный неформальный коворкинг, все абонементы в который в январе 2011 г. были сразу распроданы. «Мы сами от-

⁴⁸ Например, Microsoft объявила о гранте в 100 тыс. долларов технохабу, но было неясно, будет ли он предоставляться деньгами или товарами и услугами [Brown 2018].

⁴⁹ Интервью с Мэтью Браймером. 2016 г., март.

⁵⁰ См.: [Goodman 2011].

бирали членов, — говорил Мэт. — Мы искали вдохновение и амбиции (не обязательно именно в этом порядке), а также взаимность. Членом можно было стать, пройдя собеседование. Мы хотели создать сообщество, доверие, но не хотели делать клуб избранных». Однако «образование присутствовало в нашей бизнес-модели с самого начала», — рассказывал Мэт, и вскоре четыре сооснователя поняли, что им интереснее именно образование, а не аренда рабочих мест: «Превратить физическое пространство в ядро всей технологической сцены Нью-Йорка — вот в чём заключалась наша мечта».

Основатели рассматривали General Assembly в качестве престижной профессиональной школы, которая отвечала бы потребности в технологических кадрах. При разработке модели, которую позже переймут Flatiron School и Tech Talent Pipeline, были установлены «отношения с тысячами работодателей». Работодателей спрашивали о том, какие навыки востребованы, собирали полученные ответы и оформляли их в виде курсов: «Мы строили программы в обратном порядке». Благодаря такому методу и постоянно меняющемуся преподавательскому составу, состоящему из независимых подрядчиков, школа программирования намного оперативнее любого университета, и ей не нужно волноваться о соответствии государственным требованиям по аккредитации.

Но, как и коммерческие школы, буткемпы ходят по тонкому льду. В 2017 г. Flatiron School, основательница которой ранее работала на General Assembly, была вынуждена удовлетворить иск, поданный генеральному прокурору штата Нью-Йорк; его величина составила 375 тыс. долларов. Flatiron School обвинили в том, что школа работает без лицензии Департамента образования штата и «занимается недостоверным маркетингом своего продукта, рекламируя процент выпускников, получивших работу, а также их начальную заработную плату» [A. G. Schneiderman Announces... 2017]. Мэт осторожно сказал мне, что General Assembly «не является формальным образовательным учреждением», но также отметил, что 95–99% выпускников находят работу в течение трёх месяцев после завершения курса: «Для нас это очень хороший результат. Мы можем найти вам новую карьеру и новую работу».

Наиболее интенсивно буткемпы работают со студентами, занятыми полный день на иммерсивных курсах, которые длятся по 12 недель. Студенты в школе учатся весь день, семь дней в неделю. «Мы помогаем им сменить карьеру, — сказал Мэт. — Мы знакомим их с работодателями; у нас есть карьерные коучи». Когда я посетила Ребеку Ромбом, вице-президента по бизнес-развитию в Flatiron School, она рассказала мне, что, хотя студенты платят большую сумму, они всё равно должны пройти строгий отбор и продемонстрировать страсть к программированию, написав эссе и выдержав собеседование с основателем Flatiron. Также они должны написать компьютерный код, который выполнял бы определённую техническую задачу. «Успешные претенденты должны либо уже уметь программировать, — сказала Ребека, — либо немного научиться программированию, обычно это делается за один ударный уикэнд. Они проходят собеседование по скайпу с инструктором, на котором представляют свой программистский проект <...> Это показатель их интеллектуальных способностей». Flatiron School, по словам Ребеки, принимает лишь 6% от 6 тыс. претендентов. Но, как и в General Assembly, доля учащихся, заканчивающих школу, около 99%⁵¹.

Ромбом описала ту практику прицельного наставничества, которая применяется в Flatiron School. Основываясь на разговорах с работодателями, её сотрудники пытаются соотнести характеристики отдельных студентов с качествами, которые, по словам работодателей, имеются у наиболее успешных работников. Сотрудники школы редактируют черновики резюме, которые студенты рассылают по электронной почте потенциальным работодателям (нужно, например, писать «Привет, Чарльз!», а не «Дорогой мистер Джонс»; «Никаких смайликов, пока работодатель не использует их первым»; «Не бо-

⁵¹ Интервью с Ребеккой Ромбом, вице-президентом по бизнес-развитию; ныне — общим менеджером по услугам в сети Flatiron School. 2015, ноябрь.

лее одного восклицательного знака в строчке)), и дают советы, как одеваться на собеседование. Ребека и её коллеги довольно чувствительны к недружественной атмосфере, с которой соискатели сталкиваются на многих собеседованиях в технологических фирмах, особенно если соискатель — единственная женщина или единственный представитель меньшинства в помещении.

Подобно General Assembly, Flatiron School работает также и с «нетрадиционными студентами», нью-йоркцами с низкими доходами, которые могут стать законными претендентами на стипендии, оплачиваемые NYCEDC. Школа заключила партнёрство с Tech Talent Pipeline, создав программу, предоставляющую «возможности для молодёжи», которая, по словам Ребеки, стала просто «чудесным опытом». Однако «набор на эти программы напоминает поиски неограниченных алмазов». У нетрадиционных студентов «пустые резюме; разнообразие повышает рискованность процесса обучения, но школа стремится его упростить». Также студенты сталкиваются с финансовыми трудностями. Ромбом рассказала мне об одном учителе, купившем для студентки проездной на метро, чтобы она смогла съездить на собеседование. В программе, которую Flatiron School ведёт для NYCEDC, 53% студентов относятся к недостаточно представленным меньшинствам, то есть это темнокожие или латиноамериканцы, а 40% — женщины. В General Assembly, говорит Мэт Браймер, «это как раз и заставляет меня вставать каждое утро», то есть «трансформация образования, позволяющая открыть его более широкой и разнообразной аудитории и меняющая её жизнь к лучшему»⁵².

Однако хорошие рабочие места в технологической области, по всей видимости, наиболее доступны выпускникам колледжей, которые показали способности к математике или физике, уже имеют работу или же могут позволить себе заплатить 12–15 тыс. долларов (либо занять ту же сумму). По данным недавнего опроса, этим характеристикам отвечает большинство выпускников американских буткемпов. Их возраст составляет в среднем 29 лет, 75% из них уже закончили колледж. Как указывает Ребека Ромбом, большинство самостоятельно овладели некоторыми навыками программирования, прежде чем подать заявление в школу. Неудивительно, что социальный и этнический состав выпускников буткемпов в значительной мере совпадает с демографическим составом других секторов технологической экосистемы: примерно 60% — это мужчины; 40% — женщины; преимущественно белые и азиаты. Многие берут студенческий кредит, чтобы оплатить курсы: до 2016 г. только 6% выпускников буткемпов использовали внешние кредиты, а в 2017 г. число таких студентов выросло до 20%. В среднем начальная зарплата выпускника американских буткемпов — 70 698 долларов, что почти на 24 тыс. долларов больше той зарплаты, которую они получали до обучения в буткемпе⁵³.

Те студенты CUNY и ньюйоркцы с низким доходом, которые никогда не учились в колледже, начинают с менее выгодных позиций. Поскольку их семьи живут в Нью-Йорке и сами они в большинстве своём тоже хотят здесь остаться, в определённом смысле как рабочая сила они являются заложниками городских работодателей. Их карьерные шансы зависят от интенсивного обучения и наставничества, финансируемого государственными грантами и корпоративными стипендиями. Многие из них получают работу лишь в качестве программистов; некоторые, возможно, станут, как того хотела бы NYCEDC,

⁵² Стипендии и гранты фонда «Opportunity Fund» в General Assembly, получившей 500 тыс. долларов в 2015 г., поддерживались такими корпоративными спонсорами, как Google for Entrepreneurs, Microsoft, Capital One и PayPal, а также спонсировались некоммерческими организациями — Girls Who Code и Black Girls Code. Студенты должны быть приняты в иммерсивную программу обучения веб-разработке или проектированию пользовательских интерфейсов, подтвердить то, что они зарабатывают менее 60 тыс. долларов в год, или объяснить собственные ограниченные финансовые обстоятельства, «поделиться своей историей о том, как обстоятельства их жизни повлияли на их участие в индустрии технологий и дизайна», а также обсудить планы на будущее. Стипендии покрывают интенсивные курсы, наставничество и добровольческую работу; см. General Assembly Blog: <https://generalassemb.ly/opportunity-fund>; <https://generalassemb.ly/blog/opportunity-fund-expands-with-new-partners/>

⁵³ См. подробнее: [Eggleston 2017b].

предпринимателями. Нам ещё предстоит увидеть, как высоко большинство из них поднимутся в технологической меритократии, если сравнивать с выпускниками Корнеллского технологического и Колумбийского университетов, NYU или же предпринимателями–выпускниками Йеля. Академический капитализм этих институтов, то есть их стратегии капитализации интеллектуальной собственности и знакомства студента с миром бизнеса, относятся к другой лиге, которая не зависит от государственного финансирования.

Хотя некоторые буткемпы уже успели разориться, Flatiron School и General Assembly оказались чрезвычайно успешны. После того, как Flatiron School была куплена компанией WeWork, она вышла на новые рынки в нескольких других городах. General Assembly пошла по другому пути. Поскольку курсы, предлагаемые ею сотрудникам корпоративных клиентов, приносили больше прибыли, чем курсы в буткемпах, они расширили это предложение. В результате их более чем за 400 млн долларов купила Adecco, швейцарская рекрутинговая фирма [Lohr 2017; General Assembly... 2018; WeWork Is... 2018].

Каналы, обеспечивающие подготовку технологических работников и их распределение по рабочим местам, не выравнивают правила игры, если рассматривать лучшие из таких технологических рабочих мест; они создают и поддерживают технологическую меритократию. Этот ключевой пункт подчёркивался и Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) — той самой организацией, которая помогла Нью-Йорку заняться инновационным комплексом. «В будущем, — пишет Клаус Шваб, основатель ВЭФ и его исполнительный председатель, — талант, а не капитал станет критическим фактором производства. В результате получит развитие такой рынок труда, который всё больше делится на сегменты “низкая квалификация — низкая оплата” и “высокая квалификация — высокая оплата”, что, в свою очередь, приведёт к росту социального напряжения»⁵⁴.

Даже если правительства городов сделают всё возможное, чтобы обучать «коренное» население технологическим профессиям, зарплат, возможно, всё равно не хватит на то, чтобы оплачивать растущую арендную плату или купить квартиру в таком городе, как Нью-Йорк, где всё больше роскошных кондо. Также невозможно самостоятельно выравнять условия игры, если учесть снижение налогов для богатых и равнодушие федерального правительства к городским проблемам. Так или иначе, технологические работники — это всё равно работники. «Наиболее значительными выгодополучателями инноваций, — признаёт Шваб, — обычно являются поставщики интеллектуального и физического капитала, то есть новаторы, акционеры и инвесторы, чем и объясняется растущий разрыв в богатстве между теми, кто зависит от капитала, и теми, кто зависит от труда».

Кроме того, такие каналы неизбежно пересекаются с рынками недвижимости. В Нью-Йорке, как и в Сан-Франциско, Сиэтле и Вашингтоне, спрос на жильё для высокооплачиваемых технологических работников (или, говоря точнее, для богатых основателей, инвесторов и венчурных капиталистов) вызывает страхи высоких зданий, более высокой арендной платы и одновременно морального и физического переселения. Когда такие каналы поддерживают расширение технологических гигантов вроде Amazon, подобные страхи выливаются в идеальный шторм тревоги и гнева. Какой город станет «адресом инновации»? И у кого будет право жить там и работать?

⁵⁴ См.: [Schwab 2016].

Литература⁵⁵

- A. G. Schneiderman Announces \$375,000 Settlement with Flatiron Computer Coding School for Operating Without a License and for Its Employment and Salary Claims. URL: <https://ag.ny.gov/press-release/ag-schneiderman-announces-375000-settlement-flatiron-computer-coding-school-operating>
- Applied Sciences NYC. 2016. URL: <https://www.nycedc.com/project/applied-sciences-nyc>
- Arensen K. W. 2008. Some Trustees Challenge Polytechnic-NYU Merger. *The New York Times*. February 6. URL: <https://www.nytimes.com/2008/02/06/nyregion/06nyu.html>
- Association for Neighborhood and Housing Development. 2016. *Tale of Two Techs*. URL: <https://anhd.org/report/pay-gap-tells-tale-two-techs>
- Auletta K. 2012. Annals of Higher Education: Get Rich U. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2012/04/30/get-rich-u>
- Brachman R. 2016. Why I Chose the Jacobs Institute at Cornell Tech. *Cornell Tech*. May 25. URL: <https://tech.cornell.edu/news/why-i-chose-cornell-tech-and-jacobs>
- Brown N. 2018. *Union Square Tech Center Gets \$100,000 Grant From Microsoft*. URL: <https://www.amny.com/news/tech-center-union-square-1.20226324>
- Brown N., Desai R. 2018. *Will Union Square Tech Center Usher in a Development Boom? Concerns Aired Before City Council Committee*. URL: <https://www.amny.com/news/tech-center-union-square-1.19723924>
- Butcher D. 2017. *I Gave Up a Burgeoning Pop Career to Become a J.P. Morgan Trader, Now I've Started a Fintech Firm*. URL: <https://news.efinancialcareers.com/us-en/272373/ex-pop-starlet-and-jpmorgan-trader-co-foundedfintech-startup-trigger-finance>
- Cao S. 2018. A. I. Buzz Is Causing a Tech Labor Shortage in Both Silicon Valley and New York. *Observer*. May 23. URL: <http://observer.com/2018/05/artificial-intelligencebuzz-tech-labor-shortage/>
- Chavez P. 2015. *LinkedIn Economic Graph Research: Helping New Yorkers Connect with the Jobs of Tomorrow* [INFOGRAPHIC]. URL: <https://blog.linkedin.com/2015/02/12/linkedin-economic-graph-research-helping-newyorkers-connect-with-the-jobs-of-tomorrow-infographic>
- Clareman B. 2017. Inside the Mind of a New York VC: Frank Rimalovski of NYU Innovation Venture Fund. *AlleyWatch*. URL: <http://www.alleywatch.com/2017/03/inside-mind-new-york-vc-frank-rimalovski/>
- Cometto M. T., Piol A. 2013. *Tech and the City: The Making of New York's Startup Community*. Mirandola: Mirandola Press.
- De Blasio Administration Announces New Initiative to Double the Number of Graduates With Tech bachelor's Degrees From CUNY Colleges by 2022. 2017. *The Official Website of the City of New York*. October 23. URL: <https://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/677-17/de-blasio-administration-new-initiative-double-number-graduates-tech>

⁵⁵ При составлении библиографии использованы источники, указанные автором книги. Некоторые ссылки на электронные ресурсы в настоящее время неактуальны; доступ к ним датирован временем работы над книгой. — *Примеч. ред.*

- Eggleston L. 2017a. 2017 Coding Bootcamp Market Size Study. *Course Report*. July 19. URL: <https://www.coursereport.com/reports/2017-coding-bootcampmarket-size-research>
- Eggleston L. 2017b. Coding Boot Camp Alumni Outcomes and Demographics 2017. *Course Report*. December 19. URL: <https://www.coursereport.com/reports/coding-bootcamp-job-placement-2017>
- Eisenpress C. 2017. Cornell Tech Starts Up. *Crain's New York Business*. June 4. URL; <http://www.crainsnewyork.com/article/20170604/TECHNOLOGY/170609965>
- Eisenpress C. 2018. *Cornell Tech Starts Up*. URL: https://www.crunchbase.com/funding_round/nanit-series-b--438ddc70#section-investors.
- Employment Statistics: Technical Programs, 2015—2021*. URL: <https://tech.cornell.edu/career-management/employment-statistics-technical-programs>
- Gardiner A. 2017. Union Square by the Numbers. In: *WATCH: A Number-by-Number Breakdown of Union Square—NYC's 'Silicon Alley.'* URL: <https://therealdeal.com/2017/06/07/watch-a-numberby-number-breakdown-of-union-square-nycs-silicon-alley/>
- Goodman L. 2011. Ace Hotel's Communal Workspace Shows a Winning Hand. *Fast Company*. August 8. URL: <https://www.fastcompany.com/1768472/ace-hotels-communal-workspace-showswinning-hand>
- Greg D. 2018. *Union Square Tech Hubs Pit the Neighborhood Against a Crucial City Priority*. URL: <http://www.crainsnewyork.com/article/20180716/BLOGS01/180719956/union-square-tech-hubs-pit-neighborhood-against-a-crucial-city>
- Handwerker H. 2017. New York's 'Silicon Alley' Gets an Israeli Makeover. *HAARETZ*. February 24. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/business/.premium-new-york-s-silicon-alley-gets-an-israelimakeover-1.5441628>
- Harris E. A. 2018. *De Blasio Proposes Changes to New York's Elite High Schools*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/02/nyregion/de-blasio-new-york-schools.html>
- Harris E. A., Hu W. 2018. *Asian Groups See Bias in Plan to Diversify New York's Elite Schools*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/06/05/nyregion/carranza-specialized-schools-admission-asians.html>
- Harrison J. 2018. Inside the Ivy League's New Startup Factory—The Tech Grad School Trying to Mint the Next Generation of Mark Zuckerbergs. *Insider*. February 20. URL: <http://www.businessinsider.com/inside-cornell-tech-ivy-leaguegraduate-school-for-tech-and-startups-2018-2>
- Kahn J. 2018. *Staffing Firm Adecco Buys General Assembly for \$412.5 Million*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-16/staffing-firm-adecco-buys-generalassembly-for-412-5-million>
- Kilgannon C. 2018. *Declare the Strand Bookstore a City Landmark? No Thanks, the Strand Says*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/03/nyregion/strand-bookstore-landmark.html?login=email&auth=login-email>
- Litvak E. 2018. Community Board 3 Approves Union Square Tech Center Proposal, Calls for Zoning Protections. *LoHo Realty*. February 28. URL: <http://www.thelodownny.com/leslog/2018/02/community-board-3-approves-union-square-tech-center-proposal-calls-for-zoning-protections.html>

- Lohr S. 2017. *As Coding Boot Camps Close, the Field Faces a Reality Check*. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/24/technology/coding-boot-camps-close.html>
- Marlin J. T. 2013. *NYC as a Potential #1 Global Tech Leader*. URL: <https://cityeconomist.blogspot.com/2013/07/nyc-as-potential-1-global-tech-leader.html>
- Massey D. 2011. *The Inside Story of Cornell's Tech Campus Win*. URL: <http://www.crainsnewyork.com/article/20111219/EDUCATION/111219897>
- Mayor Bloomberg and General Assembly Announce Opening of New Technology and Design Campus*. 2011. URL: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/026-11/mayor-bloomberggeneral-assembly-opening-new-technology-design-campus>
- Mayor Bloomberg Announces Initiative to Develop a New Engineering and Applied Sciences Research Campus to Bolster City's Innovation Economy*. 2010. December 16. URL: <https://www.nycedc.com/press-release/mayor-bloomberg-announces-initiative-develop-newengineering-and-applied-sciences>
- Mayor Bloomberg Announces Next Steps in City's Groundbreaking Economic Development Initiative Seeking a New or Expanded Applied Sciences Campus In New York City*. 2011. URL: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/387-11/mayor-bloomberg-next-steps-city-s-groundbreaking-economic-developmentinitiative>
- Mayor Bloomberg Announces Request for Proposals for New or Expanded Engineering and Applied Sciences Campus in New York City*. 2011. URL: <https://www.nycedc.com/press-release/mayor-bloomberg-announcesrequest-proposals-new-or-expanded-engineering-and-applied>
- Metz C. 2018a. A. I. Researchers Are Making More Than \$1 Million, Even at a Nonprofit. *The New York Times*. April 19. URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/19/technology/artificial-intelligence-salaries-openai.html>
- Metz C. 2018b. Facebook Adds A.I. Labs in Seattle and Pittsburgh, Pressuring Local Universities. *The New York Times*. May 4. URL: <https://www.nytimes.com/2018/05/04/technology/facebook-artificial-intelligence-researchers.html>
- Michael Crow Leaving Columbia to Become President of Arizona State University*. 2002. URL: <http://www.columbia.edu/cu/news/02/03/michaelCrow.html>
- Münch R. 2016. Academic Capitalism. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. URL: <http://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-15>
- Neuman W., Goodman J. D. 2017. *De Blasio's Plan to Create 100,000 Jobs: Find 40,000, and Keep Eyes Open*. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/nyregion/bill-de-blasio-job-creation-plan.html?module=inline>
- New York City Office of the Comptroller. 1999. *The NYC Software/IT Industry: How NYC Can Compete More Effectively in Information Technology*. URL: <http://www.cityeconomist.com/nyeconomybudget/nycsoftwareitjobs99.html> .

- NYC Tech Talent Pipeline. 2017. *Key Practices for Accelerated Tech Training: Attracting and Supporting a Broader Student Body and Improving Job Outcomes for All Graduates*. New York: NYC Small Business Services, n. d. [2017]. URL: <http://www.techtalentpipeline.nyc/key-practices>
- NYCEDC Announces Five Winners of Take the H.E.L.M., a Competition to Encourage Businesses to Hire and Expand in Lower Manhattan. 2013. URL: <https://www.nycedc.com/press-release/nycedc-announces-five-winners-take-helm-competition-encourage-businesses-hire-and>
- Pérez-Peña R. 2011a. Cornell Alumnus is Behind \$350 Million Gift to Build Science School in City. *The New York Times*. December 19. URL: https://www.nytimes.com/2011/12/20/nyregion/cornell-and-technion-israel-chosen-to-build-science-school-in-new-york-city.html?_r=2&emc=na
- Pérez-Peña R. 2011b. Alliance Formed Secretly to Win Deal for Campus. *The New York Times*. December 25. URL: <https://www.nytimes.com/2011/12/26/education/in-cornell-deal-for-roosevelt-island-campus-an-unlikely-partnership.html>
- Plitt A. 2018. Union Square Tech Hub Rezoning Gets Approval from City Council Subcommittee. *Curbed NY*. August 2. URL: <https://ny.curbed.com/2018/7/10/17555104/unionsquare-new-york-tech-training-rezoning-hearing>
- Popper B. 2011. Rumors: Stanford, Cornell and Technion Frontrunner for NYC Engineering Campus. *New York Observer*. July 15. URL: <https://observer.com/2011/07/rumorsstanford-cornell-and-technion-front-runner-for-nyc-engineering-campus/>
- Porter M. E., Schwab K. 2008. *The Global Competitiveness Report, 2008–2009*. Geneva: World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2008-09.pdf
- Press V. S. 2017. Israeli Data Startups Driving NY Ecosystem. *ISRAEL21c*. June 7. URL: <https://www.israel21c.org/israeli-data-startups-driving-nyecosystem>
- Reader R. 2018. WeWork is Quickly Expanding the Flatiron School with a New Location in Houston. *Fast Company*. March 4. URL: <https://www.fastcompany.com/40553714/wework-is-quickly-expanding-the-flatiron-school-with-a-new-location-in-houston>
- Schumer Ch. E., Bloomberg M. R. 2006. To Save New York, Learn From London. *Wall Street Journal*. November 1. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB116234404428809623>
- Schwab K. 2016. The Fourth Industrial Revolution: What It Means, How to Respond. *World Economic Forum*. January 14. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/>
- Senor D., Singer S. 2009. *Start-Up Nation. The Story of Israel's Economic Miracle*. New York: Twelve. См. также рус. перев.: Сенор Д., Сингер С. 2016. *Нация умных людей. История израильского экономического чуда*. М.: Карьера Пресс.
- Sherman G. 2010. The School That Ate New York. *New York*. November 12. URL: <http://nymag.com/news/features/69482>
- Slaughter S., Leslie L. L. 1997. *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Slaughter S., Rhoades G. 2004. *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Smith M. 2016. *Computer Science for All*. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/01/30/computer-science-all>
- State of the City Remarks by Mayor De Blasio, as Prepared for Delivery*. 2014. URL: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/045-14/state-the-city-remarks-mayorde-blasio-prepared-delivery#/0>
- Taylor K. 2018. *Elite Schools Make Few Offers to Black and Latino Students*. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/07/nyregion/admissions-specialized-high-schools-new-york.html?action=click&module=RelatedCoverage&pgtype=Article®ion=Footer>
- TCS and Cornell Tech Inaugurate the Tata Innovation Center, Partnership on Campus to Promote Joint Academic and Industry Research*. 2017. URL: <https://www.tcs.com/tcs-cornell-tech-inaugurate-tata-innovation-center>
- Timmons H. 2006. New York Isn't the World's Undisputed Financial Capital. *The New York Times*. October 27. URL: <https://www.nytimes.com/2006/10/27/business/worldbusiness/27london.html>
- Warerkar T. 2018a. Union Square's Tech Hub Gets Crucial Community Support. *Curbed NY*. February 9. URL: <https://ny.curbed.com/2018/2/9/16995130/union-squaretech-hub-community-board-verdict>
- Warerkar T. 2018b. Union Square Tech Hub Gets City Planning Approval. *Curbed NY*. June 27. URL: <https://ny.curbed.com/2018/6/27/17510050/union-square-tech-trainingcenter-city-planning-approval>
- Warerkar T. 2018c. Union Square's Tech Training Center Cleared to Move Forward by City Council. *Curbed NY*. August 9. URL: <https://ny.curbed.com/2018/8/9/17670574/union-square-tech-centercity-council-approval>

NEW TRANSLATIONS

Sharon Zukin

The Innovation Complex: Cities, Tech, and the New Economy (excerpt)

ZUKIN, Sharon —

Professor of Sociology at Brooklyn College and the City University of New York Graduate Center. Address: 365 Fifth Avenue New York, NY 10016 USA.

Email: zukin@brooklyn.cuny.edu

Translated into Russian by Inna Kushnareva.

Source: Zukin S. (2020) *The Innovation Complex. Cities, Tech, and the New Economy*, New York: Oxford University Press. 320 p.

City University. The last channel covers commercial program schools, such as the General Assembly and Flatiron School, where students pay large fees for 12-week intensive courses to be prepared for work in the technological industry. At the end of the chapter, the author discusses whether the combination of talent, meritocracy and academic capitalism will increase social inequality in the city.

Abstract

The Innovation Complex presents a broad history of changes occurring worldwide. Focusing on New York City, Sharon Zukin shows a development of a new innovative economy. Each chapter is a study of the production of a particular space with its own embodied cultural forms and economic norms. In these processes, the whole innovation complex, including buildings, districts, and the city acquires scale, form, and sense. To show the scale of the innovation complex and how it works at different levels, the chapters in the book progress from describing smaller spaces to larger ones.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the seventh chapter devoted to how educative channels aim to develop the principles of technical and financial meritocracy. The chapter starts at several private elite universities of New York—Cornell, Columbia, and New York University, which use their place within the innovation complex for promoting the institutional agenda of academic capitalism. Then, it considers "Channel for technical talents," the project for creating more inclusive technical labor force, which may involve lower qualified citizens of New York City, including graduates from the New York

Keywords: education; innovations; technology; city; academic capitalism; social inequality.

References

- A. G. Schneiderman Announces \$375,000 Settlement with Flatiron Computer Coding School for Operating without a License and for its Employment and Salary Claims. (2017) Available at: <https://ag.ny.gov/press-release/ag-schneiderman-announces-375000-settlement-flatiron-computer-coding-school-operating> (accessed 10 July 2018).
- Applied Sciences NYC. (2016) Available at: <https://www.nycedc.com/project/applied-sciences-nyc> (accessed 10 June 2018).
- Arensen K. W. (2008) *Some Trustees Challenge Polytechnic-NYU Merger*. Available at: <https://www.nytimes.com/2008/02/06/nyregion/06nyu.html> (accessed 12 June 2018).

- Association for Neighborhood and Housing Development (2016) *Tale of Two Techs*. Available at: <https://anhd.org/report/pay-gap-tells-tale-two-techs> (accessed 9 November 2018).
- Auletta K. (2012) *Annals of Higher Education: Get Rich U*. Available at: <https://www.newyorker.com/magazine/2012/04/30/get-rich-u> (accessed 6 July 2018).
- Brachman R. (2016) Why I Chose the Jacobs Institute at Cornell Tech. *Cornell Tech*. May 25. Available at: <https://tech.cornell.edu/news/why-i-chose-cornell-tech-and-jacobs> (accessed 19 June 2018).
- Brown N. (2018) *Union Square Tech Center Gets \$100,000 Grant from Microsoft*. Available at: <https://www.amny.com/news/tech-center-union-square-1.20226324> (accessed 4 November 2018).
- Brown N., Desai R. (2018) *Will Union Square Tech Center Usher in a Development Boom? Concerns Aired Before City Council Committee*. Available at: <https://www.amny.com/news/tech-center-union-square-1.19723924> (accessed 11 July 2018).
- Butcher D. (2017) I Gave Up a Burgeoning Pop Career to Become a J. P. Morgan Trader, Now I've Started a Fintech Firm, Available at: <https://news.efinancialcareers.com/us-en/272373/ex-pop-starlet-and-jpmorgan-trader-co-foundedfintech-startup-trigger-finance> (accessed 5 July 2018).
- Cao S. (2018) A. I. Buzz Is Causing a Tech Labor Shortage in Both Silicon Valley and New York. *Observer*. May 23. Available at: <http://observer.com/2018/05/artificial-intelligencebuzz-tech-labor-shortage/> (accessed 15 June 2018).
- Chavez P. (2015) *LinkedIn Economic Graph Research: Helping New Yorkers Connect With the Jobs of Tomorrow* [INFOGRAPHIC]. (2015) Available at: <https://blog.linkedin.com/2015/02/12/linkedin-economic-graph-research-helping-new-yorkers-connect-with-the-jobs-of-tomorrow-infographic> (accessed 22 February 2018).
- Clareman B. (2017) Inside the Mind of a New York VC: Frank Rimalovski of NYU Innovation Venture Fund. *AlleyWatch*. Available at: <http://www.alleywatch.com/2017/03/inside-mind-new-york-vc-frank-rimalovski/> (accessed 15 June 2018).
- Cometto M. T., Piol A. (2013) *Tech and the City: The Making of New York's Startup Community*, Mirandola: Mirandola Press.
- De Blasio Administration Announces New Initiative to Double the Number of Graduates With Tech bachelor's Degrees From CUNY Colleges by 2022. (2017) *The Official Website of the City of New York*. October 23. Available at: <https://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/677-17/de-blasio-administration-new-initiative-double-number-graduates-tech> (accessed 15 June 2018).
- Eggleston L. (2017a) Coding Bootcamp Market Size Study. *Course Report*. July 19. Available at: <https://www.coursereport.com/reports/2017-coding-bootcampmarket-size-research> (accessed 15 June 2018).
- Eggleston L. (2017b) Coding Boot Camp Alumni Outcomes and Demographics 2017. *Course Report*. December 19. Available at: <https://www.coursereport.com/reports/coding-bootcamp-job-placement-2017> (accessed 7 June 2018).
- Eisenpress C. (2017) Cornell Tech Starts Up. *Crain's New York Business*. June 4. Available at: <http://www.crainsnewyork.com/article/20170604/TECHNOLOGY/170609965> (accessed 15 June 2018).

- Eisenpress L. (2018) *Cornell Tech Starts Up*. Available at: https://www.crunchbase.com/funding_round/nanit-series-b--438ddc70#section-investors (accessed 6 July 2018).
- Employment Statistics: Technical Programs (2015–2017)*. Available at: <https://tech.cornell.edu/career-management/employment-statistics-technical-programs/> (accessed 7 July 2018).
- Gardiner A. (2017) Union Square by the Numbers. *WATCH: A Number-by-Number Breakdown of Union Square—NYC’s ‘Silicon Alley.’* Available at: <https://therealdeal.com/2017/06/07/watch-a-number-by-number-breakdown-of-union-square-nycs-silicon-alley/> (accessed 20 July 2018).
- Goodman L. (2011) Ace Hotel’s Communal Workspace Shows a Winning Hand. *Fast Company*. August 8. Available at: <https://www.fastcompany.com/1768472/ace-hotels-communal-workspace-showswinning-hand> (accessed 11 July 2018).
- Greg D. (2018) *Union Square Tech Hubs Pit the Neighborhood against a Crucial City Priority*. Available at: <http://www.craigslist.com/article/20180716/BLOGS01/180719956/union-square-tech-hubs-pit-neighborhood-against-a-crucial-city> (accessed 17 July 2018).
- Handwerker H. 2017. New York’s ‘Silicon Alley’ Gets an Israeli Makeover. *HAARETZ*. February 24. Available at: <https://www.haaretz.com/israel-news/business/.premium-new-york-s-silicon-alley-gets-an-israeli-makeover-1.5441628> (accessed 15 June 2018).
- Harris E. A. (2018) *De Blasio Proposes Changes to New York’s Elite High Schools*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/06/02/nyregion/de-blasio-new-york-schools.html> (accessed 2 June 2018).
- Harris E. A., Hu W. (2018) Asian Groups See Bias in Plan to Diversify New York’s Elite Schools, Available at: <https://www.nytimes.com/2018/06/05/nyregion/carranza-specialized-schools-admission-asians.html> (accessed 10 July 2018).
- Harrison J. (2018) Inside the Ivy League’s New Startup Factory—The Tech Grad School Trying to Mint the Next Generation of Mark Zuckerbergs. *Insider*. February 20. Available at: <http://www.businessinsider.com/inside-cornell-tech-ivy-leaguegraduate-school-for-tech-and-startups-2018-2> (accessed 15 June 2018).
- Kahn J. (2018) *Staffing Firm Adecco Buys General Assembly for \$412.5 Million*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-04-16/staffing-firm-adecco-buys-generalassembly-for-412-5-million> (accessed 11 July 2018).
- Kilgannon C. (2018) *Declare the Strand Bookstore a City Landmark? No Thanks, the Strand Says*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/12/03/nyregion/strand-bookstore-landmark.html?login=email&auth=login-email> (accessed 26 January 2019).
- Litvak E. (2018) Community Board 3 Approves Union Square Tech Center Proposal, Calls for Zoning Protections. *LoHo Realty*. February 28. Available at: <http://www.thelodownny.com/leslog/2018/02/community-board-3-approves-union-square-tech-center-proposal-calls-for-zoning-protections.html> (accessed 11 July 2018).
- Lohr S. (2017) *As Coding Boot Camps Close, the Field Faces a Reality Check*. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/08/24/technology/coding-boot-camps-close.html> (accessed 20 July 2018).

- Marlin J. T. (2013) *NYC as a Potential #1 Global Tech Leader*. Available at: <https://cityeconomist.blogspot.com/2013/07/nyc-as-potential-1-global-tech-leader.html> (accessed 12 June 2018).
- Massey D. (2011) *The Inside Story of Cornell's Tech Campus Win*. Available at: <http://www.crainsnewyork.com/article/20111219/EDUCATION/111219897> (accessed 15 June 2018).
- Mayor Bloomberg and General Assembly Announce Opening of New Technology and Design Campus*. (2011) Available at: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/026-11/mayor-bloombergeneral-assembly-opening-new-technology-design-campus> (accessed 10 June 2018).
- Mayor Bloomberg Announces Initiative to Develop a New Engineering and Applied Sciences Research Campus to Bolster City's Innovation Economy*. (2010) December 16. Available at: <https://www.nycedc.com/press-release/mayor-bloomberg-announces-initiative-develop-newengineering-and-applied-sciences> (accessed 10 June 2018).
- Mayor Bloomberg Announces Next Steps in City's Groundbreaking Economic Development Initiative Seeking a New or Expanded Applied Sciences Campus in New York City*. (2011) Available at: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/387-11/mayor-bloomberg-next-steps-city-s-groundbreaking-economic-developmentinitiative> (accessed on 15 June 2018).
- Mayor Bloomberg Announces Request for Proposals for New or Expanded Engineering and Applied Sciences Campus in New York City*. (2011) Available at: <https://www.nycedc.com/press-release/mayor-bloomberg-announcesrequest-proposals-new-or-expanded-engineering-and-applied> (accessed on 15 June 2018).
- Metz C. (2018a) A. I. Researchers Are Making More Than \$1 Million, Even at a Nonprofit. *The New York Times*. April 19. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/04/19/technology/artificial-intelligence-salaries-openai.html> (accessed 15 June 2018).
- Metz C. (2018b) Facebook Adds A. I. Labs in Seattle and Pittsburgh, Pressuring Local Universities. *The New York Times*. May 4. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/05/04/technology/facebook-artificial-intelligence-researchers.html> (accessed 5 May 2018).
- Michael Crow Leaving Columbia to Become President of Arizona State University*. (2002) Available at: <http://www.columbia.edu/cu/news/02/03/michaelCrow.html> (accessed 12 June 2018).
- Münch R. (2016) Academic Capitalism. *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Available at: <http://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-15> (accessed 20 January 2019).
- Neuman W., Goodman J. D. (2017) *De Blasio's Plan to Create 100,000 Jobs: Find 40,000, and Keep Eyes Open*. Available at: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/nyregion/bill-de-blasio-job-creation-plan.html?module=inline> (accessed 18 March 2019).
- New York City Office of the Comptroller. (1999) *The NYC Software/IT Industry: How NYC Can Compete More Effectively in Information Technology*. Available at: <http://www.cityeconomist.com/nyeconomybudget/nycsoftwareitjobs99.htm> (accessed 12 June 2018).
- NYC Tech Talent Pipeline (2017) *Key Practices for Accelerated Tech Training: Attracting and Supporting a Broader Student Body and Improving Job Outcomes for All Graduates*, New York: NYC Small Business

- Services, n. d. [2017]. Available at: <http://www.techtalentpipeline.nyc/key-practices> (accessed 10 June 2018).
- NYCEDC Announces Five Winners of Take the H.E.L.M., a Competition to Encourage Businesses to Hire and Expand in Lower Manhattan. (2013) Available at: <https://www.nycedc.com/press-release/nycedc-announce-five-winners-take-helm-competition-encourage-businesses-hire-and-expand-in-lower-manhattan> (accessed 14 November 2018).
- Pérez-Peña R. (2011a) Cornell Alumnus Is Behind \$350 Million Gift to Build Science School in City. *The New York Times*. December 19. Available at: https://www.nytimes.com/2011/12/20/nyregion/cornell-and-technion-israel-chosen-to-build-science-school-in-new-york-city.html?_r=2&emc=na (accessed 15 June 2018).
- Pérez-Peña R. (2011b) Alliance Formed Secretly to Win Deal for Campus. *The New York Times*. December 25. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/12/26/education/in-cornell-deal-for-roosevelt-island-campus-an-unlikely-partnership.html> (accessed 8 August 2016).
- Plitt A. (2018) Union Square Tech Hub Rezoning Gets Approval from City Council Subcommittee. *Curbed NY*. August 2. Available at: <https://ny.curbed.com/2018/7/10/17555104/unionsquare-new-york-tech-training-rezoning-hearing> (accessed 23 January 2018).
- Popper B. (2011) Rumors: Stanford, Cornell and Technion Frontrunner for NYC Engineering Campus. *New York Observer*. July 15. Available at: <https://observer.com/2011/07/rumorsstanford-cornell-and-technion-front-runner-for-nyc-engineering-campus/> (accessed 15 June 2018).
- Porter M. E., Schwab K. (2008) *The Global Competitiveness Report, 2008–2009*, Geneva: World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2008-09.pdf (accessed 10 June 2018).
- Press S. V. (2017) Israeli Data Startups Driving NY Ecosystem. *ISRAEL21c*. June 7. Available at: <https://www.israel21c.org/israeli-data-startups-driving-nyecosystem> (accessed 17 June 2018).
- Reader R. (2018) WeWork is Quickly Expanding the Flatiron School with a New Location in Houston. *Fast Company*. March 4. Available at: <https://www.fastcompany.com/40553714/wework-is-quickly-expanding-the-flatiron-school-with-a-new-location-in-houston> (accessed 11 July 2018).
- Schumer Ch. E., Bloomberg M. R. (2006) To Save New York, Learn From London. *Wall Street Journal*. November 1. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB116234404428809623> (accessed 19 March 2019).
- Schwab K. (2016) The Fourth Industrial Revolution: What It Means, How to Respond. *World Economic Forum*. January 14. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (accessed 11 July 2018).
- Senor D., Singer S. (2009) *Start-Up Nation. The Story of Israel's Economic Miracle*, New York: Twelve.
- Sherman G. (2010) The School That Ate New York. Available at: <http://nymag.com/news/features/69482/> (accessed 10 April 2018).
- Slaughter S., Leslie L. L. (1997) *Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Slaughter S., Rhoades G. (2004) *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Smith M. (2016) *Computer Science for All*. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/01/30/computer-science-all> (accessed 10 July 2018).

State of the City Remarks by Mayor De Blasio, as Prepared for Delivery. (2014) Available at: <http://www1.nyc.gov/office-of-the-mayor/news/045-14/state-the-city-remarks-mayorde-blasio-prepared-delivery#/0> (accessed 22 February 2018).

Taylor K. (2018) *Elite Schools Make Few Offers to Black and Latino Students*. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/07/nyregion/admissions-specialized-high-schools-new-york.html?action=click&module=RelatedCoverage&pgtype=Article®ion=Footer> (accessed 7 March 2018).

TCS and Cornell Tech Inaugurate the Tata Innovation Center, Partnership on Campus to Promote Joint Academic and Industry Research. 2017. Available at: <https://www.tcs.com/tcs-cornell-tech-inaugurate-tata-innovation-center> (accessed 5 July 2018).

Timmons H. (2006) New York Isn't the World's Undisputed Financial Capital. *The New York Times*. October 27. Available at: <https://www.nytimes.com/2006/10/27/business/worldbusiness/27london.html> (accessed 17 March 2019).

Warerkar T. (2018a) Union Square's Tech Hub Gets Crucial Community Support. *Curbed NY*. February 9. Available at: <https://ny.curbed.com/2018/2/9/16995130/union-squaretech-hub-community-board-verdict> (accessed 13 July 2018).

Warerkar T. (2018b) Union Square Tech Hub Gets City Planning Approval. *Curbed NY*. June 27. Available at: <https://ny.curbed.com/2018/6/27/17510050/union-square-tech-trainingcenter-city-planning-approval> (accessed 28 June 2018).

Warerkar T. (2018c). Union Square's Tech Training Center Cleared to Move Forward by City Council. *Curbed NY*. August 9. Available at: <https://ny.curbed.com/2018/8/9/17670574/union-square-tech-centercity-council-approval> (accessed 23 January 2019).

Received: March 5, 2022

Citation: Zukin S. (2022) Innovatsionnyy kompleks: goroda, tekhnologii i novaya ekonomika [The Innovation Complex: Cities, Tech, and the New Economy (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 37–72. doi: 10.17323/1726-3247-2022-4-37-72 (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

А. В. Семёнов, А. И. Гилёва

Российские инструменты городского планирования в перспективе социологического институционализма¹

СЕМЁНОВ Андрей Владимирович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email: andrejsemenov@comparativestudies.ru

В настоящей статье мы исследуем роль градостроительных инструментов в упорядочении взаимодействий между ключевыми участниками градостроительной политики — горожанами, застройщиками, властью и экспертами. Используя теоретическую рамку социологического институционализма и опираясь на материалы 39 интервью в четырёх крупных российских городах (Екатеринбург, Новосибирск, Пермь и Тюмень), мы рассматриваем проявления «логики уместности» (logic of appropriateness) в интерпретации формальных инструментов городского планирования (генеральный план, правила землепользования и застройки, общественные слушания). Показано, что следование формальным предписаниям планировочного процесса основывается лишь на их юридически закреплённом статусе, а не на встроенности в более широкие нормативно-ценностные порядки. Изменчивость этих правил, таким образом, определяется не только общим дисбалансом сил между сторонами градостроительной политики, но и отсутствием широкого консенсуса по поводу значимости этих инструментов. В то же время мы фиксируем, что если генплан выступает однозначным объектом критики, то инструменты более низкого уровня могут быть предметом локального консенсуса. Иными словами, проблема «следования правилам» в процессе городского планирования имеет явное социологическое измерение, а дефицит ценностных оснований у формальных инструментов создаёт широкие возможности для их использования в частных, а не общественных интересах.

Ключевые слова: градостроительная политика; городская политика; социологический институционализм; городское планирование; публичные блага; городские конфликты.

¹ Исследование выполнено в рамках работы по гранту Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Часть материалов для настоящего исследования была собрана в рамках проекта «Shifting Paradigms» («Меняющиеся парадигмы»; см. сайт проекта: <https://leibniz-ifl.de/forschung/projekt/paradigmenwechsel-in-der-stadtplanung-tripar-paradigms>), поддержанного Фондом Фольксвагена. Авторы благодарны коллегам по проекту за помощь в сборе материала, участникам исследовательского семинара по городской политике в Центре сравнительных исторических и политических исследований (ЦСИПИ) (сентябрь 2021 г.), а также анонимным рецензентам и редакции журнала «Экономическая социология» за ценные советы и рекомендации по тексту.

ГИЛЁВА Алёна Игоревна — магистр международных отношений, младший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 190005, Россия, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email: alénagileva@outlook.com

Управление пространственным развитием современных городов требует согласования интересов множества групп и лиц, притязания которых могут быть диаметрально противоположными [Rydin 2021]. Для координации предпочтений и разрешения неизбежных конфликтов используются разнообразные институты и инструменты — от стратегического планирования до локальных общественных слушаний по поводу конкретных проектов застройки [Healey 2006]. Однако противоречия между общественными и частными интересами (в том числе в части реализации прав собственности), а также приоритетами общегородского развития и потребностями территориальных сообществ приводят к постоянному напряжению в области правил планирования [Webster, Lai 2003; Needham 2006].

В российских городах инструменты городского планирования подвержены частым изменениям, что связано в первую очередь с рыночными трансформациями [Golubchikov 2004; Hirt, Stanilov 2009], результатом которых стал серьёзный дисбаланс в распределении ресурсов и власти между, с одной стороны, застройщиками и муниципальной бюрократией и, с другой, горожанами [Тыканова, Хохлова 2014; Шевцова, Бедерсон 2017; Пустовойт 2019]. Этот дисбаланс позволяет ресурсным группам использовать в своих интересах генеральные планы [Stanilov 2007; Hirt, Stanilov 2009] и общественные слушания [Шаталова, Тыканова 2018], а его следствием становятся изменчивость ключевых правил игры [Волкова 2021] и частые городские конфликты [Семёнов, Минаева 2021].

Представление о том, что существующие правила игры являются производной от распределения власти *de facto* — одно из ключевых положений институционализма рационального выбора [Acemoglu, Robinson 2006; Repinsky 2014]. В этой перспективе инструменты городского планирования, призванные сгладить ресурсную и информационную асимметрию между горожанами и влиятельными альянсами, на практике лишь закрепляют таковую, поскольку у первых нет стимулов и (или) ресурсов для коллективных действий, которые принудили бы другую сторону соблюдать формальные обязательства [Семёнов, Шевцова, Бедерсон 2018; Тыканова, Хохлова 2015]. В данной статье, используя теоретическую рамку социологического институционализма, мы дополняем этот анализ тезисом о том, что существующие инструменты планирования не укоренены в нормативно-ценностных системах ключевых сторон, а это делает их уязвимыми перед лицом нарушений и частых изменений.

С помощью категории «логики уместности», ключевого понятия социологического институционализма, которое связывает соблюдение правил с их встроенностью в рутины и нормативно-ценностные порядки, мы анализируем 39 интервью с активными горожанами, экспертами, представителями публичной власти и застройщиков. Информанты набирались в четырёх крупных российских городах (Екатеринбург, Новосибирск, Пермь и Тюмень), они в ходе полуформализованных интервью рассказывали о своём опыте работы с инструментами планирования. Анализ интервью демонстрирует, что основным обоснованием следования нормам генплана является его формально-юридический статус, а не ценность его как документа

стратегического планирования. Правила землепользования и застройки и общественные слушания также в основном обсуждаются в инструментальной логике продвижения собственных интересов, однако их оценки среди информантов более дифференцированы и включают отсылки к их ценности как инструментов достижения локального консенсуса в области градостроительства. В целом статья вносит вклад в социологическую дискуссию о том, почему соблюдаются или не соблюдаются те или иные формальные правила игры, а также в дебаты о социологическом измерении градостроительной деятельности и городских конфликтов.

Городское планирование в перспективе социологического институционализма

Управление пространственным развитием современных городов — предмет обширных академических дебатов [Le Gales 2002; Healey 2006; Pierre 2011; Cruz, Rode, McQuarrie 2019], одними из ключевых вопросов которых остаются организация процесса городского планирования (*urban planning*), роль формальных институтов и инструментов в нём, а также соотношение рыночных и бюрократических механизмов регулирования градостроительной политики (см.: [Adams, Tiesdell 2010; Sager 2011; Davidson et al. 2019]). Городское планирование — лишь часть градостроительной политики (*urban development*), осуществляемой государством для целенаправленного распределения редких ресурсов, прежде всего городской земли [Adams 2012]. Процесс городского планирования включает множественные сети акторов, институтов и инструментов [Pierre 2011; Adams, Tiesdell 2012; Rydin 2021]. Таким образом, координация и поддержание порядка в этой сфере представляется проблемой, сравнимой с другими комплексными системами управления «общими ресурсами» [Остром 2011].

Центральным вопросом настоящего исследования является роль *инструментов планирования*, то есть законодательно установленных предписаний, задающих последовательность действий, а также возможности и ограничения на таковые в области пространственного развития города, в упорядочении отношений между ключевыми сторонами градостроительной политики — горожанами, публичной властью, застройщиками и специалистами в области планирования. Классическая «правительственная» модель процесса городского планирования определяет его как рациональный, всеобъемлющий и основанный на фактах бюрократический процесс. Тем самым формальные инструменты полагаются центральными в градостроительном процессе [Rydin 2021: Ch. 2]. Эта модель, однако, не учитывает целый ряд альтернативных концептуализаций [Rydin 2021: 194], равно как и не находит подтверждения в эмпирических исследованиях [Tajima, Fischer 2013; Zhou et al. 2017].

Мы рассматриваем отклонение планировочного процесса от идеальной модели через призму социологического институционализма, ключевой особенностью которого является представление об институтах как об организационных механизмах (*organisational arrangements*), встроенных в нормативные и ценностные системы [March, Olsen 1989]. Такое понимание институтов позволяет концептуализировать их относительную каузальную автономию как от контекста (например, от классовых отношений или распределения ресурсов), так и от индивидуализированного выбора, основанного на функции максимизации полезности. Социологический институционализм подразумевает, что наблюдаемый (относительный) порядок — результат следования правилам. «Институты, — отмечают Джеймс Марч и Йохан Олсен, — включают определённый набор процедур и используют правила, чтобы выбирать между ними. Правила могут быть установлены и обеспечены прямым принуждением и политической или организационной властью либо являются частью кодекса “правильного поведения” (*appropriate behavior*), которое интернализируется социализацией или обучением» [March, Olsen 1989: 21–22].

«Логика уместности» (*logic of appropriateness*) руководит действиями индивидов и организаций не в меньшей степени, чем «логика результативности» (*logic of consequentiality*), характерная для рациональных агентов. Эта последняя подразумевает, что предпочтения и идентичность акторов фиксиро-

ваны, а курс действий определяется на основе вычисления ожидаемой полезности от альтернативных вариантов, поэтому следование правилам происходит, если это приносит выгоду. Однако в сложных и неопределённых ситуациях подсчёт выгод и издержек затруднён, и социальные агенты вынуждены полагаться на другие механизмы принятия решений, в том числе на логику уместности. Говоря словами Марча и Олсена, «правилам следуют, поскольку они полагаются естественными, законными, ожидаемыми и легитимными. Акторы преследуют цель исполнения своих обязательств, заключённых в роли, идентичности, членстве в определённом сообществе или группе, а также этосе, практиках и ожиданиях последних» [March, Olsen 2008: 689]. Определяя ситуацию и свою роль в ней, коллективные и индивидуальные акторы формируют курс действий, избегая затратных калькуляций издержек и выгод с учётом стратегий других контрагентов и изменений окружающей среды.

Перспектива социологического институционализма, таким образом, в аналитическом плане обращает внимание на то, каким образом поведение тех или иных акторов отражает специфические нормативные и (или) ценностные порядки; иными словами каков курс действий и почему он представляется уместным в той или иной ролевой ситуации. Эмпирически эти отсылки фиксируются как через прямые отсылки к этим порядкам с помощью соответствующего словаря, так и через апелляцию к ролевым моделям (например, используя фразы вроде следующей: «как активист (чиновник, архитектор) я хотел(-а) бы отметить...»). Логика результативности, в свою очередь, эмпирически проявляется в отсылках к подсчёту выгод и издержек и утилитарному отношению к правилам.

Таким образом, градостроительная политика с точки зрения перспективы социологического институционализма, с одной стороны, представляется набором («репертуаром») правил, рутин и процедур, источником которых выступают концепты, знание и культурные образцы, разделяемые определённой группой. Исследователи, работающие в этой традиции, обращают внимание на то, как определённые градостроительные идеи и (или) дискурсы встраиваются в конкретные практики и рутины [Murdoch, Abram 2002; Hillier 2002; Jensen, Richardson 2004], каким образом происходят изменения в городском планировании под воздействием мобилизации новых акторов [González, Healey 2005] и насколько институты оказываются «репозиториями» готовых решений в области планирования [Gualini 2001; Taylor 2013]. С другой стороны, градостроительная политика может быть источником удовлетворения частных или групповых интересов, а её правила — поощрять или отграничивать действия отдельных групп.

В соответствии с этой перспективой мы рассматриваем ключевые инструменты городского планирования и как формальные предписания, определяющие выгоды и издержки от того или иного курса действий, и как механизмы, организующие повседневную деятельность ключевых акторов, которые подлежат интерпретации и адаптации с учётом преобладающих в конкретной группе концептуальных основ градостроительной деятельности. Нас интересует, как эти инструменты интерпретируются группами активных горожан, застройщиками, публичной властью и экспертами, какие ценности и ролевые позиции проявляются в рассуждениях об этих инструментах, а также как инструменты воспринимаются с точки зрения максимизации полезности тех или иных групп интересов. В следующем разделе мы подробнее остановимся на методологии анализа и данных.

Методология анализа и данные

Поскольку социологический институционализм работает в первую очередь с интерпретацией существующих правил, основным инструментом в данном исследовании выступили полуформализованные интервью с активными горожанами, представителями застройщиков и власти, экспертами в области городского планирования. В планировочном процессе представители именно этих категорий выступают заинтересованными сторонами. Опросный инструмент содержал несколько блоков, касающихся

оценки градостроительной политики в городе в целом, отдельных планировочных инструментов, а также градостроительных конфликтов. Отдельный блок был посвящён нормативным основаниям планировочного процесса (как он должен выглядеть в идеале и на каких принципах должен строиться) и их сравнению с актуальным положением дел.

Интервью проводились в четырёх городах (Екатеринбург, Новосибирск, Пермь и Тюмень), которые обладают схожими структурными характеристиками и проблемами: эти города активно застраиваются в постсоветский период и, как следствие, сталкиваются с дефицитом земли под застройку и практиками обхода существующих правил в интересах отдельных девелоперов; имеют типичные для постсоветских городов проблемы (ветхое жилье, промышленные зоны в городской черте, дефицит парков и общественных мест и ветшающая городская инфраструктура). В то же время эти города отличаются по плотности населения, годовому бюджету, а также по роли застройщиков в городской политике. В таблице 1 представлены основные характеристики городов исследования.

Таблица 1

Основные характеристики городов сравнения

Характеристики городов	Тюмень	Пермь	Екатеринбург	Новосибирск
Население, тыс. чел. (2021)	817	1049	1495	1620
Плотность, чел./км ²	1170,06	1312,02	3192,59	3204,31
Площадь, км ²	698	799,68	493	502,7
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ² (2019)	29,9	24,6	25,7	26,2
Бюджет города, млн руб. (2019)	25 287,7	28 088,8	48 120	46 632,9
Присутствие застройщиков в городской ассамблее текущего созыва	3 из 36 (8%)	6 из 36 (17%)	7 из 36 (19%)	16 из 50 (32%)
Выборы главы города	Конкурсная комиссия	Конкурсная комиссия	Конкурсная комиссия	Прямые выборы
Рейтинг качества жизни (Урбаника–2018)	69,5	63,9	62,2	59,4

Источники: Росстат; официальные сайты муниципалитетов и городских советов; рейтинг качества жизни компании «Урбаника».

При выборе городов в нашу задачу не входило создание репрезентативной выборки или подбор случаев с наиболее близкими характеристиками. Изначально отбор происходил в силу территориальной близости Екатеринбурга, Тюмени и Перми; позже был добавлен Новосибирск как случай, который отличается по политическим характеристикам (наличие прямых выборов мэра и сильное представительство застройщиков в городском совете). Таким образом, наш анализ в большей степени актуален для крупных и активно застраивающихся российских городов.

Отбор информантов в городах проводился в два этапа. На первом этапе на основе открытых источников по каждой из категорий составлялись списки потенциальных участников. После установления контакта по принципу «снежного кома» мы спрашивали о рекомендациях, в результате чего изначальные списки частично обновлялись. В итоговый список вошли приблизительно 200 информантов, из которых согласился на встречу 51 человек, и были проведены 39 полуформализованных интервью. Общий хронометраж материала составил 72 часа с медианным значением 46 минут. В таблице 2 показано распределение наших информантов по основным категориям между городами.

Таблица 2

Распределение информантов по категориям и городам

Категория информантов	Тюмень	Пермь	Екатеринбург	Новосибирск	Всего
Городские активисты	4	1	5	5	24
Власть	0	4	2	1	7
Застройщики	1	2	1	0	4
Планировщики	2	5	2	4	13
Всего	7	12	10	10	39

Как и в случае с выбором городов, выборка информантов не репрезентативна по отношению к соответствующим генеральным совокупностям. Представители власти и застройщиков в некоторых городах недопредставлены или вовсе отсутствуют: именно они чаще всего отказывались от интервью. Преобладание городских активистов и планировщиков объясняется в первую очередь их большей готовностью идти на контакт.

Также необходимо отметить, что границы между некоторыми категориями условны: к примеру, часть специалистов по городскому планированию имеет опыт работы в органах власти, более того, некоторые из них интенсивно взаимодействуют с активными горожанами, поэтому интервью с ними отражают опыт пребывания сразу в нескольких ролях. Прежде всего, мы опирались на опыт самопрезентации информантов, и, если они предпочитали называть себя, например, «активистами», мы записывали их в эту категорию. Тем не менее во многом в соответствии с нашей теоретической перспективой сами информанты нередко «переключались» между ролями во время интервью, демонстрируя, что их интерпретация правил во многом была привязана к ролевой позиции.

Данные интервью были транскрибированы и проанализированы в системе коллаборативного качественного анализа текстов Thinkmate. В первую очередь кодировались фрагменты интервью по поводу трёх основных планировочных инструментов — генерального плана города, правил землепользования и застройки (ПЗЗ) и общественных слушаний. Нас интересовали как примеры функционирования этих инструментов (или их дисфункции), так и общий контекст их упоминания (критический или позитивный), что позволило эксплицировать нормативные системы, лежащие в основе интерпретации тех или иных инструментов нашими информантами.

Отдельно стоит обсудить, почему именно генпланы, ПЗЗ и общественные слушания стали предметом нашего основного анализа. Российская градостроительная и планировочная политика является причудливым сочетанием централизованных (советских) и рыночных инструментов управления пространственным развитием. Принятый в 2004 г. Градостроительный кодекс задаёт общую нормативную рамку градостроительной деятельности с обязательными элементами в виде генеральных планов, правил землепользования и застройки (ПЗЗ) и общественных слушаний [Hirt, Stanilov 2009]. При этом институт генерального планирования является наследием советской модели, тогда как концепт зонирования был заимствован из американской практики и до 2004 г. применялся лишь в отдельных городах [Golubchikov 2004]. Конкретная институциональная основа, а также содержательная и процедурная стороны градостроительной политики определяются субнациональным уровнем власти.

Генеральный план является стратегическим документом, задающим основные направления территориального развития муниципалитета. На его основе разрабатываются ПЗЗ, которые конкретизируют содержание генплана и задают предельные параметры застройки (например, плотность и этажность), а также регулируют объём прав собственности в отношении конкретных земельных участков. В стандартной процедуре на основе генплана и ПЗЗ застройщик разрабатывает проект планировки терри-

тории (ППТ), который утверждается в городской администрации (этот процесс может отличаться в различных муниципалитетах). Градкодекс предусматривает, что изменения в генплан и ПЗЗ должны сопровождаться общественным обсуждением или публичными слушаниями (см. ст. 5.1: [Градостроительный кодекс... 2004]). Кроме того, обсуждению подлежат проекты, так или иначе затрагивающие интересы жителей. Результаты обсуждений и слушаний носят рекомендательный характер, однако на предложения участников организаторы (как правило, органы исполнительной власти муниципалитета) должны дать аргументированный ответ.

В целом инструменты российской градостроительной политики благоприятствуют продвижению интересов застройщиков: лоббистский потенциал и возможности обходить существующие ограничения (в первую очередь в части предельных параметров застройки), а также доступ к правовой и технической экспертизе создают условия для доминирования этой группы в градостроительном процессе [Кольба, Кольба 2020; Tykanova, Khohlova 2020]. Тем не менее эти же инструменты могут быть использованы горожанами для защиты своих интересов, например для закрепления того или иного функционального статуса территории или оспаривания проектов планировки территории, нарушающих нормы и процедурные требования градостроительного процесса [Семёнов, Минаева 2021].

«Логика уместности» и планировочные инструменты

Как с точки зрения «логики уместности» выглядят планировочные инструменты в крупных российских городах? Генеральный план, безусловно, занимает центральное место в рассуждениях наших информантов, чьи мнения относительно нормативной ценности этого документа разделились: активисты и часть экспертов считают его пустой формальностью, тогда как эксперты, близкие к разработке градостроительной документации, и представители власти — необходимостью. Один из наших информантов, депутат городской Думы, прямо заявляет:

Всё, что связано с градостроительством — это генплан (П 1, депутат)².

Представитель исполнительной власти того же города утверждает, что в рамках генплана «процедура любых градостроительных действия достаточно хорошо прописана и предполагает учёт различных мнений [в первую очередь интересов горожан]» (П 5, чиновник). Однако обоснования следованию генплану в этой категории информантов ограничиваются ссылками на закон, то есть «уместность» здесь устанавливается через отсылку к формальным предписаниям.

Ключевыми проблемами исполнения генерального плана для власти и части экспертов являются его нереалистичность вместе с ограниченными возможностями муниципалитета, а также плохое качество имплементации (П 1, депутат; Е 5, депутат). Один из экспертов, бывший главный архитектор города, указывая, что в генплане невозможно учесть быстро меняющийся контекст развития городов, критикует формальное следование документу:

Мы тупо исполняем генплан, не видя, что творится вокруг, имея или не имея средства, и прочее и прочее — это очень опасно (П 3, архитектор).

С точки зрения этого респондента, принимать планировочные решения исходя из документа, который быстро устаревает и не соответствует потребностям и возможностям города, губительно для городского развития, из чего следует, что нарушать нормы актуального генерального плана — необходимость.

² См. таблицу с перечнем интервью и основными характеристиками респондентов в приложении (табл. П.1).

Похожим образом рассуждает депутат городского совета, имеющий большой опыт участия в градостроительных конфликтах. Он свидетельствует, что для исполнения генплана важны в первую очередь бюджетные ограничения. Возможности муниципалитета развивать необходимую инфраструктуру (например, в части расселения ветхого жилья или строительства объектов здравоохранения и образования) даже у крупных городов ограничены, что неизбежно идёт вразрез с генеральным планом. Вместе с тем данный респондент отмечает, что «все эти инструменты [генплан, ПЗЗ], они абсолютно рабочие» (Е 4, депутат), существует практика изменений в эти документы в интересах застройщиков, но в подавляющем большинстве случаев эти документы действительно служат основой градостроительной политики.

Активисты и близкие к ним эксперты, в свою очередь, практически единогласно говорят о формальности института генерального планирования, исполнение которого зависит исключительно от интересов власти и застройщиков. Один из активистов так характеризует значимость генплана:

Реально городская система отстроена так, что генплан — это просто некий документ, видимо, для того, чтобы там — условно — когда федералы начинают наезжать, мы им там покажем, что у нас есть генеральный план: вот, у нас всё правильно, всё по закону (Е 2, активист).

Активисты в других городах подтверждают расхождение между нормативной значимостью генпланов и реальной практикой застройки. Один из наших информантов утверждает:

Генплан — не догма, но базовые вещи, которые из этого документа выкинуть нельзя, соблюдать должны безусловно... (Т 1, активист).

Однако, с точки зрения того же активиста, для власти и застройщиков «это не план, это просто то, что определяет победителя на сегодняшний день» (Т 1, активист).

Таким образом, активисты формулируют основания «логики уместности» в схожих с властью терминах соответствия законодательству, но в их рассуждениях гораздо большее место занимает рутинный характер нарушений в интересах политико-экономических игроков.

Ключевой проблемой исполнения генерального плана, по мнению активистов, является реализация интересов застройщиков и власти. Приводя пример с городским конфликтом вокруг строительства кампуса крупного университета в городском логу, один из активистов, отвечая на вопрос об изменениях в генплане, говорит:

Его переписывают часто, как это было и с логом. Была зелёная территория, захотели — поменяли (Т 6, активист).

Другие наши информанты из этой категории без труда приводят примеры конфликтов, где генеральный план менялся в пользу застройщиков. Помимо дисбаланса сил между горожанами, с одной стороны, и застройщиками и властью — с другой, активисты и близкие к ним эксперты отмечают объём и техническую сложность документа, в результате чего горожане не могут осуществлять эффективный мониторинг исполнения и призывать к ответу нарушителей генерального плана. В то же время некоторые активисты признают, что документ может серьёзно отставать от темпов городского развития: по словам одного из информантов, «чем давнее был принят генплан, тем сильнее реальная ситуация начинает от него отличаться» (Е 3, активист). Приоритеты, заложенные в генплан, таким образом, должны меняться со временем (Т 3, активист).

Для большинства специалистов в области планирования в нашей выборке генплан — это дань советской традиции, зачастую не имеющая отношение к реальной градостроительной деятельности. Ни один из опрошенных нами информантов в этой категории не выступил однозначно за реализацию генерального плана, более того, его нормативная ценность (хотя бы как стратегического документа градостроительной деятельности) не вербализовалась, в основном звучала критика. Сразу несколько информантов отметили, что ключевые показатели, которые лежат в основе генерального планирования (численность населения, обеспеченность автомобилями, потребности в социальной инфраструктуре), стремительно менялись последние два десятилетия, поэтому стратегические документы, принятые в середине 2000-х гг., на момент исследования потеряли свою актуальность.

Экспертка с опытом работы в градостроительных органах муниципалитета на примере своего города свидетельствует, что в последние годы изменения в генплан вносились настолько часто, что «он потерял как документ какой-то вообще смысл» (Т 2, архитектор). Ещё один архитектор также с опытом управленческой деятельности в градостроительной сфере акцентирует внимание на том, что стратегическое планирование нужно, но не в форме генплана, который «всех пугает» и препятствует развитию города (П 3, архитектор). Иными словами, среди специалистов по планированию необходимость следования генеральному плану ставится под сомнение.

Наконец, для застройщиков генплан, в принципе, не представляет особого интереса, гораздо большую роль играют ПЗЗ и технические регламенты (Е 1, застройщик; П 4, застройщик). Представитель одного из крупных застройщиков в Екатеринбурге характеризует ситуацию так:

Генпланами пользуемся очень редко, для того чтобы примерно понять, откуда берутся странные красные линии (Е 1, застройщик).

Иными словами, генплан как документ не является для них частью рутины, им не руководствуются при принятии тех или иных решений.

Таким образом, генеральный план практически не закреплён «логикой уместности» ни в одной из проанализированных нами групп информантов. Этот документ не несёт серьёзной нормативной ценности, необходимость следования ему в основном подкрепляется ссылками на законодательство. Генплан, возможно, укоренён в традиции градостроительной деятельности, но не в нормативно-ценностных системах или рутинных практиках наших информантов, что создаёт обширные возможности для нарушений. В сочетании с другими характеристиками документа мониторинг и принуждение к его исполнению также оказываются затруднены, в итоге накапливается большое число противоречащих между предписаниями генерального плана и практикой городского планирования.

Правила землепользования и застройки в целом интерпретируются информантами в схожем с генпланом ключе, хотя есть и существенные нюансы. ПЗЗ, с одной стороны, больше встроены в рутинную деятельность власти и застройщиков, поскольку для первых они определяют ключевые параметры строительства (этажность, плотность, функционал), а для вторых являются предметом частых обсуждений. Как и в случае с генпланом, изменения в ПЗЗ воспринимаются как смесь необходимости и коррупции. Так, бывший главный архитектор заявляет:

ПЗЗ отражают идущую в живой жизни рутинную политику (П 3, архитектор).

И именно опора на ПЗЗ даёт возможность сочетать стратегическое планирование с принятием конкретных решений. С другой стороны, как свидетельствует один из респондентов:

Частота изменений в ПЗЗ, в картографическую часть, она наталкивает на мысль о том, что здесь есть явные заинтересованные, причём заинтересованные высокопоставленные (Е 4, депутат).

Этот же информант рассказал о неожиданном переводе промышленных зон в жилые с последующим благоустройством прилегающего парка, что вызвало существенное увеличение стоимости квадратного метра на территории для одного из близких к власти застройщиков.

Активисты оценивают ПЗЗ схожим с генпланом образом, отмечая произвольность и непрозрачность процесса изменений в них. Например, один из наших информантов в Екатеринбурге, описывая резонансный конфликт вокруг строительства храма у драмтеатра в мае 2019 г., отметил, что под этот проект были изменены ПЗЗ, но «он [проект] был нарисован на схеме, которую надо было в микроскоп разглядеть» (Е 2, активист). Борьба за изменение зонирования воспринимается как один из важных шагов в закреплении статус-кво: приводя пример облагораживания заброшенного участка в Екатеринбурге, одна из активисток говорит, что важно придать этой территории статус зелёной зоны, то есть изменить ПЗЗ, но «на самом деле мы понимаем, что даже это ни от чего не защищает, потому что если вдруг у кого-то появятся какие-то интересы к этой территории, то статус поменяют по щелчку» (Т 7, активистка).

Выработка «консенсуса» по поводу ПЗЗ и зонирования конкретных территорий, в принципе, воспринимается активистами как необходимый шаг для сбалансированного городского развития. Информанты в Новосибирске ссылаются на опыт совместной разработки ПЗЗ, когда застройщики и мэрия при участии активистов и экспертов попытались договориться и принять правила, которые позволяли бы упорядочить застройку. Этот консенсус продержался недолго, поскольку муниципалитет начал раздавать «отступы» (разрешения на отклонение от предельных параметров), но сама попытка договориться воспринимается активистками положительно.

Эксперты во многом солидарны с активистами в части значимости ПЗЗ: один из представителей архитектурного сообщества в Новосибирске, также отсылая к попытке выработать консенсус вокруг ПЗЗ, отмечает:

Застройщики очень заинтересованы в соблюдении правил игры <...> чем они более внятно и открыто прописаны, более предметно, более конкретно, тем им вот хорошо, потому что человек, занимающийся бизнесом, в большинстве случаев для него всё-таки важны честные правила игры (Н 3, архитектор).

Другие информанты в этой категории подтверждают (как и сами застройщики), что именно ПЗЗ задают основные вводные параметры строительства. Ключевыми проблемами представляется, во-первых, недостаток специализации функциональных зон (одна из наших информанток, например, отмечает, что в центре города может быть зона, правила которой распространяются как на исторические кварталы, так и на новую офисно-деловую застройку), а во-вторых, как и в случае с генпланом, возможности застройщика изменять эти правила в своих интересах, пользуясь связями во власти.

Суммируя, можно сказать, что ПЗЗ больше вписаны в «логику уместности», хотя и являются относительно новым инструментом планирования. В отличие от генплана, правила могут поддерживать локальный баланс интересов, а их нарушение легче отследить. В то же время у застройщиков и власти остаются преимущества в части изменения ПЗЗ под собственные интересы. Иными словами, ценность правил землепользования и застройки как регулятора общественных отношений в области городского планирования ограничена.

Наконец, общественные слушания как единственный формальный инструмент планирования, где представители всех групп интересов могут обсуждать планировочный процесс и конкретные планировочные решения, также оказываются «зажатыми» между формальным статусом и реальной практикой. Даже представители власти расходятся в своих оценках: часть из них отмечают, что слушания носят «сугубо формальный характер» (П 2, депутат). Другие указывают на возможность влияния на итоговое решение по результатам общественных слушаний:

Вместе с тем и результативность бывает, я знаю об этом (Н 5, депутат).

Информанты подтверждают значение общественных слушаний:

Безусловно, [слушания] имеют [значение]. То есть если их проводить нормально (Е 4, депутат).

Неэффективность общественных слушаний в первую очередь сывается с позицией горожан:

Люди, которые готовы конструктивно критиковать, они не ходят (П 1, депутат).

Этот же информант отмечает:

На них [общественные слушания] ходят люди, которым в принципе всё не нравится (П 1, депутат).

Именно из-за этого не происходит конструктивного диалога между властью, застройщиком и жителями. Для исполнительной власти общественные слушания выступают обременительной формальностью, за которую они отвечают; никакой ценности данного инструмента они не видят.

Активисты, в свою очередь, единогласно говорят о несостоятельности общественных слушаний как способа согласования интересов. Хотя информанты этой категории замечают положительные изменения: «У нас позитивные изменения идут. Но мы в начале пути ещё, так скажем» (Т 3, активист), — они сходятся в том, что проведение общественных слушаний является лишь формальностью: «Мы скажем “нет” [какому-либо проекту на общественных слушаниях], но это мнение никого не волнует» (Е 2, активист). Такое отношение власти к мнению горожан воспринимается как рутинизированное:

Конечно, они [власть] очень не привыкли пока какую-то критику воспринимать, к сожалению... (Т 3, активист).

Некоторые активисты отмечали, что с помощью общественных слушаний при достаточной мобилизации можно как минимум задержать реализацию спорного проекта, «а иногда и просто отменить строительство того или иного объекта» (Н 6, активист). Однако, если возникает угроза влияния результатов слушаний, власти принимают соответствующие меры. Например, один из новосибирских информантов сообщает:

Публичные слушания начали работать очень хорошо, а потом, судя по всему, то, что они начали работать хорошо, и послужило основанием того, что их отменили (Н 4, активист).

Кроме того, у власти есть возможность заменить слушания на альтернативные способы обмена информацией между властью и жителями:

Были общественные слушания, то есть когда все собираются в одном месте и разговаривают... А они сделали обсуждения в Интернете. То есть чтобы не видеть своих горожан, чтобы не слышать их правду (Т 5, активист).

Таким образом, с точки зрения активистов, «логика уместности» в отношении общественных слушаний поддерживает не их нормативно-ценностное содержание (согласование проектов планировки с интересами горожан), а исключительно формальную сторону этого инструмента. Иными словами, рутинизируются не «нормальные» процедуры участия граждан в обсуждении, а различные способы их обхода.

Критику общественных слушаний как инструмента планирования поддерживают и некоторые эксперты. Они также высказывают мнение о том, что в процессе организации и проведения слушаний грубо нарушаются правила:

Это происходит очень грязно (Т 4, архитектор).

На некоторые приводят специальных каких-то мальчиков в спортивных костюмах, которые начинают что-то отстаивать якобы (Н 2, архитектор).

Один из экспертов связывает неэффективность инструмента со сложностью в отработке каждого поступившего предложения:

Что легче: утвердить проект или отработать каждое предложение? Конечно, утвердить проект (П 7, градостроитель).

Наконец, все специалисты отмечают, что слушания носят (и должны носить) рекомендательный характер, поскольку обязывающая сила серьёзно затруднит работу городских властей и застройщиков.

Таким образом, общественные слушания также не воспринимаются большинством информантов как содержательно ценный планировочный инструмент. Для активистов он является полезным лишь изредка (если удастся мобилизовать достаточное количество мотивированных участников); для власти и застройщиков это обременительная формальность; для планировщиков и архитекторов — важный элемент обратной связи, который, однако, с трудом реализуем в текущих условиях.

Есть ли существенные пересечения в оценках градостроительных инструментов различными категориями информантов? По некоторым из инструментов действительно вырисовывается раскол: так, власть (как исполнительная, так и представительная) считает, что планировочные инструменты вполне работоспособны. Один из наших информантов в Перми, работающий в мэрии, так охарактеризовал ситуацию в градостроительной политике:

Нормальная ситуация: мы с застройщиками, экспертами и активистами достаточно активно общаемся, не боимся какой-то критики (П 6, чиновник).

Этот же чиновник также отметил, что у различных участников есть достаточное количество каналов, чтобы повлиять на результат (включая общественные слушания), однако сам результат привязан к бюджетным и другим ограничениям. Схожим образом рассуждают и депутаты: один отмечает, что генплан — это «вполне рабочий инструмент» (Е 5, депутат); другая приводит пример, как с помощью генплана и общественных слушаний удалось отстоять права местных жителей (Н 5, депутат); третий утверждает, что сам по себе генеральный план города разработан качественно, но страдает его имплементация (П 1, депутат).

Активисты, эксперты и застройщики, в свою очередь, гораздо более скептически настроены по отношению к планировочным правилам, приводя многочисленные примеры их нарушения. Такой раскол может быть объяснён прежде всего позицией участников в градостроительном процессе: представители власти вовлечены в рутинные процессы выделения земли и согласования проектов освоения городских территорий, большая часть которых, действительно, реализуется без очевидных нарушений. Эксперты и в ещё большей степени активисты сталкиваются в первую очередь с конфликтными ситуациями, когда институты согласования интересов дают сбой. Позиция застройщиков может определяться тем, насколько близки они к центрам принятия решений: приближенным к власти нет повода беспокоиться по поводу проблем с генпланом или ПЗЗ, тогда как для тех, кто находится в конфликте, лучшей стратегией является поддержка универсальных и прозрачных правил игры для всех.

Однако ключевой консенсус по поводу того, почему правила не работают, проходит по линии «городская администрация — аффилированные застройщики» против всех остальных. Почти каждый опрошенный нами активист, эксперт, а также застройщики и депутаты однозначно указывали, что существующие инструменты так или иначе располагают если не к коррупции, то к извлечению ренты или решению каких-то частных бюрократических задач. Один из депутатов, достаточно позитивно отзывавшийся о градостроительном процессе в целом, утверждает:

И получается, что когда интерес администрации совпадает с генпланом, они к нему возвращаются. И говорят: ну, посмотрите, в генплане же так! А когда интересы администрации не совпадают с генеральным планом, они про него забывают (П 1, депутат).

Ещё один депутат, также позитивно отзывавшийся о генплане, утверждает, что в основе частых изменений лежит частный интерес:

Я думаю, что есть интересы конкретных людей <...> чтобы на [изменениях в генплане] работать, и всё (Е 4, депутат).

Активисты и эксперты ещё более жёстки в своих оценках. Один из активистов заметил по поводу градостроительной политики, что это «история обмана, коррупции и мухлежа» (Е 2, активист). Кроме прямой коррупции, активисты и эксперты указывают также на погоню за показателями:

То, что сейчас делается в градостроительной политике, чисто вот такие декорации... Всё вроде бы эффективно, мы там выполняем все показатели, которые можно, в какие-то рейтинги входим, настолько легко их под что-то подогнать (Т 2, архитектор).

Таким образом, отношение основных участников градостроительного процесса к его ключевым инструментам во многом отражает «силовую» позицию, то есть заинтересованность хотя бы в частичном изменении статус-кво существует у низкоресурсных акторов, тогда как те, кто имеет привилегированный доступ к институтам, в целом практически не критикуют положение дел. Важно, что такого рода размежевание воспроизводится вне зависимости от структурных и институциональных характеристик городов: во всех случаях мы наблюдаем схожие модели рассуждений и аргументы в пользу или против того или иного инструмента. Данный факт указывает, что дисбаланс и вытекающая из него изменчивость правила игры является в первую очередь результатом структурного неравенства, а не локальными особенностями городов.

Однако перспектива социологического институционализма добавляет ещё один нюанс к наблюдению о том, что власть и влиятельные застройщики используют существующие правила игры в своих интересах. Вне зависимости от позиции в поле градостроительной политики наши информанты сходятся

в том, что ни генплан, ни ПЗЗ и общественные слушания (в несколько меньшей степени) не способны нормально регулировать отношения в области городского планирования. Отход от норм планировочного процесса, таким образом, является неизбежным и обоснованным, даже с точки зрения наиболее радикальных информантов-активистов. Это убеждение открывает дорогу к злоупотреблениям, поскольку их можно обосновать схожей логикой необходимости адаптировать планировочные инструменты к меняющимся условиям. Иными словами, извлечение ренты из землепользования при помощи манипуляции с планировочными инструментами закрепляется в том числе благодаря отсутствию ценностного консенсуса среди не заинтересованных в ренте участников градостроительного процесса. Парадоксальным образом в качестве «логики уместности» в отношении существующих инструментов городского планирования утвердилось убеждение в их бесполезности. Поиск альтернативных инструментов, более тесно связанных с нормативно-ценностными порядками, для многих наших информантов выступает актуальной задачей.

Заключение

Городское планирование в России редко становится предметом социологического анализа (исключение: [Волкова 2021]), хотя его результаты имеют широкие социальные последствия в виде городских конфликтов и закрепления социального неравенства. Инструменты планирования (генплан, ПЗЗ и общественные слушания) встроены в социальные отношения, и, несмотря на то что призваны поддерживать баланс интересов между всеми сторонами, по факту они поддерживают асимметричные отношения между горожанами и временными альянсами власти и бизнеса. Наше исследование показывает, однако, что эти инструменты не являются пустой формальностью: за их «верную» интерпретацию идёт борьба между ключевыми сторонами градостроительного процесса, исход которой определяет в том числе направление городского развития.

Существующие инструменты планирования подвергаются существенной критике практически всеми сторонами (в меньшей степени — представителями публичной власти). Генпланы часто полагаются пустой формальностью, спущенной сверху, к тому же недоступной для понимания простыми горожанами. Процедуры изменения ПЗЗ и состав комиссий по изменению этих правил также полагаются «захваченными» сильной стороной, а общественные слушания — бесполезным инструментом в силу организационных и юридических особенностей. Тем не менее сам факт того, что все эти инструменты задействованы в процессе городского планирования (то есть застройщики и власть вынуждены менять эти правила, а не создавать альтернативные или полностью игнорировать существующие), говорит о том, что они выступают важной ареной борьбы за городское развитие.

«Логика уместности» добавляет важный нюанс: существующие инструменты планирования часто оказываются неэффективными (то есть подвержены изменениям для реализации частных интересов), поскольку не встроены в нормативно-ценностные системы участников градостроительной политики. Они не являются ни «когнитивными схемами», с помощью которых определяются значимые характеристики предмета взаимодействия — городского пространства, ни «моральными обязательствами». Инструменты более низкого уровня (ПЗЗ и слушания) укоренены в административной рутине, поэтому с ними приходится больше считаться всем сторонам процесса, тогда как генплан остаётся артефактом советского наследия и федерального законодательства.

Один из классиков «старого» институционализма Филипп Селзник в работе «Лидерство в управлении: социологическая перспектива» указывал, что институционализировать — значит наполнить организацию, институт или правила, помимо технических требований выполняемого задания, ценностями [Selznick 2011: 17]. Если организации и правила быстро меняются, значит, они так и не смогли наполниться ценностным содержанием. Анализ инструментов планирования в крупных городах России

подтверждает, что они не прошли «тест на изнашиваемость» (*expendability*) и во многом остаются лишь инструментами для достижения личных целей или отстаивания групповых интересов, но не правилами, которые стоит уважать.

Проблема соблюдения правил городского планирования не является российской особенностью. В России, однако, ситуация усугубляется тем, что формальные институты уязвимы перед лицом неформальных практик и частных интересов, что ведёт к их нестабильности [Ledeneva 2011]. Наш анализ показывает, что эта рассинхронизация происходит в том числе потому, что юридически закреплённые правила игры не несут значимой нормативной нагрузки, в результате чего на их защиту не встают даже те, кто проигрывает от частых нарушений и изменчивости. В то же время некоторые из инструментов планирования оказываются нужными для формирования локального согласия и могут стать основой для выработки более общих универсальных правил игры.

Приложение

Таблица П.1

**Перечень интервью, упомянутых в статье,
и основные характеристики респондентов**

Место проведения (город)	Номер интервью	Статус информанта	Пол информанта
Новосибирск	1	Активист	Мужчина
Новосибирск	2	Архитектор	Мужчина
Новосибирск	3	Архитектор	Женщина
Новосибирск	4	Активист	Женщина
Новосибирск	5	Депутат	Женщина
Новосибирск	6	Активист	Мужчина
Пермь	1	Депутат	Мужчина
Пермь	2	Депутат	Мужчина
Пермь	3	Архитектор	Мужчина
Пермь	4	Застройщик	Мужчина
Пермь	5	Чиновник	Мужчина
Пермь	6	Чиновник	Мужчина
Пермь	7	Градостроитель	Женщина
Екатеринбург	1	Застройщик	Женщина
Екатеринбург	2	Активист	Мужчина
Екатеринбург	3	Активист	Мужчина
Екатеринбург	4	Депутат	Мужчина
Екатеринбург	5	Депутат	Мужчина
Тюмень	1	Активист	Мужчина
Тюмень	2	Архитектор	Женщина
Тюмень	3	Активист	Мужчина
Тюмень	4	Архитектор	Мужчина
Тюмень	5	Активист	Женщина
Тюмень	6	Активист	Мужчина
Тюмень	7	Активист	Женщина

Литература

Волкова Н. 2021. Правила городского зонирования: правовая изменчивая техника. *Экономическая социология*. 22 (5): 55–83. DOI: [10.17323/1726-3247-2021-5-11-39](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-11-39)

Градостроительный кодекс Российской Федерации. 2004. Федеральный закон от 12 декабря 2014 г. № 190-ФЗ (последняя редакция). Ст. 5.1: Общественные обсуждения, публичные слушания по проектам генеральных планов, проектам правил землепользования и застройки, проектам планировки территории, проектам межевания территории, проектам правил благоустройства территорий, проектам решений о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства, проектам решений о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/fc77c7117187684ab0cb02c7ee53952df0de55be/

- Кольба А., Кольба Н. 2020. Структура, модели и стратегии участия городских сообществ в конфликтах. *Конфликтология*. 15(2): 54–67.
- Остром Э. 2011. *Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности*. М.: ИРИСЭН; Мысль.
- Пустовойт Ю. 2019. «Контрэлита»: местная власть и её оппоненты в сибирском мегаполисе. *Власть и элиты*. 6 (1): 48–70.
- Семёнов А., Минаева Э. 2020. Заимствования политических курсов в сфере городского управления: анализ стратегического городского планирования в России. *Ars Administrandi*. 12 (1): 120–136.
- Семёнов А., Шевцова И., Бедерсон В. 2018. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 21 (3): 140–169.
- Тыканова Е., Хохлова А. 2014. Конфликт прав собственности в постсоветском городе (на примере случаев сноса гаражей в Санкт-Петербурге). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 17 (5): 109–125.
- Тыканова Е., Хохлова А. 2015. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство. *Журнал исследований социальной политики*. 13 (2): 241–256.
- Шаталова А., Тыканова Е. 2018. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга). *Журнал социологии и социальной антропологии*. 21 (4): 63–84.
- Шевцова И., Бедерсон В. 2017. «У власти точка зрения — молчание»: взаимодействие инициативных групп и органов местной власти в политике городского планирования. *Политическая наука*. 4: 111–136.
- Acemoglu D., Robinson J. 2006. De Facto Political Power and Institutional Persistence. *American Economic Review*. 96 (2): 325–330.
- Adams D. 2012. *Urban Planning and the Development Process*. Abingdon, UK: Routledge.
- Adams D., Tiesdell S. 2010. Planners as Market Actors: Rethinking State-Market Relations in Land and Property. *Planning Theory & Practice*. 11 (2): 187–207.
- Adams D., Tiesdell S. 2012. *Shaping Places: Urban Planning, Design and Development*. Abingdon, UK: Routledge.
- Cruz N. F. da, Rod P., McQuarrie M. 2019. New Urban Governance: A Review of Current Themes and Future Priorities. *Journal of Urban Affairs*. 41 (1): 1–19.
- Davidson K. et al. 2019. Reconfiguring Urban Governance in an Age of Rising City Networks: A Research Agenda. *Urban Studies*. 56 (16): 3540–3555.
- Fainstein S. 2000. New Directions in Planning Theory. *Urban Affairs Review*. 34: 451–476.

- Golubchikov O. 2004. Urban Planning in Russia: Towards the Market. *European Planning Studies*. 12 (2): 229–247.
- González S., Healey P. 2005. A Sociological Institutional Approach to the Study of Innovation in Governance Capacity. *Urban Studies*. 42 (11): 2055–2069.
- Gualini E. 2001. *Planning and the Intelligence of Institutions: Interactive Planning Approaches between Institutional Design and Institution-Building*. Aldershot: Ashgate.
- Healey P. 2006. Transforming Governance: Challenges of Institutional Adaptation and a New Politics of Space. *European Planning Studies*. 14 (3): 299–320.
- Hillier J. 2002. *Shadows of Power: An Allegory of Prudence in Land Use Planning*. London: Routledge.
- Hirt S., Stanilov K. 2009. *Revisiting Urban Planning in the Transitional Countries*. Regional study prepared for Planning Sustainable Cities: Global Report on Human Settlements 2009. London; Sterling, VA: United Nations Human Settlements Programme.
- Jense O. B., Richardson T. 2004. *Making European Space: Mobility, Power and Territorial Identity*. London: Routledge.
- Le Gales P. 2002. *European Cities: Social Conflicts and Governance*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Ledeneva, A. 2011. Open Secrets and Knowing Smiles. *East European Politics and Societies*. 25 (4): 720–736.
- March J. G., Olsen J. P. 1989. *Rediscovering Institutions*. New York: Simon and Schuster.
- March J. G., Olsen J. P. 2008 The Logic of Appropriateness. In: Moran M., Rein M., Goodin R. E. (eds). *The Oxford Handbook of Public Policy*. Oxford, UK: Oxford University Press; 689–708.
- Murdoch J., Abram S. 2002. *Rationalities of Planning: Development versus Environment in Planning for Housing*. Aldershot: Ashgate.
- Needham B. 2006. *Planning, Law and Economics: The Rules We Make for Using Land*. Abingdon, UK: Routledge.
- Pepinsky T. 2014. The Institutional Turn in Comparative Authoritarianism. *British Journal of Political Science*. 44 (3): 631–653.
- Pierre J. 2011. *The Politics of Urban Governance*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Rydin Y. 2021. *Theory in Planning Research. Planning, Environment, Cities*. Berlin: Springer Nature.
- Sager T. 2011. Neo-Liberal Urban Planning Policies: A Literature Survey 1990–2010. *Progress in Planning*. 76 (4): 147–199.
- Salukvadze J., Van Assche K. 2022 (Preprint). Multiple Transformations, Coordination and Public Goods. Tbilisi and the Search for Planning as Collective Strategy. *European Planning Studies*. URL: <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2065878>.

- Stanilov K. (ed.) 2007. The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism. *The GeoJournal Library*. Vol. 92. Dordrecht, The Netherlands: Springer.
- Tajima R., Fischer T. 2013. Should Different Impact Assessment Instruments be Integrated? Evidence from English Spatial Planning. *Environmental Impact Assessment Review*. 41: 29–37.
- Taylor Z. 2013. Rethinking Planning Culture: A New Institutional Approach. *Town Planning Review*. 84 (6): 683–702.
- Tykanova E., Khokhlova A. 2020. Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non-) Participation in Decision-Making About the Futures of City Territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 33 (2): 181–202.
- Webster C. J., Lai L. W. C. 2003. *Property Rights, Planning and Markets: Managing Spontaneous Cities*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Zhou X. et al. 2017. Construction of a Spatial Planning System at City-level: Case Study of “integration of multi-planning” in Yulin City, China. *Habitat International*. 65: 32–48.

BEYOND BORDERS

Andrei Semenov, Alena Gileva

Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective

SEMENOV, Andrei — Candidate of Science in Politics, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences—Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 190005 Russia, Saint-Petersburg, 7th Krasnoarmeiskaya, д. 25/14.

Email: andreysesemenov@comparativestudies.ru

GILEVA, Alena — MA in International Relations, Junior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences—Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 190005 Russia, Saint-Petersburg, 7th Krasnoarmeiskaya, д. 25/14.

Email: alenagileva@outlook.com

Abstract

In this paper, we study the role of urban development instruments in structuring the interactions among the key urban politics actors: citizens, developers, public authorities, and experts. Using the sociological institutionalism approach, we collected 39 interviews with relevant stakeholders in four large Russian cities (Tyumen, Perm, Ekaterinburg, and Novosibirsk) intending to uncover the “logic of appropriateness” behind the interpretation of the major formal planning instruments: general plans, land use, development rules, and public hearings. We show that following the formal rules of the planning process is based on their legally binding nature rather than on their embeddedness in normative-value orders. Consequently, the variability of the planning rules is determined by both the power asymmetry between the stakeholders of urban politics, and also by the absence of a general consensus regarding the value of these rules. We also demonstrate that while the informants almost universally critique general plans, they see some potential in the land use and development rules and the public hearings as instruments to build a local consensus. In other words, the problem of rule-following in urban planning has a distinct sociological dimension: the lack of a common value base in planning opens up a field of opportunities for rent-seeking behavior.

Keywords: urban development; urban politics; urban governance; institutions; public goods; urban conflicts.

Acknowledgements

The research is supported by the Russian Science Foundation grant (RSF NO. 18-78-10054) “Mechanisms of Interests Coordination in the Urban Development Processes.”

References

- Acemoglu D., Robinson J. (2006) De Facto Political Power and Institutional Persistence. *American Economic Review*, vol. 96, no 2, pp. 325–330.
- Adams D. (2012) *Urban Planning and the Development Process*, Abingdon, UK: Routledge.
- Adams D., Tiesdell S. (2010) Planners as Market Actors: Rethinking State-Market Relations in Land and Property. *Planning Theory & Practice*, vol. 11, no 2, pp. 187–207.
- Adams D., Tiesdell S. (2012) *Shaping Places: Urban Planning, Design and Development*, Abingdon, UK: Routledge.

- Cruz N. F. da, Rode P., McQuarrie M. (2019) New Urban Governance: A Review of Current Themes and Future Priorities. *Journal of Urban Affairs*, vol. 41, no 1, pp. 1–19.
- Davidson K., Coenen L., Acuto M., Gleeson B. (2019) Reconfiguring Urban Governance in an Age of Rising City Networks: A Research Agenda. *Urban Studies*, vol. 56, no 16, pp. 3540–3555.
- Fainstein S. (2000) New Directions in Planning Theory. *Urban Affairs Review*, vol. 34, pp. 451–476.
- Golubchikov O. (2004) Urban Planning in Russia: Towards the Market. *European Planning Studies*, vol. 12, no 2, pp. 229–247.
- González S., Healey P. (2005) A Sociological Institutional Approach to the Study of Innovation in Governance Capacity. *Urban Studies*, vol. 42, no 11, pp. 2055–2069.
- Gradostroitel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Town Planning Code of Russia] (2004) Federal'nyy zakon № 190-FZ [The Federal Law of the Russian Federation. 24 December 2014. No. 190-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/fc77c7117187684ab0cb02c7ee53952df0de55be/ (accessed 25 August 2022) (in Russian).
- Gualini E. (2001) *Planning and the Intelligence of Institutions: Interactive Planning Approaches between Institutional Design and Institution-Building*, Aldershot: Ashgate.
- Healey P. (2006) Transforming Governance: Challenges of Institutional Adaptation and a New Politics of Space1. *European Planning Studies*, vol. 14, no 3, pp. 299–320.
- Hillier J. (2002) *Shadows of Power: An Allegory of Prudence in Land Use Planning*, London: Routledge.
- Hirt S., Stanilov K. (2009) *Revisiting Urban Planning in the Transitional Countries*. Regional study prepared for Planning Sustainable Cities: Global Report on Human Settlements 2009, London; Sterling, VA: United Nations Human Settlements Programme.
- Jensen O. B., Richardson T. (2004) *Making European Space: Mobility, Power and Territorial Identity*, London: Routledge.
- Kolba A. I., Kolba N. V. (2020) Struktura, modeli i strategii uchastiya gorodskikh soobshchestv v konfliktakh [Structure, Models and Strategies of Participation of Urban Communities in Conflicts]. *Conflictology = Konfliktologiya*, vol. 15, no 2, pp. 54–67 (in Russian).
- Le Gales P. (2002) *European Cities: Social Conflicts and Governance*, Oxford, UK: Oxford University Press
- Ledeneva, A. (2011) Open Secrets and Knowing Smiles. *East European Politics and Societies*, vol. 25, no 4, pp. 720–736. Available at: <https://doi.org/10.1177/0888325410388558> (accessed 30 August 2022).
- March J. G., Olsen J. P. (1989) *Rediscovering Institutions*, New York: Simon and Schuster.
- March J. G., Olsen J. P. (2008) The Logic of Appropriateness. *The Oxford Handbook of Public Policy* (eds. Moran M., Rein M., Goodin R. E.), Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 689–708.
- Murdoch J., Abram S. (2002) *Rationalities of Planning: Development versus Environment in Planning for Housing*, Aldershot: Ashgate.

- Needham B. (2006) *Planning, Law and Economics: The Rules We Make for Using Land*, Abingdon, UK: Routledge.
- Ostrom E. (2011) *Upravlyaya obshchim: evolyutsiya institutov kollektivnoy deyatelnosti* [Governing the Common: Evolution of Collective Action Institutions], Moscow: IRISEN; Mysl' (in Russian).
- Pepinsky T. (2014) The Institutional Turn in Comparative Authoritarianism. *British Journal of Political Science*, vol. 44, no 3, pp. 631–653.
- Pierre J. (2011) *The Politics of Urban Governance*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Pustovojt Yu. (2019) “Kontryelita”: mestnaya vlast' i ee opponenty v sibirskom megapolise [“A Counter-Elite”: Local Power and its Opponents in the Siberian Megapolis]. *Power and Elites = Vlast' i elity*, vol. 6, no 1, pp. 48–70 (in Russian).
- Rydin Y. (2021) *Theory in Planning Research. Planning, Environment, Cities*, Berlin: Springer Nature.
- Sager T. (2011) Neo-Liberal Urban Planning Policies: A Literature Survey 1990–2010. *Progress in Planning*, vol. 76, no 4, pp. 147–199.
- Salukvadze J., Van Assche K. (2022. Preprint) Multiple Transformations, Coordination and Public Goods. Tbilisi and the Search for Planning as Collective Strategy. *European Planning Studies*. Available at: <https://doi.org/10.1080/09654313.2022.2065878> (accessed 30 August 2022).
- Semenov A., Minaeva E. (2020) Zaimstvovaniya politicheskikh kursov v sphere gorodskogo upravleniya: analiz strategicheskogo gorodskogo planirovaniya v Rossii [Policy Transfer in Urban Governance: The Case of Strategic Urban Planning in Russia]. *Ars Administrandi*, vol. 12, no 1, pp. 120–136 (in Russian).
- Semenov A., Shevtsova I., Bederson V. (2018) Gorodskaya mobilizatsiya i gradostroitel'naya politika: strategicheskoye vzaimodeystviye mestnykh zhiteley i zastroyshchikov v situatsii konflikta [Urban Mobilization and Urban Development: Strategic Interactions between Residents and Developers in a Conflict]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 21, no 3, pp. 140–169 (in Russian).
- Shatalova A., Tykanova E. (2018) Neformal'nyye praktiki uchastnikov publichnykh slushaniy (sluchay Sankt-Peterburga) [Informal Practices of the Public Hearing Participants (the Case of Saint Petersburg)]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 21, no 4, pp. 63–84 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.3>
- Shevtsova I., Bederson V. (2017) “U vlasti tochka zreniya — molchanie”: vzaimodeystvie initsiativnykh grupp i organov mestnoy vlasti v politike gorodskogo planirovaniya [“Authorities' Point of View is To Keep a Silence”: Interaction of Initiative Groups and Local Authorities in the Urban Planning Policy]. *Political Science (RU) = Politicheskaya nauka*, no 4, pp. 111–136 (in Russian).
- Stanilov K. (ed.). (2007) *The Post-Socialist City: Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after socialism. The GeoJournal Library*, vol. 92, Dordrecht, The Netherlands: Springer.
- Tajima R., Fischer T. (2013) Should Different Impact Assessment Instruments be Integrated? Evidence from English Spatial Planning. *Environmental Impact Assessment Review*, vol. 41, pp. 29–37.

- Taylor Z. (2013) Rethinking Planning Culture: A New Institutional Approach. *Town Planning Review*, vol. 84, no 6, pp. 683–702.
- Tykanova E., Khokhlova A. (2014) Konflikt prav sobstvennosti v postsovetском gorode (na primere sluchaeв snosa garazhey v Sankt-Peterburge) [The Conflict of Proprietary Rights in Post-Soviet City (The Case of Saint Petersburg)]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 17, no 5, pp. 109–125 (in Russian).
- Tykanova E., Khokhlova A. (2015) Gorodskoy politicheskiy rezhim v Sankt-Peterburge: rol' real'nykh i voobrazhaemykh “mashin rosta” v bor'be za gorodskoe prostranstvo [The Urban Political Regime in St. Petersburg: the Role of Real and Imagined “Growth Machines” in the Struggle for Urban Space]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 13, no 2, pp. 241–256 (in Russian).
- Tykanova E., Khokhlova A. (2020) Grassroots Urban Protests in St. Petersburg: (Non-) Participation in Decision-Making About the Futures of City Territories. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 33, no 2, pp. 181–202.
- Volkova N. (2021) Pravila gorodskogo zonirovaniya: pravovaya izmenchivaya tekhnika [Land Use Regulations: Legally Fluid Technology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 5, pp. 55–83. doi: [10.17323/1726-3247-2021-5-55-83](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-5-55-83) (in Russian).
- Webster C. J., Lai L. W. C. (2003) *Property Rights, Planning and Markets: Managing Spontaneous Cities*, Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Zhou X., Lu X, Lian H., Chen Y., Wu Y (2017) Construction of a Spatial Planning System at City-level: Case Study of “integration of multi-planning” in Yulin City, China. *Habitat International*, vol. 65, pp. 32–48.

Received: April 5, 2022

Citation: Semenov A., Gileva A. (2022) Rossiyskie instrumenty gorodskogo planirovaniya v perspektive sotsiologicheskogo institutsionalizma [Russian Instruments of Urban Planning from the Sociological Institutionalism Perspective]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 73–95. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-73-95](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-73-95) (in Russian).

НОВЫЕ КНИГИ

Н. А. Любинарская

Разум vs. чувства: возникновение новой экологии выбора в романтической сфере индивида¹

Рецензия на книгу: Иллуз Е. 2020. *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение*. Перев. с англ. С. В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директ-медиа Паблишинг. 400 с.

ЛЮБИНАРСКАЯ **Нина Александровна** — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), магистр социологии, член научно-исследовательской группы лаборатории «Социология религии» при ПСТГУ. Адрес: 115184, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.

Email: nina.lyubinarskaya@gmail.com

Ева Иллуз в книге «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение» пишет о последствиях модернизма, которые отразились на романтической сфере индивида. Согласно представлениям автора рецензируемой книги, институты модерна привели к тому, что идеи индивидуализма, самореализации, политической эмансипации, независимости и свободного выбора сильно изменили представление личности о том, какими могут быть романтические отношения. Современные формы жизни породили «новую экологию выбора», для которой предпочтения и вкус перестали быть определяющими факторами при отборе партнёра, из-за переориентации на культуру потребления и сексуальность. Иллуз аргументирует свою точку зрения, опираясь на работы известных социологов, а также эмпирическим материалом. Она анализирует жизненный уклад и романтические отношения людей в английских романах XIX века и современных, книги по самопомощи, справочники об отношениях, о свиданиях, браке и разводе, сайты знакомств, сериалы и ток-шоу, еженедельную рубрику «Современная любовь» в газете «The New York Times», а также данные 70-ти интервью с мужчинами и женщинами в возрасте 25–67 лет, имеющими высшее образование, из трёх мегаполисов стран Европы, США и Израиля. В выборку вошли одинокие люди, отвечающие трём параметрам: никогда не состояли в браке; состояли в браке, но находятся в разводе и на данный момент одиноки; женатые и замужние. Сравнивая эти группы, Е. Иллуз пытается реконструировать представления о романтических отношениях с точки зрения традиционной культуры и современности. Цель автора — показать, как изменились взгляды в обществе модерна к любви, к браку, к «любовным страданиям» и отношениям людей в целом. Также Иллуз проблематизирует идею брачных рынков Гэри Беккера, эксплицируя на них идеи Пьера Бурдьё. Она пишет о кризисе семейных отношений и об изменчивости природы супружеских обязательств, вызванных деинституционализацией брака и индивидуализированным образом жизни.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и Фонда «Живая традиция» (см. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/family>).

Ключевые слова: романтические отношения; модернизм; архитектура выбора; индивидуализм; терапевтический дискурс; неолиберализм.

Введение

В 2012 г. в издательстве Polity Press вышла книга «Why Love Hurts: A Sociological Explanation» («Почему любовь ранит? Социологическое объяснение») Евы Иллуз, профессора департамента социологии и антропологии Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem). Книга была переведена на 14 языков мира, и в 2020 г. вышел её русский перевод в издательстве «Директ-Медиа» («Direct-Media»).

Это не единственная книга Иллуз о том, какое влияние оказывает новый капитализм на эмоциональную и чувственную сферы индивида. Первая работа автора «Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism» («Потребляя романтическую утопию: любовь и культурные противоречия капитализма») была посвящена тому, как романтические образы навязываются потребителю через продукты массовой культуры, ТВ-шоу, рекламу, фильмы [Illouz 1997]. Иллуз называет такое влияние потребительского капитализма романтической утопией, в которой пересекаются образы массмедиа и индивидуальные представления о любви.

В сферу научных интересов Иллуз входят социология капитализма, эмоций, культуры и гендерные исследования, то есть области знания, уделяющие внимание отношениям человека с миром капитализма, показывая, как он влияет на эмоции, создаёт запрос на индивидуализацию и свободу. Эти и другие проблемы модернизма автор поднимает в ряде своих работ, среди которых книги «Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism» («Охлаждённая интимность: эмоциональный капитализм в действии» [Illouz 2007] (переведена на 13 языков мира), «Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help» («Спасая современную душу: терапия, эмоции и культура самопомощи») [Illouz 2008], «The End of Love: A Sociology of Negative Relations» («Конец любви: социология негативных отношений») [Illouz 2018].

О чём книга?

Книга «Почему любовь ранит?» — это критический анализ того, как социокультурные и экономические изменения XX века (Промышленная революция, запрос на мобильность, возникновение женских движений и гендерных исследований, капитализм, ценности свободы, индивидуализм и др.) оказали влияние на представление о романтических отношениях и любовную сферу. По мнению Иллуз, эти изменения создали *новую экологию выбора*, которая впоследствии привела к возникновению *архитектуры романтического выбора*, когда решения индивида зависят не от предпочтений и вкуса, а от условий, при которых этот выбор делается [Иллуз 2020: 33–34]. В качестве примера автор рецензируемой книги проводит различие между правилами эндогамии и сексуальной революции. Выбор в первом случае ограничивается социальной средой (семья, этническая группа), а во втором возникает из-за снятия запретов на выбор сексуального партнёра [Иллуз 2020: 33–34].

Иллуз делает акцент на социальной обусловленности любви, считая, что это чувство, прежде всего, социальный, а не психологический феномен. Господство психоаналитического дискурса и индустрия «селф-хелп» («самопомощь»), укоренённые во фрейдизме, наложили существенный отпечаток на представление о том, что такое любовь и какова природа чувств в современном мире. Терапевтический дискурс объясняет «любовные страдания» в логике психоанализа — как продукт бессознательного поведения, при этом индивид ответствен за свои моральные терзания, но, по мнению Иллуз, институты модернизма изменили само восприятие страданий, которые стали теперь больше социальным фено-

меном, чем психологическим. Иллуз пишет, что «все неудачи, превратности и невзгоды нашей эмоциональной жизни скорее формируются институциональными механизмами, а не являются результатом слабой психики <...> Основной проблемой является не трудное детство или недостаток самосознания, а совокупность социальных и культурных напряжённостей, противоречий, которые формируют современную личностную идентичность» [Иллуз 2020: 10].

Согласно представлениям автора рецензируемой книги, институты модернизма [Giddens 1992; Beck, Beck-Gernsheim 2002] привели к тому, что идеи индивидуализма, самореализации, политической эмансипации, независимости и свободного выбора сильно изменили представление личности о том, какой должна быть любовь и какими могут быть романтические отношения.

Цель книги, как пишет сама Иллуз, в том, чтобы «рассмотреть любовь так, как Маркс в своё время рассматривал товары: показать, что она формируется и возникает в конкретных социальных отношениях; продемонстрировать, что она подобно товару находится в обращении среди неравных конкурирующих субъектов; и утверждать, что некоторые из них обладают более значительным потенциалом для определения условий этой любви» [Иллуз 2020: 14].

Книга состоит из шести глав, каждая из них даёт исчерпывающий комментарий о том, как трансформировалась любовная сфера в разные эпохи. Автор книги, не ограничивая себя хронологической последовательностью, прибегает для своего анализа к материалам английских романов Викторианской эпохи, рассматривает эпоху модерна и результаты Первой мировой войны, обращается к периоду Промышленной революции, к первой и второй волнам эмиграции в США, к периоду 1960–1980-х гг., к современным гендерным исследованиям... Анализируя разные миры, Иллуз объясняет, как менялись гендерные отношения в семье и структура супружеских обязательств во времени, как возникли ценности свободы, самореализации и индивидуализации, и какое влияние они оказали на структуру современной романтической личности. В данной рецензии внимание уделено лишь некоторым соображениям автора, наиболее подробно раскрытым в нескольких главах — «Великая трансформация любви, или Возникновение брачного рынка» (глава 2), «Страх перед обязательствами и архитектура романтического выбора» (глава 3). А также тому, каким образом индивиды взаимодействуют друг с другом в эпоху капитализма, как брачные рынки и сексуальные поля влияют на выбор партнёра в романтических отношениях, как устроена «новая архитектура романтического выбора», почему в современном обществе запрос на индивидуализацию имеет первостепенное значение...

Английские романы, книги по самопомощи, сайты знакомств и интервью с жителями мегаполисов

Аргументация Иллуз строится на работах известных социологов [Weber 1970; 2002; Collins 1971; 1981; 2004; Bourdieu 2005;], психологов [Freud 1953; Coontz 2005] и философов [Kierkegaard 1944; Derrida 1977; 1986; Nietzsche 2003], а также на эмпирическом материале. Она опирается на широкий спектр источников, в том числе на английские романы XIX века и современные, книги и интернет-форумы по самопомощи, сайты знакомств, привлекает материалы 70-ти интервью с жителями трёх мегаполисов стран Европы, США и Израиля. В выборку вошли мужчины и женщины в возрасте 25–67 лет, имеющие высшее образование и отвечающие трём параметрам: никогда не состояли в браке; состояли в браке, но находятся в разводе и на данный момент одиноки; женатые и замужние [Иллуз 2020: 29–30]. Для Иллуз стало открытием, что трудности, с которыми сталкиваются люди после разрыва отношений, не имеют гендерных различий: переживания женщин и мужчин имеют единую природу.

Как пишет сама Иллуз, «манеры письма и романы прошлого послужили мне главным образом как аналитические инструменты для освещения социологических характеристик современного состояния, а

не как нормативные критерии» [Иллуз 2020: 382–383]. В некоторых ситуациях Иллуз пытается объяснить, как соотносится любовная сфера героинь Джейн Остин и Эмили Бронте с современной социальной структурой супружеских отношений. По мнению Иллуз, героини романов Джейн Остин (например: «Эмма», «Доводы рассудка», «Гордость и предубеждение») и Эмили Бронте «Грозовой перевал» представляют собой идеальные типы, наделённые такими личностными качествами, которые встраиваются в социальные нормы и институты, где характеры, роли и ритуальные взаимодействия определены так, что во главе угла стоят экономические интересы и выгодный брак. Героини Остин и Бронте критикуют сватовство как институт, но тем не менее считают, что материальное благосостояние — необходимое условие для создания семьи. В современном же браке выбор партнёра продиктован эмоциональной привязанностью и основывается на саморефлексии индивида, обусловленной социальными конструктами — идеями свободы, рациональностью и независимостью, формирующими индивидуальную сферу современной личности. В настоящее время успешный брак не всегда определяется материальным благополучием. Его ценность повышается за счёт ориентации на себя, заботу о себе, личные переживания по поводу самореализации в браке и прочее. Сватовство как институт полностью исчезает, и выбор партнёра основывается исключительно на личных предпочтениях и ощущениях. Как пишет Иллуз, в современный брак вступают достаточно «индивидуализированные и дифференцированные личности», чья независимость от структурных ограничений и норм может сулить успешный брак. Также, анализируя медиа и интернет-ресурсы, книги и журналы о самопомощи, интервью с жителями мегаполисов, Иллуз пытается показать, как менялась «экология выбора» во времени — от правил эндогамии XIX века к современным способам рефлексивности и рациональности, сформированным терапевтической культурой [Klesse 2014: 235].

Архитектура романтического выбора: запрос на индивидуализацию

Романтический выбор менялся с течением времени, и любовная трансформация привела к тому, что сделать выбор стало сложнее. Иллуз считает, что новая архитектура выбора² — это процесс, который совершается с помощью саморефлексии и «состоит из ряда когнитивных и эмоциональных процессов» культурно предопределённых. Иллуз предполагает, что современный выбор основывается на шести культурных компонентах и содержит ряд вопросов, которые индивид должен себе задать перед принятием решения [Иллуз 2020: 34–35]:

- заставляет ли выбор задуматься об отдалённых последствиях принятых решений?
- насколько формален сам процесс консультирования для принятия решений: следует ли человек советам эксперта или коллективному давлению и общественным нормам, преследует ли он личные рациональные интересы?
- какие способы самоконсультации используются при принятии решений?
- существуют ли культурные нормы и методы, позволяющие не доверять нашим желаниям и потребностям и сомневаться в них?
- каковы общепринятые основания для принятия решений? (Речь в данном случае идёт о культурной модели эмоциональности и рациональности, которые влияют на то, как мы принимаем

² Архитектура выбора связана с механизмами, которые являются внутренними для субъекта и формируются культурой, касаются как критериев оценки какого-либо объекта (будь то произведение искусства, зубная паста или будущий супруг), так и способов самоконсультации. С помощью таких критериев человек сверяется со своими эмоциями, знаниями и общепринятыми суждениями для принятия решения [Иллуз 2020: 34].

и воспринимаем решения; например, покупка дома и выбор партнёра по-разному регулируются разумом и эмоциями.)

— ценится ли выбор сам по себе (в эпоху потребления)?

Таким образом, Иллуз на основании статьи К. Савани, Х. Р. Маркус и А. Коннер о роли предпочтений при принятии решений [Savani, Markus, Conner 2008: 89–90] делает вывод, что основой «архитектуры выбора» являются «предпочтения и интересы личности, её опыт, то, как она осмысляет происходящее на уровне ощущений и условий» [Иллуз 2020: 37].

Иллуз предполагает: сложность выбора заключается в том, что культура потребления изменила условия этого выбора, и если в XIX веке внешняя красота была частью характеристик личности, то в современном мире моды, косметики и других способов конструирования образа, внешняя привлекательность стала указывать на сексуальность и объективировать личность как товар. Таким образом, внешность становится определяющей при выборе партнёра. По мнению автора рецензируемой книги, произошла «великая трансформация любви» по аналогии с «великой трансформацией» К. Поланьи, исследовавшего экономические отношения как процесс, когда капиталистический рынок отделяет экономические действия от общества и от нравственных и (или) нормативных правил, организует экономику на саморегулируемых рынках и подчиняет общество экономике [Иллуз 2020: 69]. Следом происходит и великая трансформация любовной сферы, характеризуемая Е. Иллуз следующим образом [Иллуз 2020: 69]:

- прекращение нормативного регулирования способа оценки потенциальных партнёров, то есть отделение критериев оценки от групповой и общественной структуры, а также возрастание роли СМИ в определении критериев привлекательности и ценности;
- возрастающая тенденция к рассмотрению сексуального и романтического партнёра одновременно в психологическом и сексуальном планах (при этом первое, в конечном счёте, подпадает под второе);
- возрастающее значение сексуальной сферы и всё более важная роль сексуальности в конкуренции на брачном рынке.

Итак, сексуализированный дискурс привёл к неравным условиям отбора и возникновению свободного выбора, который поставил разум и чувства в противоречие, вытеснив моральные притязания. В прошлом для заключения брака был важен социально-экономический статус, решение могло приниматься родителями, а сам выбор не основывался на самоанализе и чаще всего был предопределён, то есть условно, если два влюблённых человека понимали, что экономически их брак будет несостоятельным, то мысль о разрыве не всегда вызывала душевные терзания (но также не исключала их; см., например, «Грозовой перевал» Э. Бронте). Так или иначе, как пишет Иллуз, критерии выбора были известны исходя из классификации людей: «Поскольку критерии классификации людей были известны и понятны всем и так как решение о вступлении в брак явно основывалось (по крайней мере, частично) на социальном статусе, то отказ претенденту в заключении брака не зависел от внутренней сущности личности, а только от её положения» [Иллуз 2020: 58]. В современном мире культура организации отбора изменилась, он «стал более индивидуализированным и субъективным из-за изменения сути критериев выбора партнёра, которые стали физическими и (или) сексуальными, и эмоциональными и (или) психологическими» [Иллуз 2020: 70].

Иллуз связывает эту переориентацию культурных предпосылок со второй волной феминизма 1960-х гг. в Америке и Западной Европе, когда сексуальность стала одним из важных критериев при выборе партнёра. Прежде всего Иллуз связывает это со следующими изменениями в обществе:

- женщины перестали относиться к какому-либо социальному классу и стали независимы (отсутствие социальной стратификации при выборе партнёра)³;
- брак не регламентируется и не институционализируется⁴;
- сексуальность как самоцель, не имеющая связи с целями супружества;
- чувственность делает процесс влюблённости полностью субъективным⁵;
- чувственность делает влечение к другому более зависимым, но не подразумевает интенцию к долгим обязательствам («свидание на одну ночь»);
- возникновение культурных кодексов и норм, предложенных индустрией красоты и сексуальности⁶.

Новые образы и условия, включённые в экологию романтического выбора, привели к тому, что внешние характеристики индивида, его привлекательность и сексуальность, уход от традиционных устоев брака стали относиться к коммерциализации чувств и поиск партнёра перестал иметь какую-либо институциональную структуру.

Брачные рынки

Ещё одной особенностью трансформации романтических отношений стала уязвимость концепции брачных рынков, предложенная Гэри Беккером. Иллуз критикует её за неактуальность как не учитывающую ряд предпосылок при выборе партнёра в современных реалиях. Цитируя Беккера («Брак — это рынок, на котором человек, обладающий наибольшим количеством необходимых качеств, будет обладать и большей властью над другими» [Becker 1973: 814]), опираясь на его утверждение *об эффективности брачного рынка, где высококачественные мужчины образуют пары с высококачественными женщинами* [Беккер 1994: 12], и соглашаясь с тем, что «брак является результатом свободного выбора, и критерии этого выбора различны» [Becker 1973: 814], Иллуз тем не менее видит несколько проблем, которые не учитывает концепция брачных рынков.

Первая из этих проблем заключается в том, что Беккер «рассматривает решения как результат предпочтений, а предпочтения рассматривает как равнозначные и, таким образом, не проводит различия меж-

³ «<...> То есть, принимая во внимание, что красота и сексуальность не обязательно совпадают с социальной стратификацией и могут фактически предоставить менее богатым образованным женщинам альтернативный способ доступа к влиятельным мужчинам, легализация сексуальности представляет собой увеличение числа способов вступления в брак, подрывая, таким образом, традиционную иерархию, основанную на деньгах» [Иллуз 2020: 83].

⁴ «Современный выбор партнёра, основанный на габитусе, или наборе прочных телесных, лингвистических и культурных предрасположенностей, приобретённых в ходе социализации, становится более сложным, поскольку теперь он должен усваивать различные наборы оценок, подталкивающих либо к воспроизводству социального класса, либо к медиакультуре, которая производит огромное количество бесклассовых образов» [Иллуз 2020: 84].

⁵ «Каждый человек, по большому счёту, должен полагаться только на себя, чтобы разгадать, привлекает ли его кто-нибудь и следует ли ему этого человека любить, делая выбор партнёра результатом индивидуального принятия решений, достигнутого благодаря сложному процессу эмоциональной и когнитивной оценки» [Иллуз 2020: 85].

⁶ «Модели, предложенные индустрией моды, начали играть в этом процессе привилегированную роль. Стандартизация красоты и сексуальности, в свою очередь, привела к формированию определённых черт в иерархии сексуальной привлекательности: некоторые люди явно сексуально более привлекательны, чем другие, благодаря хорошо изученным культурным кодексам и нормам» [Иллуз 2020: 86].

ду родительским выбором спутника жизни и выбором потенциальных партнёров» [Иллуз 2020: 88]. По мнению Е. Иллуз, современный выбор перестал ориентироваться на экономические предпосылки выбора партнёра, продиктованные социальной средой или близким окружением, и основывается на саморефлексии субъекта, сексуальных предпочтениях, медиастандартах, которые учитывают многочисленные нужды и могут иметь несколько предпочтений, противоречащих друг другу [Иллуз 2020: 88].

Вторая проблема заключается в *экологии выбора, то есть в том, как регулируется или не регулируется брак*. Неясно, на какие традиции и нормы нужно опираться при выборе партнёра и каких правил придерживаться в отсутствие классовой структуры, находясь в условиях пристального внимания медиакультуры, которая наполнена «бесклассовыми образами».

Третья проблема брачных рынков в том, что они «не являются естественными или универсальными, скорее они представляют собой результат исторического процесса прекращения урегулирования романтических свиданий <...> исчезновение правил эндогамии, с индивидуализацией романтического выбора и распространением конкуренции» [Иллуз 2020: 88]. Здесь Иллуз предлагает использовать вместе с категорией «брачные рынки» понятие «сексуальные поля», которое она эксплицирует из идеи социолога Пьера Бурдьё, считая, что «эти поля предполагают наличие у субъектов неравных ресурсов для конкуренции в конкретной социальной обстановке» [Иллуз 2020: 88] и лучше иллюстрируют состояние романтических отношений современного общества.

Иллуз использует понятийный аппарат Бурдьё, сравнивая «социальный капитал» с «эротическим капиталом», который, по её мнению, стал определяющим при выборе партнёра на рынке романтических отношений. Также она вводит понятие «романтический габитус», который способен детерминировать экономический и эмоциональный типы выбора; Иллуз использует понятие «эмоциональное господство», когда критикует природу современных супружеских обязательств. На примере гендерных исследований автор книги объясняет, почему мужчины больше испытывают страх перед обязательствами, чем женщины, и прибегает к понятию «фобия обязательств» (*commitment phobia*) [Chodorow 1976; Bellah et al. 1985]⁷.

Иллуз приходит к выводу, что «положение человека на брачном рынке — это способ установления его общей социальной ценности, определяемой его успешностью на сексуальном рынке, то есть количеством партнёров и (или) их желанием взять на себя обязательства по отношению к нему. Успешная игра в свидания даёт не только популярность, но также, если смотреть глубже, социальную ценность» [Иллуз 2020: 91].

Деинституционализация брака

Как уже было сказано выше, отсутствие регламентации и институционализации брака привели к кризису семейных отношений. Иллуз связывает это с изменениями самой природы супружеских обязательств и с индивидуализированным образом жизни, характерным для США в начале XXI века. Как пишет Полина Аронсон в книге «Любовь сделай сам: как мы стали менеджерами своих чувств», *любви перестал быть нужен другой* [Аронсон 2020: 86].

Иллуз связывает изменения супружеских обязательств с культурными трансформациями половых ролей. Эти изменения она фиксирует через различные гендерные исследования, иллюстрирующие изменение функционалистской структуры отношений между женщинами и мужчинами. Опираясь на

⁷ Нэнси Ходороу говорит в исследовании о различиях в эмоциональном поведении женщин и мужчин и о разных моделях воспитания в детстве [Chodorow 1976].

данные Бюро переписи населения США⁸, Иллуз говорит об изменении супружеских обязательств, а именно — о трансформации в 1980-х гг. жизненных траекторий людей в отношении брака и семьи. Иллуз также фиксирует определённые тенденции: увеличение возраста вступления в брак (для мужчин — 27 лет; для женщин — 25 лет в 2003 г.), рост числа людей, не вступающих в брак, и домохозяйств, состоящих из одного человека, появление таких категорий, как «жизнь на два дома», когда оба супруга не могут жить вместе по каким-либо причинам [Иллуз 2020: 116–117]. Иллуз связывает эти изменения с возникновением феномена «фобия обязательств», которая стала проявляться в отношениях между полами и создавать неравные условия нахождения в сексуальных полях. Сексуальность и карьерные цели женщин и мужчин имеют темпоральное значение; для женщин они короче из-за деторождения, возраста и биологического фактора. Мужчины на брачном рынке находятся дольше из-за отсутствия подобных ограничений. Эти факторы в сочетании с феноменом фобии обязательств, проявляемой в основном мужчинами, создали несоответствие целей и ожиданий, контроль над которыми в значительной степени лежит на мужчинах [Grossi 2014: 623].

Об изменениях в американском браке пишет социолог Эндрю Черлин в статье «Деинституционализация американского брака» [Cherlin 2004]. Иллуз ссылается на эту работу и объясняет, каким образом конструируются новые семейные отношения, основанные на индивидуальных предпочтениях, а не на коллективных. Черлин считает, что для современного брака становятся важны гибкость, краткосрочность договорных обязательств и возможность выйти из них априори с полным отсутствием обязательств [Cherlin 2004: 848–861].

Также Черлин говорит об ослаблении социальных норм, определяющих поведение людей в браке, и считает, что социальные изменения влияют на ту реальность, к которой традиционные методы неприменимы, а следовательно, нужны новые правила для соответствующих субъектов отношений. Но если такие правила возникнут, то повлекут за собой разногласия и напряжение, которые, с одной стороны, окажутся неизбежны, а с другой, будут рассматриваться в пользу семейных отношений между супругами, потому что нарушение старых правил может способствовать созданию эгалитарных отношений между жёнами и мужьями [Cherlin 2004: 848–849].

Всё это означает, что супружеские пары «больше не полагаются на общее понимание того, как действовать», а, скорее, «должны договариваться о новых способах действия на постоянной основе» [Cherlin 2004: 848]. Подобные изменения проявляются в тенденциях разделения труда, деторождения вне брака, развода, а также сожителства. Этим тенденциям предшествуют два исторических перехода, которые выделяет Черлин: (1) от институционального брака к семейному; (2) к индивидуализированному браку. Несмотря на деинституционализацию брака, ценность самого брака сохраняется, потому что она покрывает личные потребности индивида; это касается самовыражения, престижа и личных достижений [Cherlin 2004: 848].

Заключение

Авторы рецензий на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит?» отмечают как преимущества, так и недостатки этой работы. К достоинствам относят то, как Иллуз удаётся исторически реконструировать социальную основу самости через терапевтическую культуру романтических переживаний, встраивая в свой анализ тенденции различных сфер жизни и пересекая их между собой — от любви до экономики и современной самости, до культурных и институциональных причин романтических страданий [Klesse 2014: 225; Tartari 2014: 176]. Теоретики феминизма считают, что работа Иллуз имеет политиче-

⁸ См. доклад 2001 г. Бюро переписи населения США о числе, сроках и продолжительности браков и разводов [US Census Bureau Report... 2005].

скую цель, и видят в повествовании ориентацию на проблемы женщин и призывы бороться с новыми формами их угнетения, в первую очередь связанными с эмоциональным неравенством [Clavero 2015].

Недостатки работы объясняются малым вниманием Иллуз к проблеме классовой дифференциации: не до конца понятно, как осмысляют свои связи социальные слои, не относящиеся к среднему и высшему классам [Tartari 2014: 176]. «Хотя автор признаёт важность экономической рациональности в основе выбора партнёра, класс остаётся второстепенным в её рассуждениях» [Klesse 2014: 225]. Также не понятно, в каких темпоральных границах происходит анализ позднего модерна: что это за современность и о какой культуре идёт речь? По всей видимости, речь идёт о западных ценностях, которые, по мнению Иллуз, остаются центральными для современности, не имеют пока альтернативы и всё чаще встречаются в других странах. Иллуз имплицитно выделяет контексты из анализа эмпирической части, считая, что это подтверждает её интуитивное понимание темы [Nehring 2013: 1234]. Иллуз обсуждает некоторые аспекты христианства и протестантизма, влияющие на любовный опыт и переплетающиеся с любовными страданиями и экономикой, однако, по мнению исследователей, этого недостаточно, чтобы отразить все аспекты роли религии в отношениях [Tartari 2014: 176].

Можно сделать вывод, что работа Иллуз представляет собой новаторский анализ того, каким стал романтический выбор в современном мире, а именно — зависящим от социокультурного контекста, от исторических изменений, от терапевтического дискурса, медиастандартов и индустрии красоты. Если раньше для заключения брака был важен социально-экономический статус партнёров, то в современном обществе выбор партнёра стал более индивидуализированным и свободным.

Эта книга может найти отклик у социологов, культурологов, психологов, экономистов, антропологов, а также быть полезной и интересной исследователям отношений семьи и эмоций, поскольку она достаточно широко иллюстрирует природу современных романтических отношений и предлагает своё видение категории выбора, который из-за последствий неолиберализма существенно изменился, став как рациональным, так и эмоциональным.

Литература

- Аронсон П. 2021. *Любовь сделай сам: как мы стали менеджерами своих чувств*. М.: Индивидуум.
- Беккер Г. 1994. Выбор партнёра на брачных рынках. *Thesis*. Вып 6: 12–36.
- Иллуз Е. 2020. *Почему любовь ранит? Социологическое объяснение*. Москва; Берлин: Директ-Медиа Пабблишинг.
- Austen J. 2004a. *Emma*. Whitefish, MT: Kessinger Publishing.
- Austen J. 2004b. *Persuasion*. Oxford: Oxford University Press.
- Austen J. 2010. *Pride and Prejudice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Becker G. S. 1973. A Theory of Marriage: Part I. *The Journal of Political Economy*. 81 (4): 814.
- Bellah R. et al. 1985. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. 2002. *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*. London: Sage Publications.

- Bourdieu P. 2005. *The Social Structures of the Economy*. Cambridge: Polity Press.
- Brontë E. 2008. *Wuthering Heights*. Oxford: Oxford University Press.
- Carnevali B., Coccia E. 2016. The Organized Freedom of Love: An Interview with Eva Illouz. *Diogenes*. 61 (1): 84–88.
- Clavero S. 2015. Book Review: Illouz E., Polity Press, Cambridge, 2012, 304 pp. *Feminist Review*. 110 (1): e4–e5.
- Collins R. 1971. Conflict Theory of Sexual Stratification. *Social Problems*. 19 (1): 3.
- Collins R. 1981. On the Microfoundations of Macrosociology. *American Journal of Sociology*. 86 (5): 984–1014.
- Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton: Princeton University Press.
- Coontz S. 2005. *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage*. New York: Viking.
- Cherlin A. J. 2004. The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*. 66 (4): 848–861.
- Chodorow N. 1979. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley: University of California Press.
- Derrida J. 1977. *Deconstruction in a Nutshell: A Conversation with Jacques Derrida* (ed. J. Caputo). New York: Fordham University Press.
- Derrida J. 1986. *Mémoires: For Paul de Man*. New York: Columbia University Press.
- Klesse C. 2014. Book Review: Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*, Polity, London, 2012, 300pp. *The Sociological Review*. 62 (1): 224–226.
- Freud S. 1953. Being in Love and Hypnosis. In: Strachey J. (ed.) *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Vol. XVIII. London: Hogarth Press; the Institute of Psychoanalysis; 112.
- Grossi R. 2014. Book review: Eva Illouz (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Polity Press, 293 pp. *Journal of Sociology*. 50 (4): 623–624.
- Giddens A. 1992. *The Transformation of Intimacy*. Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. 1997. *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. Berkeley: The University of California Press.
- Illouz E. 2007. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Oxford; Malden, MA: Polity Press.
- Illouz E. 2008. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley, CA: University of California Press.

- Illouz E. 2012. *Why Love Hurts: Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. 2018. *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Kierkegaard S. 1944. *Either / Or*. Princeton: Princeton University Press.
- Nehring D. 2013. Book Review: Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation* Cambridge: Polity Press, 2012, 300 pp. *Sociology*. 47 (6): 1233–1239.
- Nietzsche F. 2003. *The Genealogy of Morals*. New York: Courier Dover Publications.
- Savani K., Markus H., Conner A. 2008. Let Your Preference Be Your Guide? Preferences and Choices are More Tightly Linked for North Americans Than for Indians. *Journal of Personality and Social Psychology*. 95 (4): 861–876.
- Tartari M. 2014. Reviews: *Sociology of Culture: Eva Illouz, Why Love Hurts*, Polity: Cambridge, 2012; 300 pp. *International Sociology Reviews*. 29 (2): 174–177.
- Weber M. 1970. Science as a Vocation. In: Gerth H. H., Mills C. W. (eds) *From Max Weber: Essays in Sociology*. Oxford: Oxford University Press; 129–156.
- Weber M. 2002. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Routledge.
- US Census Bureau Report. 2005. *Number, Timing and Duration of Marriages and Divorces: 2001*. URL: <https://www2.census.gov/library/publications/2005/demo/p70-97.pdf>

NEW BOOKS

Nina A. Lyubinarskaya

Reason vs Feeling: Appearance of New Ecology of Choice in the Romantic Sphere of the Individual

Book Review: Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe obyasnenie* [Why Love Hurts? Sociological Explanation], Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House. 400 p. (in Russian).

LYUBINARSKAYA, Nina — Abstract

MA in Sociology; laboratory assistant at the Sociology of Religion Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University. Address: 23B Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

Email: nina.lyubinarskaya@gmail.com

The book review considers ideas and contemporary trends related to the sensual sphere of the individual and romantic relationships. In this book, Illouz writes about the consequences of modernism and the social conditioning of love, which is reflected in the romantic sphere. Her idea is that the institutions of modernism have led to the dominance of ideology of individualism, self-realization, political emancipation, independence, and free choice, and have changed personal ideas about what love should be and what romantic relationships can be. New forms of life have given rise to a “new ecology of choice” where choices are made based on culture and the sexualized discourse rather than personal preferences. In addition to using the works of well-known sociologists, Illouz's argumentation is also based on empirical material. She analyses English novels of the XVIII–XIX centuries and modern novels about love and relationships, as well as self-help books and dating sites, soap operas, Internet blogs, and data coming from 70 interviews with men and women, aged 25 to 67, all of them with post-secondary degrees and living in three metropolitan areas in Europe, USA, and Israel. The sample included single people divided by three parameters: never married; married, but now divorced and currently single; and married people. Comparing these worlds, she tries to reconstruct the image of romantic relationships from the point of view of traditional culture and modernity. The purpose of the author is to show how the attitude of modern society to love, marriage, “love suffering”, and the relationship in general, have changed. Illouz problematizes the idea of marriage markets by Gary Becker, and writes about the crisis of family relations and the changing nature of marital obligations caused by the deinstitutionalization of marriage and the proliferation of individualized lifestyles.

Keywords: romantic relationship; modernity; architecture choice; individualism; therapeutic discourse; neo-liberalism.

References

- Aronson P. (2021) *Lyubov': sdelay sam. Kak my stali menedzherami svoikh chuvstv* [Love: Do-It-Yourself. How We Become Managers of Our Feelings], Moscow: Individuum (in Russian).
- Austen J. (2004a) *Emma*, Whitefish, MT: Kessinger Publishing.
- Austen J. (2004b) *Persuasion*, Oxford: Oxford University Press.
- Austen J. (2010) *Pride and Prejudice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Becker G. S. (1973) A Theory of Marriage: Part I. *The Journal of Political Economy*, vol. 81, no 4, p. 814.
- Becker G. S. (1994) Vybor partnera na brachnykh rynkakh [Assortative Mating in Marriage Markets]. *Thesis*, iss. 6, pp. 12–36 (in Russian).
- Bellah R., Sullivan W., Swidler A., Tipton S. (1985) *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*, Berkeley: University of California Press.
- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2002) *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*, London: Sage Publications.
- Bourdieu P. (2005) *The Social Structures of the Economy*, Cambridge: Polity Press.
- Brontë E. (2008) *Wuthering Heights*, Oxford: Oxford University Press.
- Carnevali B., Coccia E. (2016) The Organized Freedom of Love: An Interview with Eva Illouz. *Diogenes*, vol. 61, no 1, pp. 84–88.
- Clavero S. (2015) Book Review: Eva Illouz, Polity Press, Cambridge, 2012, 304 pp.. *Feminist Review*, vol. 110, no 1, pp. e4–e5.
- Collins R. (1971) Conflict Theory of Sexual Stratification. *Social Problems*, vol. 19, no 1, pp. 3.
- Collins R. (1981) On the Microfoundations of Macrosociology. *American Journal of Sociology*, vol. 86, no 5, pp. 984–1014.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton: Princeton University Press.
- Coontz S. (2005) *Marriage, a History: From Obedience to Intimacy or How Love Conquered Marriage*. New York: Viking.
- Cherlin A. J. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*, vol. 66, no 4, pp. 848–861.
- Chodorow N. (1979) *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*, Berkeley: University of California Press.
- Derrida J. (1977) *Deconstruction in a Nutshell: A Conversation with Jacques Derrida* (ed. J. Caputo), New York: Fordham University Press.
- Derrida J. (1986) *Mémoires: For Paul de Man*, New York: Columbia University Press.
- Klesse E. (2014) Book Review: Illouz E. Why Love Hurts: A Sociological Explanation, Polity, London, 2012, 300 pp. *The Sociological Review*, vol. 62, no 1, pp. 224–226.
- Freud S. (1953) Being in Love and Hypnosis. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, vol. XVIII (ed. J. Strachey), London: Hogarth Press; the Institute of Psycho Analysis, p. 112.

- Grossi R. (2014) Book Review: Eva Illouz (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Polity Press, 293 pp. *Journal of Sociology*, vol. 50, no 4, pp. 623–624.
- Giddens A. (1992) *The Transformation of Intimacy*, Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (1997) *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*, Berkeley: The University of California Press.
- Illouz E. (2007) *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*, Oxford, Malden, MA: Polity Press.
- Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: Sociological Explanation*, Cambridge: Polity Press.
- Illouz E. (2018) *The End of Love: A Sociology of Negative Relations*, Oxford: Oxford University Press.
- Illouz E. (2020) *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe obyasnienie* [Why Love Hurts? Sociological Explanation], Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House (in Russian).
- Kierkegaard S. (1944) *Either / Or*, Princeton: Princeton University Press.
- Nehring D. (2013) Book Review: Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation* Cambridge: Polity Press, 2012, 300 pp. *Sociology*, vol. 47, no 6, pp. 1233–1239.
- Nietzsche F. (2003) *The Genealogy of Morals*, New York: Courier Dover Publications.
- Savani K., Markus H., Conner A. (2008) Let Your Preference Be Your Guide? Preferences and Choices are More Tightly Linked for North Americans Than for Indians. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 95, no 4, pp. 861–876.
- Tartari M. (2014) Reviews: *Sociology of Culture* Eva Illouz, *Why Love Hurts*, Polity: Cambridge, 2012; 300 pp.: ISBN 9780745661520, US\$16.24. *International Sociology Reviews*, vol. 29, no 2, pp. 174–177.
- Weber M. (1970) Science as a Vocation. *From Max Weber: Essays in Sociology* (eds. H. H. Gerth, C. W. Mills, Oxford: Oxford University Press, pp. 129–156.
- Weber M. (2002) *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Routledge.
- US Census Bureau Report (2005) *Number, Timing and Duration of Marriages and Divorces: 2001*. Available at: <https://www2.census.gov/library/publications/2005/demo/p70-97.pdf> (accessed 7 July 2022).

Received: June 30, 2022

Citation: Lyubinarskaya N. (2022) Razum vs. chuvstva: vznikovenie novoy ekologii vybora v romanticheskoy sphere individa [Reason vs Feeling: Appearance of New Ecology of Choice in the Romantic Sphere of the Individual. Book review on Illouz E. 2020. *Pochemu lyubov' ranit? Sotsiologicheskoe obyasnienie* [Why Love Hurts? Sociological Explanation], Moscow; Berlin: Direct Media Publishing House. 400 p. (in Russian)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 96–109. doi: 10.17323/1726-3247-2022-4-96-109 (in Russian).

ДИСКУССИИ

Д. Б. Литвинцев

Жалобы — не подарок: дисфункциональность института жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России

ЛИТВИНЦЕВ Денис Борисович — кандидат социологических наук, ассистент кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета.
Адрес: 630008, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленинградская, д. 113.

Email: denlitv@inbox.ru

Жалобы, их формы и функции, а также их институционализация в различных отраслях экономики всё чаще становятся объектом исследования учёных по всему миру. Представления о социально-психологической природе жалоб позволяют предположить определённую дисфункциональность соответствующего института, что снижает его эффективность, но при этом не исключает его дальнейшее существование, по О. С. Сухареву. Настоящая статья отражает результат заочной дискуссии с представителем новосибирской экономико-социологической школы О. Э. Бессоновой — автором серии статей о пользе жалоб как сигнального института нерыночного типа. В основе дискуссии лежит полемика относительно эффективности и функциональности жалоб в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России. Авторская позиция заключается в том, что рассматриваемый институт не является в полной мере эффективным в силу различных обстоятельств. Дисфункциональность жалоб демонстрируется на различных кейсах институционального злоупотребления, одним из результатов чего становится мимикрия института, по Е. В. Балацкому (жалоба как донос). Отдельное внимание уделено феномену бюрократических (канцелярских) отписок на жалобы, рассматриваемому как институциональная ловушка, по В. М. Полтеровичу. Проанализирована проблема ложных сигналов и их последствий. Проведено сравнение преимуществ личного обращения как неформального способа решения проблемы против формальной письменной жалобы. При этом отмечена роль трансакционных издержек в выборе того или иного способа подачи жалобы. В заключении даётся прогноз о снижении функциональности института жалоб в современных российских условиях применительно к сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; институт жалоб; сигнальный институт; эффективность института; дисфункция института; институциональное злоупотребление; институциональная ловушка; мутация института; мимикрия института; бюрократическая отписка.

Введение

Сфера жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) в России является объектом исследования специалистов в различных областях научного знания, что требует зачастую междисциплинарного подхода, объединяющего методологию экономики, социологии и юриспруденции. В фокус подобных исследований попадают различные институциональные проблемы отрасли,

находящие своё отражение в многочисленных жалобах потребителей жилищно-коммунальных услуг на всех уровнях социальной иерархии. По данным Некоммерческого партнёрства «ЖКХ-Контроль», в 2021 г. первые места в рейтинге жалоб в сфере ЖКХ занимали обращения, связанные с неудовлетворительным содержанием и ремонтом общего имущества в многоквартирном доме (МКД), начислением платы за жилищно-коммунальные услуги, а также непосредственно управлением МКД¹. При этом сфера ЖКХ является одной из наиболее зарегулированных в России и находится в центре внимания многочисленных контрольно-надзорных органов. Количество всевозможных ресурсов в Интернете, через которые могут обратиться собственники МКД с жалобой на работу управляющей компании (УК), ежегодно растёт.

В 2018 г. в журнале «Вопросы экономики» была опубликована статья О. Э. Бессоновой, название которой начинается со слов «Жалобы как подарок». Именно в таком дискурсе, который изначально был задан Дж. Барлоу и К. Мёллером, авторами одноименной книги [Барлоу, Мёллер 2006], рассматривался данный сигнальный институт как канал обратной связи нерыночного типа, обеспечивающий «подарками» рыночных стратегов [Бессонова 2018: 144]. Позиция О. Э. Бессоновой в этой и более поздних статьях преимущественно сводится к рассмотрению позитивной (эффективной) функциональности института жалоб, зачастую игнорируя его явные и латентные дисфункции, связанные с различными обстоятельствами.

Цель настоящей статьи — показать и проанализировать дисфункциональность института жалоб применительно к сфере российского ЖКХ, а именно рынка управления МКД, ключевыми игроками на котором являются частные УК. Теоретико-методологическую основу исследования составили как непосредственно работы О. Э. Бессоновой, так и теория дисфункций институтов и систем О. С. Сухарева, допускающая существование социально-экономических институтов даже при глубокой дисфункции [Сухарев 2014], теория институциональных ловушек В. М. Полтеровича, предполагающая устойчивость неэффективных норм [Полтерович 1999], а также теория мутации и мимикрии институтов Е. В. Балацкого [Балацкий 2007].

Жалоба как социально-психологический феномен

Жалоба² является результатом неудовлетворённости либо чувства несправедливости и (или) несправедливого обращения, подаётся официально и в письменной форме [Uradhyau 2019]. В то же время феномен жалобы с его мощными культурно-эмоциональными компонентами выходит далеко за рамки официального обращения к властям [Bogdanova 2021].

Оба подхода фиксируют, с одной стороны, неформальную составляющую жалоб, с другой стороны — её институциональность. В различных сферах разных стран существуют те или иные правила подачи обращений, а также порядок подготовки ответов на них, в том числе сроки и санкции за их нарушение. Жалобы имеют решающее значение для компаний по управлению недвижимостью, и они должны быть разрешены немедленно, чтобы поддерживать должный уровень удовлетворённости жильцов качеством оказываемых услуг [Yusop, Azmi, Azlan 2022].

Жалобы могут быть как внешними, так и внутренними. Исследователи внутренних жалоб отмечают, что управление ими должно осуществляться через восприятие организационной справедливости [Preuss, Santini, Marconatto 2022]. Рассуждая о внешних жалобах в сфере ЖКХ, можно также говорить о

¹ См.: Составлен рейтинг проблем в сфере ЖКХ. Российская газета. 2022. 21 апреля. URL: <https://rg.ru/2022/04/21/sostavlen-rejting-problem-v-sfere-zhkh.html>

² О. Э. Бессонова использует термин «жалоба-обращение», акцентируя внимание на аспекте социальной коммуникации между субъектами. В рамках настоящей статьи под «жалобами» будет пониматься именно это.

справедливости: большинство собственников МКД ожидают справедливого отношения к ним со стороны УК и соответствующего разрешения возникающих проблем в процессе эксплуатации МКД. В противном случае лояльность собственников как потребителей жилищно-коммунальных услуг падает.

Исследование в близкой к ЖКХ сфере социального призрения (дома престарелых) показали, что количество жалоб растёт в организациях с высокой текучестью административного персонала [Qiu, Straker, Abbott 2021]. Проблема кадров в ЖКХ стоит достаточно остро в России, а их текучесть сказывается на снижении эффективности решения различных проблем, а значит, в конечном счёте, и на росте жалоб от собственников МКД. Большую роль играет эмоциональная связь между отдельными работниками УК и собственниками МКД. Неслучайно исследователи жалоб в автомобильной промышленности отмечают, что в последнее время усилия автопроизводителей направлены на удовлетворение эмоций клиентов, а не на устранение неисправностей [You 2022]. Подобная тенденция наблюдается и в сфере ЖКХ: именно эмоции зачастую руководят собственниками МКД при обращении в УК, и совсем не обязательно они связаны с действительно серьёзными проблемами дома, требующими незамедлительного решения.

Как искусственная, так и природная среда оказывают физиологическое и психологическое воздействие на поведение людей, что потенциально влияет на их чувствительность и толерантность к окружающему шуму и приводит к раздражению и агрессивному поведению, такому как жалобы на шум в отношении своих соседей [Wang, Liu, Corcoran 2021]. Эти выводы ещё раз подчёркивают немаловажную роль эмоций как причину жалоб. В сфере российского ЖКХ на этот счёт существует расхожее мнение о так называемом «сезонном обострении» — периоде повышенной активности жалобщиков в течение года.

Широко распространено заблуждение, что большинство жалоб в медицинской сфере связаны с плохим уходом за пациентами, клинической небрежностью или ошибками в диагностике и лечении. Тем не менее исследователи отмечают, что большинство жалоб возникает именно из-за недопонимания между врачом и пациентом [Akunjee et al. 2010]. Отсутствие понимания в сфере ЖКХ между собственниками МКД и сотрудниками УК — также немаловажный детерминант жалоб. В то же время работа с жалобами в банковской сфере напрямую связана с доверием к организации [Нигман 2021], что представляется чрезвычайно важным аспектом и в управлении МКД в России.

Исследователи жалоб в сфере туризма подчёркивают, что необходимо выработать механизмы упреждения жалоб, а не их сокращения [Aksoy, Yilmaz 2022]. Такой подход актуален и в сфере ЖКХ, однако он закономерно поднимает вопрос о необходимости института жалоб как такового. Более того, жалоба может рассматриваться как нападение на профессиональный опыт и личность, что способно привести к оборонительной позиции отдельного работника или целой организации [Schalkwijk 2021]. Подобное нередко наблюдается в работе УК по отношению к отдельным собственникам МКД, что в том числе порождает феномен канцелярских (бюрократических) отписок, то есть формальных ответов не по существу [Пучкова 2011] — ответов ради самого ответа, а не ради решения обозначенной проблемы.

Имея социально-культурную и психологическую природу, жалобы так или иначе формализуются, и в своих исследованиях О. Э. Бессонова достаточно убедительно показала процесс становления института жалоб в России. При этом необходимо отметить, что институт жалоб находится в постоянном симбиозе как с другими жилищными институтами, возникшими в процессе приватизации жилья в России [Литвинцев 2021а], так и с другими институтами информаторства [Пальцун 2017].

Жалобы и институциональное злоупотребление

О. Э. Бессонова отмечает, что частные УК, пришедшие на смену государственным структурам в процессе реформы ЖКХ, столкнулись с чрезмерным потоком жалоб на накопившиеся за весь советский

период проблемы [Бессонова 2021]. Но только ли в накопившихся проблемах дело? Представляется, что эффективное функционирование института возможно исключительно при наличии механизмов, препятствующих *институциональному злоупотреблению*. В данном случае — злоупотреблению возможностью жаловаться, используя институциональные механизмы³.

Должны быть институционально установлены пределы осуществления гражданских прав. Несмотря на то что подобные нормы содержатся в российском законодательстве⁴, они, очевидно, недостаточны. Первое и самое главное упущение, которое способствует институциональному злоупотреблению, это отсутствие ограничений на количество поданных жалоб заявителями. Обратимся к некоторым примерам.

Кейс 1. Собственник помещения в МКД имеет право и фактическую возможность обращаться в свою УК неограниченное количество раз. Цифровизация процесса подачи жалоб усугубляет данную ситуацию. При этом УК будет вынуждена, руководствуясь действующими институциональными предписаниями, реагировать на каждое обращение и направлять письменный ответ. Что произойдёт, если несколько собственников начнут ежедневно обращаться в УК с различными запросами? Вариантов исхода подобной ситуации несколько. Специалисты УК, «захлебнувшись» в потоке жалоб, начнут пропускать сроки ответов (на некоторые виды обращений сроки составляют 1–3 рабочих дня), а их качество и информативность неизбежно начнут снижаться. В то же время они будут вынуждены тратить больше времени на переписку, а не на выполнение других более значимых обязанностей по управлению МКД.

Кейс 2. Следствием предыдущего кейса является потенциальный рост жалоб в органы государственного жилищного надзора (вертикальный лифт жалоб на более высокий уровень социальной иерархии), что приведёт к многочисленным проверкам в силу опять же отсутствия ограничений на количество обращений собственников МКД. В конечном счёте рост нагрузки на деятельность УК может не только не привести к положительному результату, но, наоборот, большинство сотрудников УК будут задействованы в прохождении постоянных выездных и документарных проверок вместо выполнения плановых работ.

Кейс 3. Финальной точкой подобной цепочки жалоб, с одной стороны, может стать отказ УК от управления «проблемным» МКД. С другой стороны, возможен рост числа попыток рейдерского захвата данного дома со стороны конкурентов в силу того, что действующая УК не справляется с потоком жалоб и проверок контрольно-надзорных органов.

Безусловно, все участники гражданско-правовых отношений должны действовать добросовестно и разумно, что также закреплено в формальных правилах. Речь фактически идёт о добросовестности социальных субъектов в отношении взаимодействия с различными институтами, в том числе с институтом жалоб. Но каким образом социальная система обеспечивает эту добросовестность? Для ответа на данный вопрос необходимо рассмотреть различные цели, с которыми подаются жалобы в сфере ЖКХ.

1. *Реальная жалоба.* Обращение с целью информирования и решения действительно существующей проблемы. Пожалуй, это единственный вид жалобы, который характеризует социального субъекта как добросовестного собственника МКД. В данном случае ни о каком институциональном злоупотреблении речь не идёт, так как заявитель преследует конкретную цель, достижение которой связано с удовлетворением коллективной потребности.

³ Речь идёт именно о злоупотреблении институциональными возможностями, а не о насилии института по отношению к социальным субъектам. В зарубежной литературе в обоих случаях применяется термин *institutional abuse*.

⁴ Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации «Пределы осуществления гражданских прав».

2. *Ошибочная жалоба.* Обращение собственника МКД по поводу несуществующей проблемы или проблемы, не относящейся к компетенции УК. Подобная ситуация свидетельствует скорее не о недобросовестности собственника, а об институциональном сбое в части жилищного просвещения. Жилищные отношения предполагают умение владеть, пользоваться и распоряжаться своим жилищем, в том числе общим имуществом в МКД, что предопределяет конкретный набор знаний и умений, который должен приобрести индивид в процессе социализации с помощью её агентов. Этот процесс, однако, осложняется чрезмерной перегруженностью жилищного законодательства, нередко его противоречивостью и двусмысленностью трактовок.

3. *Импульсивная жалоба.* Таковы обращения, в большей степени продиктованные эмоциональным состоянием заявителя. Согласно классификации типов социального действия М. Вебера, подобные жалобы могут рассматриваться как аффективные действия, не связанные с преследованием какой-либо цели и в то же время не основанные на ценностях и традициях. Поток именно этих жалоб наблюдается в условиях «сезонного обострения»⁵, что достаточно тяжело поддаётся контролю с точки зрения их минимизации. В то же время подобные жалобы также не связаны с недобросовестностью социальных субъектов, поскольку не могут быть оценены с позиции рациональности. Примечательно, что о подобных жалобах нередко забывают сами заявители, они удивляются, когда контрольно-надзорные органы оповещают их о месте и времени проверки.

4. *Жалоба как донос.* В данном случае заявитель не преследует цели решить конкретную проблему, ему важен сам факт обращения (жалоба ради жалобы). Это может свидетельствовать о различных недобросовестных намерениях. Увеличивая поток таких обращений и создавая дополнительную нагрузку на УК, собственники МКД рискуют поставить УК в невыгодное положение на рынке, что снизит её конкурентоспособность и может повлечь выход МКД из-под управления, что грозит лишением лицензии. В этом смысле жалобы становятся сродни доносам, а институт жалоб начинает мимикрировать⁶: внешне выполняя сигнальную функцию, связанную с информированием и решением проблем, фактически он становится инструментом для недобросовестной конкуренции.

5. *Жалоба как средство общения.* Подобное нередко наблюдается у пожилых людей, чьи обращения зачастую представляют собой целое повествование о многочисленных проблемах, накопившихся за долгие годы жизни. Причём в данном случае речь может идти не только о проблемах в сфере ЖКХ, но и о проблемах в других подсистемах российского социума (экономика, политика и др.). Целью заявителей может быть не столько информирование о конкретных проблемах для их решения, сколько общение с должностными лицами, специалистами и т. п. Жалоба становится средством повседневной коммуникации, недостаток которой зачастую как раз и испытывают пожилые люди и люди с ограниченными возможностями здоровья. В некотором смысле это также может рассматриваться как злоупотребление институтом.

Социальная система должна поддерживать добросовестность социальных отношений в сфере ЖКХ (и не только), во-первых, через жилищное просвещение как компонент социализации, во-вторых, наличием соответствующих санкционных механизмов за институциональное злоупотребление. Недостаток

⁵ Речь идёт о сезонном аффективном расстройстве (Seasonal Affective Disorder, SAD). Данный тип депрессии, связанный со сменой времен года, начинается и заканчивается в одно и то же время. Симптомы проявляются, как правило, осенью и продолжают в зимние месяцы, истощая энергию и вызывая плохое настроение. Исчезают симптомы зачастую в весенне-летний период года.

⁶ Под мимикрией института понимается «такое изменение содержания института, которое обеспечивается при минимальном изменении его внешней формы» [Балацкий 2007: 48]. Несмотря на то что Е. В. Балацкий рассматривал мимикрию как эволюцию института, в рамках настоящей статьи она рассматривается как дисфункция. Если Е. В. Балацкий рассматривает мимикрию как частный случай мутации института, то в теории дисфункций О. С. Сухарева устойчивость к мутации есть показатель функциональности института [Сухарев 2014: 2–3].

жилищного просвещения активно обсуждался фактически на всех этапах реформы ЖКХ [Литвинцев 2021b]. В то же время это не должно исключать клиентоориентированность самих УК, чья работа предполагает в том числе поиск общего языка с собственниками МКД. Что касается злоупотребления в отношении жалоб, то данный институт защищён минимально. Институционально установлены следующие причины отказа в рассмотрении обращений: отсутствие персональных данных (в том числе необходимых для идентификации заявителя и необходимых для отправки ответа), текст не поддается прочтению (например, неразборчивый почерк), наличие в тексте оскорблений или нецензурных обращений, угроз должностному лицу⁷. Организация вправе принять решение о прекращении переписки в случае, если последующие обращения содержат вопросы, на которые ранее были даны ответы по существу⁸, а заявитель об этом должен быть проинформирован. Всё это фактически порождает цикличность переписки и многочисленные бюрократические (канцелярские) отписки.

Отписка — неотъемлемая часть института жалоб, снижающая его эффективность. Её появление напрямую связано с наличием институциональной ловушки — неэффективной, устойчивой нормой [Полтерович 1999] обязательного письменного ответа на любое обращение даже в случае отказа рассмотреть его по существу. При этом неэффективность этой нормы обусловлена недобросовестностью отдельных участников сферы ЖКХ (в первую очередь собственников МКД), что и проявляется в институциональном злоупотреблении.

Жалобы и ложные сигналы

О. Э. Бессонова отмечает, что накопление жалоб на определённом уровне превращает их в латентные, а «переполнение» ими приводит к «выплескиванию резервуара» высшему руководству страны [Бессонова 2020: 94]. В качестве примера приводятся жалобы социально-служебных слоёв населения на невозможность приобрести жилье в России, что способствовало развитию льготной ипотеки. Эффективность института жалоб, продемонстрированная на данном примере, вызывает сомнения. Ипотечная кабала как решение государством жилищного вопроса отдельных слоёв населения не разгружает поток жалоб, а скорее перенаправляет его в другом направлении.

Далеко не всегда накопление жалоб на одном уровне способствует решению проблемы за счёт их подъёма на другой, более высокий в сфере ЖКХ. Рост числа жалоб собственников МКД на УК, безусловно, рано или поздно перенаправит этот поток в органы жилищного надзора, но, скорее всего, на этом уровне и останется. Имеется немало нерешённых проблем в сфере ЖКХ, жалобы на которые цикличны; круг замыкается между собственниками МКД, УК и контрольно-надзорными органами. Имей этот поток выход на уровень выше (что фактически было возможно в условиях раздаточной экономики СССР), жилищная политика в современной России была бы более доказательной и накопление жалоб рано или поздно действительно способствовало бы более эффективному принятию решений в процессе реформирования ЖКХ.

Вышесказанное свидетельствует о дисфункциональности института жалоб как сигнального по отношению не только к конкретным объектам ЖКХ, но и ко всей сфере. В то же время институт жалоб может давать и ложные сигналы. Хорошо известна стратегия рейдерского захвата МКД в России [Залпов 2013] через искусственное увеличение потока жалоб в контрольно-надзорные органы, в связи с

⁷ Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая 2006 г. применяется исключительно в сфере государственного и муниципального управления и не распространяет рассмотренные ограничения на обращения собственников МКД непосредственно в УК.

⁸ Целесообразно отметить, что в российском законодательстве отсутствует определение понятия «ответ по существу», несмотря на то что оно активно применяется в вышеупомянутом Федеральном законе № 59-ФЗ. В рамках настоящей статьи задачей автора не являются уточнение данного оценочного понятия и выделение критериев существенности ответа.

чем можно говорить о мутации института⁹. Вследствие институционального злоупотребления институт жалоб начинает давать ложные сигналы относительно конкретного объекта управления, переключая внимание с реальной проблемы (нарушения права и законных интересов собственников МКД в части выбора УК) на мнимые.

Опасность искусственного увеличения потока жалоб может в том числе привести к уходу от реально существующих в доме проблем. Результат этого фактически описан в басне Эзопа о мальчике-пастухе, который постоянно обманывал жителей деревни и кричал «Волки!». В данном случае можно говорить о том, что сигналы института жалоб в определённых условиях могут начать попросту игнорироваться, что не только не будет способствовать совершенствованию жилищной политики, но и решению конкретных проблем. От подобной ситуации рассматриваемый институт также плохо защищён, как и от институционального злоупотребления.

Ещё одним серьёзным последствием перегрузки сигналами от института жалоб может служить переход от планового обслуживания МКД к аварийному, что наблюдается в ряде УК. Институт жалоб при злоупотреблении им со стороны собственников МКД начинает перестраивать все управленческие и производственные процессы в организации, что приводит к снижению её эффективности. Сотрудники УК начинают работать исключительно по жалобам, и возникает ситуация, описываемая недовольными жильцами как «они ничего не делают пока не пожалуешься».

Формальная жалоба и неформальное решение

О. Э. Бессонова отмечает, что институт жалоб генерирует новые идеи и практики [Бессонова 2018: 145], примером чего является неформализованная часть института — гражданские протесты. В то же время хотелось бы обратить внимание на такое обстоятельство, как последствия формальной жалобы при возможности неформального решения того или иного вопроса.

Простой пример: для проведения текущего ремонта общего имущества (например, покраска подъезда) требуется решение общего собрания собственников МКД¹⁰. Направляя жалобу в УК с требованием провести ремонт без подобного решения, собственник получит официальный ответ с отказом, основанный на формальных правилах и нормах. Важно то, что в дальнейшем этот ответ обяжет УК придерживаться подобной позиции, что помешает решению данного вопроса неформальным способом. Дальнейшие жалобы в контрольно-надзорные органы могут также не дать результата.

Всегда существует выбор: обратиться в письменной форме с претензией в УК или записаться на приём к её руководителю. Первое не исключает второго, однако письменная жалоба существенно снижает эффективность личного общения. В отсутствие письменного ответа у руководителя УК остаётся возможность для управленческого манёвра и неформального решения проблемы (например, найти сторонние источники финансирования для проведения ремонта подъездов, что, без сомнения, было бы в интересах собственников МКД).

Важно отметить, что официальный ответ УК направляется тем же способом, каким была направлена жалоба¹¹. Иначе говоря, личное обращение, будучи формальным на первый взгляд, предполагает и неформальную составляющую — возможность лично договориться с руководителем УК, что исключено

⁹ При мутации института меняется не только структура самого института, но и его целевые установки [Балацкий 2007].

¹⁰ Это предписано статьёй 44 Жилищного кодекса Российской Федерации («Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме»).

¹¹ Это предусмотрено «Правилами осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами», утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации № 416 от 15 мая 2013 г.

после письменного или электронного запроса в силу необходимости официального ответа. Это может также рассматриваться как неинституциональный способ решения проблемы, потенциально исключая восприятие жалобы как нападение на профессионализм УК, и не провоцировать дальнейшие бюрократические отписки. Очевидно, что изначально выбор между формальной письменной жалобой и личной встречей с руководителем УК продиктован транзакционными издержками. Отправить по электронной почте жалобу на официальный адрес гораздо проще и быстрее, чем подстроить свой график под часы приёма должностного лица, потратить время и денежные средства на дорогу и т. п. (тем более если речь идёт о жалобе ради жалоб, что было рассмотрено выше).

Таким образом, незащищённость социального института жалоб от институционального злоупотребления в условиях недобросовестности отдельных социально-экономических субъектов снижает его эффективность и порождает различные институциональные ловушки, одной из которых становится бюрократическая (канцелярская) отписка. Защиту института жалоб от злоупотребления в сфере ЖКХ должна обеспечивать социальная система через социализацию (жилищное просвещение) и внедрение соответствующих санкционных механизмов. Эксплуатация института жалоб в корыстных целях способствует его мимикрии; жалобы ради жалоб (в том числе жалобы-доносы) содействуют нечестной конкурентной борьбе между УК, а не решению реальных проблем в управлении МКД. В отдельных случаях институт жалоб мутирует и перестаёт выполнять сигнальную функцию или, наоборот, начинает давать ложные сигналы, что отражается на снижении эффективности работы уже самой УК. Формализация жалоб снижает возможность неформального решения различных вопросов в сфере ЖКХ, что обусловлено необходимостью УК следовать обязательным официальным ответам на письменные обращения, основанным на формальных правилах и нормах. Социально-экономические субъекты руководствуются степенью транзакционных издержек, что определяет их выбор того или иного способа подачи жалобы.

Литература

- Балацкий Е. В. 2007. Мутации и мимикрия экономических институтов. *Экономика образования*. 2: 47–60.
- Барлоу Дж., Меллер К. 2006. *Жалоба как подарок: обратная связь с клиентом — инструмент маркетинговой стратегии*. М.: ЗАО «Олимп—Бизнес».
- Бессонова О. Э. 2018. Жалобы как подарок: нерыночный сигнал обратной связи в контексте теории Хиршмана и российской практики. *Вопросы экономики*. 12: 139–149.
- Бессонова О. Э. 2020. Гражданские протесты как неформализованная часть института административных жалоб. *Общественные науки и современность*. 1: 89–101.
- Бессонова О. Э. 2021 Трансформация института административных жалоб в гражданские формы. *Экономическая социология*. 22 (2): 11–25. URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-11-25>
- Залпов Н. В. 2013. Проблема рейдерства в сфере жилищно-коммунального хозяйства. *Право и политика*. 10: 1402–1407.
- Литвинцев Д. Б. 2021а. Формирование жилищных классов, институтов общего имущества и общего собрания как результат приватизации жилья в России. *Общество и экономика*. 1: 71–80.
- Литвинцев Д. Б. 2021б. 30 лет приватизации жилья в России: удалось ли воспитать ответственных собственников? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2 (162): 186–212.

- Пальцун И. Н. 2017. Государственное финансирование института информаторства: история и современность. *Экономика, предпринимательство и право*. 7 (1): 17–31.
- Полтерович В. М. 1999. Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*. 35 (2): 3–20.
- Пучкова А. В. 2011. Функционирование топосов как средств аргументации в речевом жанре канцелярской отписки. *Теория и практика общественного развития*. 2: 371–374.
- Сухарев О. С. 2014. Дисфункция институтов и систем: теоретические основы. *Экономические системы*. 2: 2–11.
- Aksoy M., Yilmaz Ö. 2022. Consumer Complaints and Complaint Management in the Tourism Sector. In: Grima S., Özen E., Romānova I. (eds) *Managing Risk and Decision Making in Times of Economic Distress*. Part A: Contemporary Studies in Economic and Financial Analysis. Vol. 108A. Bingley: Emerald Publishing Limited; 95–111.
- Akunjee M. et al. 2010. *The Easy Guide to OSCEs for Communication Skills*. 1st ed. Boca Raton, FL: CRC Press.
- Bogdanova E. 2021. Complaints to the Authorities in Russia: A Trap Between Tradition and Legal Modernization. 1st ed. London: Routledge.
- Hiqmah F. 2021. Exploring Complaint and Complaint Management on Indonesia's Banking Industries. *International Journal of Business, Economics and Law*. 25 (1): 68–77.
- Preuss M., Santini F. O., Marconatto D. A. B. 2022. Complaint Management: The Impact of Post-Complaint Satisfaction on Organizational Behavior. *RAM. Revista de Administração Mackenzie*. 23 (2): eRAMG220145, URL: <https://www.scielo.br/j/ram/a/Np6Dzm9XfDz4rdQtGVbW5Wf/?format=pdf&lang=en>
- Qiu X., Straker J., Abbott K. 2021. When is a Nursing Home Complaint Really a Complaint? Making Sense Out of Increased Complaints in U.S. Nursing Homes. *Innovation in Aging*. 5 (1): 846.
- Schalkwijk F. W. 2021. *Schaamte en schuld door een klacht* [Shame and Guilt Due to a Complaint]. *Nederlands tijdschrift voor geneeskunde*. 165: D6407 (in German).
- Upadhyay J. P. 2019. Complaints and Procedures of Handling Complaints in Financial Institutions of Nepal. *NCC Journal*. 4 (1): 85–90.
- Wang S., Liu Y., Corcoran J. 2021. A Season for Complaints: How Does Weather Affect Noise Complaints between Neighbors? *Weather, Climate, and Society*. 13 (4): 753–768.
- You H. 2022. Customer Complaints Analysis Using Textmining Method. *SAE Technical Paper*. 2022-01-0131. DOI: <https://doi.org/10.4271/2022-01-0131>
- Yusop N. M., Azmi N. N. K., Azlan N. 2022. Analysis of Tenants Complaints Using Text Mining. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 12 (4): 1111–1119.

DISCUSSIONS

Denis Litvintsev

Complaints are not Gifts. Dysfunctionality of the Institution of Complaints in the Field of Housing and Communal Services in Russia

LITVINTSEV, Denis —
Candidate of Sociological
Sciences, Assistant of the
Department of Economics,
Management, Sociology and
Pedagogy, Novosibirsk State
University of Architecture and
Civil Engineering. Address:
113 Leningradskaya,
Novosibirsk, 630008,
Russian Federation.

Email: denlitv@inbox.ru

Abstract

Complaints, their forms, and their functions, as well as their institutionalization in various sectors of the economy, attract increasing interest among scientists around the world. According to O. S. Sukharev, ideas about the socio-psychological nature of complaints suggest a certain dysfunction of the relevant institution, which reduces its effectiveness but does not lead to its collapse. This article reflects the result of correspondence with a representative of the Novosibirsk economic and sociological school Prof. O. E. Bessonova, the author of a series of articles on the benefits of complaints as a signaling institution of a non-market type. The discussion concerned the controversy regarding the effectiveness and functionality of complaints in the field of housing and communal services in Russia. The author's position is that the institution under consideration is not fully effective due to various circumstances. The dysfunctionality of complaints is demonstrated in various cases of institutional abuse, with one of the results being the mimicry of the institution as defined by E. V. Balatsky (a complaint as a denunciation). Special attention is paid to the phenomenon of vacuous, perfunctory bureaucratic replies to complaints, considered an institutional trap by V. M. Polterovich. The problem of false signals of complaints and their consequences is analyzed. The advantages of a personal appeal as an informal way of solving a problem are compared to a formal written complaint. At the same time, the role of transaction costs in the choice of one or another method of filing a complaint is noted. In conclusion, a forecast is given about the decrease in the functionality of the institution of complaints in modern Russian conditions in relation to the housing and communal services.

tionality of complaints is demonstrated in various cases of institutional abuse, with one of the results being the mimicry of the institution as defined by E. V. Balatsky (a complaint as a denunciation). Special attention is paid to the phenomenon of vacuous, perfunctory bureaucratic replies to complaints, considered an institutional trap by V. M. Polterovich. The problem of false signals of complaints and their consequences is analyzed. The advantages of a personal appeal as an informal way of solving a problem are compared to a formal written complaint. At the same time, the role of transaction costs in the choice of one or another method of filing a complaint is noted. In conclusion, a forecast is given about the decrease in the functionality of the institution of complaints in modern Russian conditions in relation to the housing and communal services.

Keywords: housing and communal services; institute of complaints; signal institute; effectiveness of the institute; dysfunction of the institute; institutional abuse; institutional trap; institute mutation; institute mimicry; come-off reply.

References

- Aksoy M., Yilmaz Ö. (2022) Consumer Complaints and Complaint Management in the Tourism Sector. In: (Ed.) *Managing Risk and Decision Making in Times of Economic Distress. Part A: Contemporary Studies in Economic and Financial Analysis*, vol. 108A (eds. S. Grima S., E. Özen, I. Románova), Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 95–111. DOI: [10.1108/S1569-37592022000108A034](https://doi.org/10.1108/S1569-37592022000108A034)
- Akunjee M., Akunjee N., Siddiqui S., Mallick A. S. (2010) *Dealing with Complaints in The Easy Guide to OSCEs for Communication Skills*. 1st ed., Boca Raton, FL: CRC Press. DOI: [10.1201/9780429091261](https://doi.org/10.1201/9780429091261)

- Balatsky E. V. (2007) Mutatsii i mimikriya ekonomicheskikh institutov [Mutations and Mimicry of Economic Institutions]. *Economics of Education = Ekonomika obrazovaniya*, no 2, pp. 47–60 (in Russian).
- Barlow J., Møller C. (2006) *Zhaloba kak podarok: obratnaya svyaz' s kliyentom — instrument marketingovoy strategii* [A Complaint Is a Gift: Recovering Customer Loyalty When Things Go Wrong], Moscow: Olimp—Business Publisher (in Russian).
- Bessonova O. E. (2018). Zhaloby kak podarok: nerynochnyy signal obratnoy svyazi v kontekste teorii Khrishmana i rossiyskoy praktiki [Complaints as a Gift: A Non-Market Feedback Signal in the Context of Hirschman's Theory and Russian Practice]. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 139–149. DOI: [10.32609/0042-8736-2018-12-139-149](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-139-149) (in Russian).
- Bessonova O. E. (2020) Grazhdanskiye protesty kak neformalizovannaya chast' instituta administrativnykh zhalob [Civil Protests as an Informal Part of Institution of Administrative Complaints]. *Social Sciences and Contemporary World = Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 1, pp. 89–101. DOI [10.31857/S086904990008519-2](https://doi.org/10.31857/S086904990008519-2) (in Russian).
- Bessonova O. E. (2021) Transformatsiya instituta administrativnykh zhalob v grazhdanskie formy [Transformation of the Institution of Administrative Complaints in Civilian Uniforms]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 22, no 2, pp.11–25. DOI: [10.17323/1726-3247-2021-2-11-25](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2021-2-11-25) (in Russian).
- Bogdanova E. (2021) *Complaints to the Authorities in Russia: A Trap Between Tradition and Legal Modernization*. 1st ed., London: Routledge. DOI: [10.4324/9781315143088](https://doi.org/10.4324/9781315143088)
- Hiqmah F. (2021) Exploring Complaint and Complaint Management on Indonesia's Banking Industries. *International Journal of Business. Economics and Law*, vol. 25, no 1, pp. 68–77.
- Litvintsev D. B. (2021a) Formirovaniye zhilishchnykh klassov, institutov obshchego imushchestva i obshchego sobraniya kak rezul'tat privatizatsii zhil'ya v Rossii [The Formation of Housing Classes, Institutions of Shared Property and General Meeting as a Result of Housing Privatization in Russia]. *Society and Economy = Obshchestvo i ekonomika*, no 1, pp. 71–80. DOI: [10.31857/S020736760013402-1](https://doi.org/10.31857/S020736760013402-1) (in Russian).
- Litvintsev D. B. (2021b) 30 let privatizatsii zhil'ya v Rossii: udalos' li vospitat' otvetstvennykh sobstvennikov? [30 Years of Housing Privatization in Russia: Have We Managed to Bring Up Responsible Owners?] *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring) = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, no 2 (162), pp. 186–212. DOI: [10.14515/monitoring.2021.2.1273](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1273) (in Russian).
- Paltsun I. N. (2017) Gosudarstvennoye phinansirovaniye instituta informatorstva: istoriya i sovremennost' [State Financing of the Institutes of Informers: History and the Present Time]. *Ekonomika, Predprinimatelstvo i Pravo*, vol. 7, no 1, pp. 17–31 (in Russian).
- Polterovich V. M. (1999) Institutsional'nyye lovushki i ekonomicheskiye rephormy [Institutional Traps and Economic Reforms]. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no 2, pp. 3–20 (in Russian).
- Preuss M., Santini F. O., Marconatto D. A. B. (2022) Complaint Management: The Impact of Post-Complaint Satisfaction on Organizational Behavior. *RAM. Revista de Administração Mackenzie*, vol. 23, no 2, art. eRAMG220145. DOI: [10.1590/1678-6971/eRAMG220145.en](https://doi.org/10.1590/1678-6971/eRAMG220145.en)

- Puchkova A. V. (2011) Phunktsionirovaniye toposov kak sredstv argumentatsii v rechevom zhanre kantselyarskoy otpiski [Functioning of Toposes as Argumentation Tools in Speech Genre of Bureaucratic Formal Reply]. *Theory and Practice of Social Development = Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no 2, pp. 371–374 (in Russian).
- Qiu X., Straker J., Abbott K. (2021) When is a Nursing Home Complaint Really a Complaint? Making Sense Out of Increased Complaints in U.S. Nursing Homes. *Innovation in Aging*, vol. 5, iss. 1, p. 846. DOI: [10.1093/geroni/igab046.3095](https://doi.org/10.1093/geroni/igab046.3095)
- Schalkwijk F. W. (2021) Schaamte en schuld door een klacht [Shame and Guilt Due to a Complaint]. *Nederlands tijdschrift voor geneeskunde*, vol. 165, D6407 (in German).
- Sukharev O. S. (2014) Disfunktsiya institutov i sistem: teoreticheskiye osnovy [Dysfunction of Institutions and Systems: Basic Theory]. *Economic Systems = Ekonomicheskiye sistemy*, no 2, pp. 2–11 (in Russian).
- Upadhyay J. P. (2019) Complaints and Procedures of Handling Complaints in Financial Institutions of Nepal. *NCC Journal*, vol. 4, no 1, pp. 85–90. DOI: [10.3126/nccj.v4i1.24740](https://doi.org/10.3126/nccj.v4i1.24740)
- Wang S., Liu Y., Corcoran J. (2021) A Season for Complaints: How Does Weather Affect Noise Complaints between Neighbors? *Weather, Climate, and Society*, vol. 13, no 4, pp. 753–768. DOI: [10.1175/WCAS-D-21-0020.1](https://doi.org/10.1175/WCAS-D-21-0020.1)
- You H. (2022) Customer Complaints Analysis Using Textmining Method. *SAE Technical Paper*, no 2022-01-0131. DOI: [10.4271/2022-01-0131](https://doi.org/10.4271/2022-01-0131)
- Yusop N. M., Azmi N. N. K., Azlan N. (2022) Analysis of Tenants Complaints Using Text Mining. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, vol. 12, no 4, pp. 1111–1119.
- Zalpov N. V. (2013) Problema reyderstva v sphere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva [The Raiding Problem in the Sphere of Housing and Utilities Infrastructure]. *Law and Politics = Pravo i politika*, no 10, pp. 1402–1407. DOI: [10.6007/IJARBS/v12-i4/12965](https://doi.org/10.6007/IJARBS/v12-i4/12965) (in Russian).

Received: April 29, 2022

Citation: Litvintsev D. (2022) Zhaloby—ne podarok: dispfunktsional'nost' instituta zhalob v sphere zhilishhno-kommunal'nogo khozyaystva v Rossii [Complaints are not Gifts. Dysfunctionality of the Institution of Complaints in the Field of Housing and Communal Services in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 110–121. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-110-121](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-110-121) (in Russia).

NEW TEXTS

Polina Zhidkova

Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach

ZHIDKOVA, Polina—Independent research fellow; International Product Operations Strategist, HelloFresh Se. Address: Brunsbuetteler Damm 64, 13581 Berlin.

Email: polina.zdk@gmail.com

Abstract

At present, research on financial disagreements is extensive but general. There are no studies of financial conflicts in Russian families. Taking into consideration the values of partners in dyadic relationships by utilizing relational sociology framework, the study explores five types of financial disagreements: (i) value conflict, (ii) conflict over price, (iii) conflict over necessity, (iv) goal conflict, and (v) conflict over income, in order to detail the structure and the various reasons behind conflicts about money in Russian families; and aims to understand the determinants behind each type.

The analysis was built on the 2018 wave of the Survey of Consumer Finance that presents dyadic data for 3,503 Russian couples. Regression models were calculated for men and women separately to identify gender effects.

All the considered reasons for financial disagreements are caused in part by partners' different attitudes towards money. In addition, the increase in women's share of family income increases the likelihood of conflict over price; traditionalist attitudes correlate with an increase in goal conflict; and conflict over income is connected with dissatisfaction with the decision-making process. The study shows the significance of considering partners' values for the analysis of a family's financial situation.

Keywords: financial disagreements in couples; money exchange within the family; partners' values; perception of money; household chores; Russia.

Funding

This study was funded by the RFBR, with project number 19-311-90058.

Introduction

In the last several decades, the interest in financial topics in family sociology has deepened. Scholars pay attention to financial management, investigate financial power, and compare different types of labor division within families. This study focuses on financial disagreements as a particular subtopic of this developing field. Considering the presence of the significant association between financial disagreements and the increasing rate of divorce [Amato, Rogers 1997;

Zagorsky 2003; Cubbins, Vannoy 2004; Britt, Huston, Durband 2010; Dew 2009; 2011; Dew, Britt, Huston 2012], the study aims to expand our understanding of the factors behind the alarming rate of divorce in Russia [Zakharov 2015].

Why, and how, do financial disagreements matter? Previous research has shown that partners assign the most negative evaluations to their financial conflicts in comparison to other types of marital arguments [Dew, Britt, Huston 2012; Mitchell, Bullard, Mudd 1962]. Financial topics are more acutely perceived as a source of disagreements [Papp, Cummings, Goeke-Morey 2009] and are frequently solved through negative tactics (e. g., enforcement or threats; [Dew, Dakin 2011]). The inevitable embeddedness of money in daily life and the fact that people cannot ignore disagreements over financial decisions, mean that these disagreements tend to get worse if not resolved. These problems occur in families at every economic level, regardless of whether couples are under economic pressure or not [Dew, Britt, Huston 2012].

Previous studies, however, rarely delve into the particular reasons for, and structures of financial conflicts in families. Two main directions of the research tend to identify the general effect of disagreements on relationships and to study families' strategies for conflict resolution. This study takes into consideration that some types of disagreements over finances appear more profound and acute, thus rejecting the wholesale labeling of money conflict as the main threat to family stability, and suggesting instead a more careful investigation into the variety of conflicts and the possible factors behind their emergence. The research also aims to understand particular determinants behind different types of financial disagreements in Russian families, a topic that so far has received little attention.

The past century has seen considerable changes in family organization in Russia. In the Soviet period, nearly universal employment led to the prevalence of the dual-earner family type. Post-Soviet transformations brought new types of family structures, for example, couples in which one partner (usually, male) is a breadwinner while another stays at home [Ibragimova, Guseva 2015]. This change has considerably decreased the stability and predictability of family incomes [Guseva 2008]. The course of history in Russia also differs from the historical trends in the majority of Western countries in which the progress from a traditional to a more egalitarian family structure and labor division had been almost linear. Today, regardless of family structure and financial management model, the patterns of decision-making in the bulk of Russian families remain patriarchal [Ibragimova 2016]. Women tend to seek equality, but the reason they give for seeking equality is that they see the material provision of their families as unsatisfactory [Vovk 2007].

The dominant financial management model in Russian families is complete or partial pooling of incomes. The next popular model is the female whole wage system [Ibragimova 2012], and the less the family income, the more probability that the family money is being managed by a woman [Fodor, Vicsek 2006; Ibragimova, Guseva 2015]. This reflects theories arguing that when women are in charge of taking financial decisions within the family, more resources are allocated to the common family needs and especially the needs of children, whereas men tend to make more leisure-related purchases which are implicitly seen as more individualistic and less necessary [Ferree 1990]. So, given the financial issues of Russian families and women's aspirations to spend more on the family, financial disagreements may become a difficult problem to solve.

This brings us to the research question of the present study. What, exactly, determines the emergence of the different types of financial disagreements between married and cohabiting partners in Russia? Answering this question is possible by answering the questions about the structure of financial disagreements in Russian families and the determinants of reasons for financial disagreements. This study contributes to the research on financial disagreements in three ways. First, it departs from the general discussion of familial financial issues in favor of detailing the reasons for different types of financial disagreements and their prevalence. Second, it integrates the most common theories that cover the scope of financial issues within the family in one theo-

retical framework and brings a novel approach to the field—relational sociology. Using dyadic data on 3503 Russian couples from the third wave of the Survey of Consumer Finance (2018), this theoretical framework is tested to explain the determinants of different types of financial disagreements between partners in couples. Third, it shows the significance of considering partners' values when analyzing financial situations within the family and argues that the single factor of partners having different attitudes toward money becomes the underlying cause for all the considered types of reasons for financial disagreements. At the same time, there are aspects of family life that differ in their effect on various types of financial conflicts.

Theoretical Framework

Financial disagreements revolve around various issues. They usually include purchasing decisions, contradictions between desires and needs, unforeseen expenses, lack of savings, and problems with debts [Romo, Abetz 2016]. The underlying or the more general causes for these issues include contradiction in partners' goals, the difference in their attitudes toward money, shortage of resources, and so on [Romo 2015]. Financial disagreements may also reflect deeper issues in relationships, such as the issues of power, involvement, respect, and fidelity [Dew, Stewart 2012].

Relational sociology, the main theoretical approach in this study, emphasizes the importance of considering relations when interpreting social phenomena. Since the famous study by Zelizer (2002), sociologists have moved away from viewing money as a depersonalized instrument and embraced the fact that people personalize money and assign different meanings to it [Morduch 2017]. Thus, the values and norms used in the process of the moral evaluation of money, inform accounting and the more general financial aspects of decisions [Wherry 2017]. Relational work occurs when people have to correlate their means of exchange with social relations, so relational accounting places individual decisions into the social and cultural context. But the problem of social relations is that they are invisible and immaterial until their presence becomes irritating, or when the need for them becomes palpable because of their absence [Donati 2016]. Here, we can see that a family or partnership is a union with its own structure, values, norms, and systems of evaluation, but there are only two basic comprising “molecules” of this union: (i) two different people and (ii) the set of their respective attitudes. If their attitudes—especially to the potentially problematic matter of money—are incompatible, the relational workload in the family will be too heavy to be imperceptible, or at least easy to manage. Conflict about money and its usage may occur if one or both partners are dissatisfied with the financial exchange or decisions within the family. Financial disagreements, however, may also stem from deeper relational issues. In this case, relational work in financial areas may be insufficient, and general relations have to be addressed [Dew 2011]. The latter is, in turn, vital for couples' stability, as cultural frameworks and stereotypes challenge and pressure the families in their social life [Romo, Abetz 2016].

Nonetheless, the use of the relational sociology framework for studying financial disagreements appears to be rather novel. Several theoretical approaches within psychological and sociological literature address conflict in relationships. One scope of research uses theories focused on conflict as a means of communication and problem-solving (e. g., [Christensen, Heavey 1990; Dew, Britt, Huston 2012]). For example, the theory of family systems considers different aspects of the interaction between partners; the conflict here may serve as an instrument to build a healthier relationship. The theory of goods allocation defines the meaning of money through power and control. Money, thus, becomes an instrument for managing gender relations in the decision-making process, contributing to the patterns of dependency and financial control. The commonly used exchange theories (e. g., [DeMaris 2007; Britt et al 2008; Dew, Britt, Huston 2012; Archuleta 2013]) see that the rationale for marriage union is that spouses intend to benefit from the intrafamily exchange of resources. Relationship problems occur when the results of interaction fall short of expectations. In this case, partners' satisfaction is the main determinant of family stability.

These theories seem effective in the study of marital conflicts, but lack any significant consideration of the content of partners' disagreements and argumentation. However, some links between these theories may be drawn to understand the processes that may lead to different reasons for financial disagreements within couples. For this, each partner's values should be taken as the core factor underlying financial disagreements in couples. In exchange theory, these values influence the mechanism of intrafamilial financial exchange and goods allocation. Resources that partners have, in turn, define the systems of power, control, and the overall interaction between partners, which brings us to the theory of goods allocation. Exchange theory may be drawn upon to suggest that the problems with financial exchange lead to dissatisfaction and the lack of positive communication, which consequently erode into financial conflicts. Relational sociology will prompt that the latter have to be resolved through relational work, which also predominantly depends on partners' values. In sum, this study attaches the central role to partners' values and attitudes toward money to analyze different reasons for financial disagreements.

The relational sociology approach suggests that relationships have to be considered from different angles. The first angle is the relational situation in which the partners find themselves (e. g., are they officially married or do they cohabit?). The second is the instruments they use to manage their financial accounting. The most important thing to understand is the partners' values (as the core category of the theoretical framework) and the way they correspond to each partner's relational needs and aspirations. Their values, in turn, influence their perceptions of labor division. And yet, the study of such perceptions alone is insufficient. Additional attention needs to be paid to the level of satisfaction with the real processes within the family, as this may show whether partners carry out enough relational work, or do not.

Even though there are not many studies on the topic, some empirical background can be drawn upon to support the theoretical framework. Previous research showed that there are several general determinants of financial disagreements: the presence of financial management practices, the longer length of relationships, the higher intensity of family communication, and the higher level of perceived stability of finances decrease the probability of financial conflicts [Williams, Berry 1984; Britt et al. 2008; Britt, Huston, Durband 2010]. The more women work, the fewer financial disagreements they report, whereas men report more financial disagreements if their wives are temporarily employed. Equal income increases financial conflict for women, but not for men [Dew, Stewart 2012]. If women's incomes are significantly higher than those of men, the frequency of financial disagreements rises [Britt, Huston, Durband 2010]. Partners with low levels of consumption argue over finances more often than those with high levels [Britt, Huston, Durband 2010].

The present study aims to find the determinants of financial disagreements for Russian couples in general but also focuses on five different types of financial disagreements that have not been, as such, studied previously: (i) value conflict, (ii) conflict over price, (iii) conflict over necessity, (iv) goal conflict, and (v) conflict over income. (These types were identified in the previously conducted qualitative stage of this study; the description of their emergence and testing is provided in the "Measures" section.) Qualitative findings were further adjusted to comply with the theoretical framework and the previous studies in the field. Based on the findings, the present study identifies the factor of cohabitation versus marriage, attitudes toward money, amount of income and the differences in the ways it is earned, the process of decision-making (as an aspect of general communication), perceptions of labor division, and perceived stability of finances as the main variables that predict the difference in the type of reasons for financial disagreements. The following sections describe the detailed characteristics of each variable.

Hypotheses

The first variable is the partners' relational situation—are they officially married, or do they cohabit? It has been found that married partners establish a common understanding of their roles and aims more often than cohabiting ones, and experience fewer conflicts in comparison to cohabiting couples [Batalova, Cohen 2004;

Lippe, Voorpostel, Hewitt 2014]. They have to employ less relational work to address minor questions, as their general goals are usually aligned. On the contrary, cohabiting partners may have more financial disagreements that can consequently ruin their relationships. Also, the practice of making independent financial decisions within the family decreases relationships' level of satisfaction and increases the probability of separation or divorce [Addo, Sassler 2010]. Financial disagreements may become an intermediary factor in this situation. It is also supposed that value conflict is the most important and complex factor leading to the severance of a relationship. By this, it is meant that partners adopt a generally different position towards money as an institution, holding different views on the matters of savings, credit, and debt; they strive to be independent in their financial decisions, and they do not find common ground in their negotiations. Combining this theoretical framework with some empirical findings, the following is expected:

H 1.1: Cohabitation in comparison to official marriage increases the probability of the emergence of value conflicts.

Considering value conflicts, the study turns to the core concept of the theoretical framework—the values that partners have. As it is understood from the relational sociology framework and previously from the collective approach [Addo, Sassler 2010], partners who have common values and strategies, and tend to pool their resources, also have more commitment to the family and are more confident in the family's common future. This is confirmed by the empirical research that shows that shared financial goals and attitudes increase marital quality and satisfaction [Archuleta 2013]. However, research by Rick, Small, Finkel (2011) showed that people tend to marry those partners who have the opposite pattern of consumption (and, consequently, attitudes toward money): spend-thrifts (those who spend a lot and do not tend to save) are attracted to tightwads (those who prefer saving, not spending). These differences, in turn, lead to a situation in which partners have to carry out a significant amount of relational work to resolve financial issues when building their relationships. In conclusion, it is expected that:

H 1.2: The same attitudes toward money (spendthrift–spendthrift or tightwad–tightwad couple) decrease the probability of the emergence of value conflicts.

Relationships in today's world are also complicated by the influence of the partners' respective economic positions. Within-couple power and dependency mechanisms usually reflect the resources that each partner has. The relational and accounting work has to be representative of the power im/balance within the family to debug the system of interaction around financial issues. Problems may occur when the ratio of the attachment in relationships to the relational outcomes, is far from equal. This may lead to relationship break-up [DeMaris 2007; Dew, Stewart 2012]. Partners with a significant difference in income who do carry out sufficient relational work around power mechanisms may also have more disagreements. In this study, it is expected that income affects partners' perception of their needs and desires, leading to price conflicts—the type that occurs if one perceives the price of goods as too high and the other insists on the purchase.

H 2: Significant difference in income increases the probability of price conflict.

Another important aspect of partners' relational work is labor division, especially the division of household tasks and responsibilities. Some scholars that carried out research outside of Russia (e. g., [Kluwer, Heesink, Van de Vliert 1996]) argue that spouses', especially wives', negative attitudes toward the distribution of household chores in the family are an important predictor of conflict. The reason for this is that women are more commonly deprived of both money and power, and are more likely to express their discontent than do men. In Russia, there is still no significant redistribution of household chores within the family, as a wife's employment outside one's home has little effect on the increase in the time spent by her husband on household chores [Balabanova 2005; Vovk 2007]. The bulk of the financial decisions nowadays are male-dominated; men's decisions are valued higher, and concern larger sums of money than those of women. Women's deci-

sions, on the contrary, are often framed as “women’s business”, a concept that implies that they are trivial [Sun 2010: 7]. However, one common understanding about financial resources counts them among the compensatory mechanisms. The financial contribution of the partner with a higher income may be seen as compensation for the injustice incurred by the distribution of roles within the household [Brines 1994; Fodor 2010]. Thus, if the partner with fewer economic and power resources sees the family share from the other partner as sufficient compensation for the perceived deprivation or imbalance, he or she may accept the deprivation without seeing it as an issue. These mechanisms, however, are not usually openly discussed or expressed, and are sometimes experienced in family life as a silent consequence of social norms or differences in partners’ social backgrounds [Komter 1989]. If not enough relational work is done, partners who feel excluded from the decision-making process and are also dissatisfied with the income that the other partner receives, may voice their discontent and bring the family into conflict over family income. Here, it is assumed that:

H 3: Dissatisfaction with the decision-making process within the couple positively affects the probability of financial disagreements over income.

It had been previously argued that marital happiness in part depends on the firm structuration of household chores: couples who have developed a clearer system of labor division are more satisfied with their relationships and form a more stable union [Schaninger, Buss 1986; Perry-Jenkins, Repetti, Crouter 2000]. It may be assumed that partners whose preferences in the distribution of household chores reflect traditional family values, have to put in less relational work in these processes, as their attitudes find a systematic reflection in family life. The egalitarian perspective, on the contrary, leads to attempts to negotiate and re-negotiate everything, causing stress and provoking conflict [Kirchler 1990]. The same picture emerged in the qualitative interviews conducted specifically for the present analysis. When partners reported having an egalitarian perspective on household chores, they faced problems with sticking to their financial goals. The financial goal that they have agreed upon as a first step got sabotaged by the attempts of either one of them to renegotiate the goal, so their relational work became quite irritating. Assuming that the perceptions of household chores’ distribution and the norms of partners’ behaviors are usually embedded into the financial goals that partners set for themselves, it is expected that:

H 4: Having an egalitarian perspective on household chores may lead to conflicts between partners in relation to setting financial goals.

The last family characteristic to be discussed is perceived financial stability. Zagorsky (2003) found gender differences in evaluating marital financial well-being: men tend to report the assets that the family possesses (automobiles, homes, etc.), whereas women focus on the absence of financial problems and debts. Therefore, it may be assumed that gender differences in the perception of financial stability may raise the frequency of financial disagreements [Britt, Huston, Durband 2010]. Also, men tend to take more risks in their financial decisions [Hira, Loibl 2008]. This may lead to larger spending or higher tolerance for incurring debts or taking credits to increase the wealth of the family. Consequently, these differences in perceptions have to be discussed and worked through, although it is known that people tend to postpone communicating on such topics until the problem occurs [Trachtman 1999]. Thus, it can be easily imagined that if the man in the union appreciates having a lot of assets and wants to buy things that would reflect the family status, the woman’s evaluation of these things comes from another perspective, and she could dispute the necessity of the purchase. The man’s satisfaction with the purchase may be countered by the woman’s sense of financial instability if the purchase is made despite the money problems plaguing the family (e. g., debts). The relational work here is complicated by the fact that partners often do not realize the reasons behind each other’s positions, and cannot assign the correct number of accounting procedures to be discussed. In sum, it is assumed that:

H 5: Women’s reports of family debts increase the probability of conflicts over necessity.

Method

Data

The empirical part of the study was based on the third wave of the Survey of Consumer Finance. In Russia, 6012 households and 12 137 individuals participated in the survey in 2018. Research center “Demoscope” conducted the study using a probabilistic, stratified multistage territorial sample, with the condition of triple visits of interviewers to every household. Every household participated in a special group survey, with every household member older than 18 answering the individual survey. This classic, truly probabilistic targeted sample of households allows extrapolating results to the entire population of the Russian Federation as well as to certain specific sociodemographic groups, and to verify the accuracy of the information by statistical methods. For Russia, it is a unique dataset that has a significant amount of interval information on people’s incomes, debts, savings, investments, and so on.

Another important advantage of the chosen database is that both spouses were interviewed and the couple (partners in an official marriage or cohabiting) can be analyzed as a whole. The analysis was drawn on $N = 3503$ partnerships. The most important part of the dataset was the partners’ answers to the question about the presence of financial disagreements. A relatively small number of people, 70 men (2.0%) and 55 women (1.6%), had missing values for this question. The data relating to these people were subsequently discarded from the analysis. To identify the determinants for the reasons for financial disagreements, we can rely on the answers from 1425 men and 1543 women who reported having financial disagreements with their partners and replied to the question about the reasons.

Measures

Dependent Variable. The discussion and results presented in this paper, are a part of the study focused on different aspects of financial disagreements in Russian couples. Prior to the statistical analysis, the author had completed a qualitative study stage in order to identify the main reasons for financial disagreements in Russia and to create their typology. In-depth, one-on-one interviews were conducted with 35 couples (70 partners participated), and the types of disagreements described previously were identified.

These types became dependent variables in the study. Later on, the typology formed the basis of a new set of questions in the 2018 Survey of Consumer Finance. Prior to the survey, questions were subjected to an expert triangulation procedure and then tested in a pilot study. The respondents were asked to choose all the reasons that cause financial disagreements between them (see Table 1).

Table 1

Operationalization of the Conflict Types in the Questionnaire

Type of Conflict	Option in the Survey
Conflict over income	1. You are not satisfied with the amount of earnings of your husband/partner/wife 2. Your husband/partner/wife is not satisfied with your earnings
Conflict over price	3. You have a disagreement about the price of the good you’re going to buy (You think that the price is too high, but your partner thinks that this is a good price) 4. You have a disagreement about the price of goods that you’re going to buy (You think that the price is good, but your partner thinks that the price is too high)
Conflict over necessity	5. You have a disagreement over the necessity of purchase (You think that something is needed while your partner rejects the need) 6. You have a disagreement over the necessity of purchase (Your partner thinks that something is needed while you reject the need)
Goals conflict	7. You have a goal to save money but your partner doesn’t see value in doing this 8. Your partner has a goal to save money but you don’t see value in doing this
Value conflict	9. You experience situations when, for example, you want to take a loan but your partner is completely against loans as a concept or vice versa

For the analysis, we are using every conflict type as a separate logistic regression model with a binary dependent variable. Men and women are analyzed separately to account for gender differences.

This study also analyzed the determinants of having financial disagreements in general. This was measured by the question “How often during the last 12 months there were disagreements over money between you and your partner?” Based on the distribution characteristics, the category *never* was encoded as having no financial disagreements, whereas categories *rarely*, *from time to time*, and *always* were encoded as having such an issue.

Here are some results: 41.5% of men and 44.8% of women reported having financial disagreements. Among those who reported having such an issue in their family, conflict over necessity was most common. It was pointed out by 81.0% of men and 79.0% of women. The rarer types were goals conflicts, reported by 35.5% of men and 36.0% of women; and value conflict that was acknowledged by 35.0% of men and 34.0% of women.

Conflict over income has its own characteristics. To measure this type of conflict, both partners were asked two questions:

1. *You are not satisfied with the amount of earnings of your husband/partner/wife.*
2. *Your husband/partner/wife is not satisfied with your earnings.*

Thus, disagreement can be measured from two points of view: (i) if the man is dissatisfied with the woman’s earnings (in the man’s and woman’s perception) and (ii) if the woman is dissatisfied with the man’s earnings (in the man’s and woman’s perception). For analysis purposes, the results were united because only 5.4% of men are dissatisfied with women’s earnings, whereas 16.0% of women report dissatisfaction with men’s earnings.

Eighty percent of men and 81% of women reported having more than one type of financial disagreement. The most common combination was conflict over both necessity and price (18% of men and 17% of women). Five percent of both men and women also reported having conflicts over price, necessity, and earnings, whereas 4% of men and 5% of women stated that they have price, necessity, and value-related conflicts simultaneously. Nine percent of men and 8% of women reported that while having financial disagreements, none of the reasons that were provided in the questionnaire fit their situation.

Attitudes toward money. The results of cluster analysis were used to measure the attitudes. Each partner evaluated five statements:

1. *You try to save money for the future.*
2. *You try to save money regularly, even a small amount.*
3. *You always try to have at least some amount of money for unforeseen expenses, just in case.*
4. *You are quite responsible when it comes to financial management.*
5. *You learn from the mistakes of other people in personal financial management.*

Two clusters—spendthrifts and tightwads—formed, which corresponds to the previous research [Rick, Small, Finkel 2011]. People who try to save each penny, have money for rainy days, evaluate themselves as responsible in financial decisions, and learn from financial mistakes were classified as “tightwads,” whereas those with opposite characteristics were labeled as “spendthrifts.” According to the hypothesis, it was also important to identify whether partners have common or different attitudes.

Attitudes toward labor division. This variable was computed using principal component analysis; three factors (KMO-measure equals 0.62 for men and 0.61 for women, which means that factor is adequate) explaining attitudes toward labor division, were identified:

1. *The superior position of men*: it is considered bad if the wife earns more than the husband. The final say in financial management is up to the man. All household chores and the labor associated with raising children is women's work, even if her family-unrelated workload is heavier than that of the man.
2. *The ideology of intensive motherhood*: It is considered bad for children and the marital relationship if the woman works a lot outside the household. A working mother cannot provide sufficient care to her children.
3. *Egalitarian attitudes*: Spouses have to share all the responsibilities within the household. All adults in the household may take upon themselves the right and the responsibility of managing the money. Work for women is a way to achieve independence.

Control Variables. In light of the previous research on disagreements and finances within couples, this study controlled for several variables in the analysis of the determinants. The first control was the relative age of partners (husband's age minus wife's age) [Cubbins, Vannoy 2004], with the average difference standing at 2,19 years. The length of relationships, which affects the perceptions of household labor division and the quality of relationships [Cubbins, Vannoy 2004; Dew, Britt, Huston 2012], was the second control. In 50% of the sample, the relationship lasted under 23 years. We also controlled if it was a first marriage (official) for each partner or any one of them was married more than once. For 74% of men and 74,8% of women, it was the first official union in their lives. The next control variable was the presence of children younger than 18 years old because having preadult children increases the likelihood of conflict situations within the family [Margolin, Gordis, John 2001]. Only 35,9% of households reported having a child under 18 years old, among them more than 50% of households have the youngest child under 7 y. o. Finally, the education of partners [Dew 2009] and their employment statuses [Davis, Jacobsen, Anderson 2012] were taken into account. 24,5% of men and 31,3% of women reported having a university degree or higher. Employment statuses were measured by a binary variable (working/not working) as among men 66% were employed, 33,8% unemployed, and only 0,2% had a status of having vacation/parental leave/sabbatical; among women, 54% were employed, 40,8% unemployed and 5,2% were on maternity leave (their number was added to 'not working' category).

Analytical Strategy. The analysis was built on the logistic regression approach. The regression models were calculated for men and women separately to identify important, in the context of the study, gender effects. Six models were used: the first model had the dependent variable that shows if the partner reports having any financial disagreements at all, and the remaining five models used each type of financial disagreement as the variable of interest.

Results

Determinants of Having Financial Disagreements

In the first step, the study analyzes the determinants of having financial disagreements as an issue in a relationship by employing binary logistic regression. Two models that represent men's and women's positions on the question of having financial disagreements are discussed.

This model includes the interpretation of every variable, including controls, whereas the following steps are focused only on those variables that were hypothesized. It can be seen (see Table 2) that partners have nearly the same sets of determinants, which work in the same direction: Different attitudes toward money, professional education of men, having preadult children, and employment status of men ('working man') increase the probability of having financial disagreements, whereas satisfaction with the decision-making process decreases this probability. The most interesting empirical finding here is that egalitarian attitudes decrease the chance of reporting financial disagreements for men, but they increase it for women.

Table 2

Binary Logistic Regression Results for Reporting Financial Disagreements

Predictor	Men		Women	
	B	SE B	B	SE B
Both partners are spendthrifts	0.664***	0.225	0.16	0.219
Partners with different attitudes toward money	0.584***	0.159	0.36***	0.113
Cohabitation	0.233	0.157	0.064	0.149
Education of men (higher education—ref.)				
Undergraduate	0.006	0.162	− 0.028	0.156
Professional	0.264**	0.124	0.301**	0.119
Education of women (higher education—ref.)				
Undergraduate	− 0.212	0.159	− 0.057	0.152
Professional	− 0.064	0.116	0.091	0.112
Children >18 years	0.268*	0.111	0.313**	0.106
Employment status of men	0.373**	0.14	0.278**	0.133
Employment status of women	0.149	0.132	0.187	0.129
Male breadwinner model	0.042	0.151	− 0.003	0.145
Log income of men	0.073	0.42	− 0.344	0.409
Log income of women	− 0.413	0.342	− 0.361	0.338
Share of women's income	1.534	0.481	0.331	0.461
Relative age	− 0.011	0.011	− 0.002	0.01
Being a spendthrift	− 0.263	0.177	0.268	0.173
Satisfaction with the decision-making process	− 2.193***	0.335	− 2.384***	0.302
“Male superior position” attitudes	0.192***	0.047	0.012	0.046
“Ideology of intensive motherhood” attitudes	0.028	0.046	0.098*	0.044
“Egalitarian” attitudes	− 0.24***	0.048	0.185***	0.047
Women's report on family debts	0.489	0.563	0.014	0.502
Length of relationships	− 0.005	0.005	− 0.009**	0.004
Constant	1.848	1.322	4.324	1.28
Nagelkerke R^2	0.133		0.142	

Source: Survey of Consumer Finance, Russia, third wave (2018).

Notes: * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$.

In the following steps, each type of financial disagreement is analyzed according to the hypotheses (see Table 3). The best explanatory capability in terms of model quality holds the model built for the conflicts over earnings, while value conflict has the lowest quality measurements.

Value Conflict. When analyzing value conflicts as a dependent variable, both hypotheses (H 1.1 and H 1.2) are confirmed: For both genders, different attitudes toward money within a couple increase the probability of having value conflicts, and the same can be said about cohabitation (but the effect is rather small and significant only for men). It is also remarkable that contrary to what was hypothesized, being a couple of two spendthrifts increases the likelihood of reporting value conflicts for men. It is also worth mentioning that having spendthrift attitudes toward money works in the opposite direction for genders: For men, it decreases the probability of reporting value conflicts, whereas it increases this probability for women.

Conflict over price. Income really matters as far as conflicts over price are concerned (H 2). Thus, the bigger the share of a woman's income, the higher the probability of both partners reporting conflicts over price. This

result reflects the hypothesis, but in relative—not absolute—measures. The traditional income model within the family also affects the emergence of conflicts over price, although this effect is significant only for women.

Conflict over earnings. Satisfaction with financial decisions within the family negatively affects the probability of salary conflicts for both genders, and the effect size is relatively high here (H 3), i. e. the more the partners satisfied with financial decision-making, the fewer conflicts over earnings they have. Also, the more income the partners earn, the lower the probability of them reporting conflicts over earnings, which is quite obvious.

Goal Conflict. One of the most interesting findings is the impact of egalitarian attitudes on goal conflicts (H 4). Egalitarian attitudes indeed increase the probability of this type of conflict, but it happens only for women; egalitarian attitudes of men decrease the likelihood of goal conflicts. At the same time, traditionalist attitudes increase the probability for both genders, although this was not hypothesized.

Speaking about the socio-demographic characteristics of the family, it is worth noting that in the female model, being in the second or subsequent marriage slightly increases the likelihood of conflict of goals for women, while any type of financial management other than the pooling of resources significantly increases the likelihood of its occurrence. This conclusion turns out to be unexpected since it was the pooling strategy that seemed to lead to a conflict of goals due to the likelihood of over-discussing and multiple re-setting of the goals.

Conflict over necessity. Women's report of family debts (H 5) is an insignificant variable in both models for predicting conflicts over necessity. However, the trends in gender models indicate that if the wife reports that the family has debts and financial problems, there is an increased probability of her husband, but not herself, reporting conflicts over necessity. The effect for women contradicts the hypothesis and questions their assessment of processes within the family.

Since the conflict of necessity is the most common type of conflict, we cannot ignore it and confine ourselves to interpreting the results following the previously formulated hypothesis. It turns out that income plays an important role in the male model—a man's income reduces the likelihood of this type of conflict in the family. For women, this factor also plays a role, but the effect size is much smaller. Relative income (the share of a woman's income in the total family income) makes strong differences in gender patterns: for women, a high share of her income increases the likelihood of a conflict of necessity, while for men this determinant shows the opposite effect. Also, an extraordinary trend is observed among both men and women: if the man's spouse believes that they have a fixed budget for housekeeping in their family, it reduces the likelihood of a conflict over necessity reported by a man. At the same time, if a man believes that the family has sole male or female management, a fixed budget for housekeeping, or a pool, then this reduces the likelihood of a woman reporting a conflict over necessity. At the same time, as in assessing the presence of financial conflicts in general, the likelihood of a conflict over necessity increases if the woman is in her second or subsequent marriage.

Binary Logistic Regression Results for Value, Necessity, Price, Goal, and Salary Conflicts

Table 3

Variable	Value Conflict		Necessity Conflict		Price Conflict		Goal Conflict		Salary Conflict	
	Men	Women	Men	Women	Men	Women	Men	Women	Men	Women
	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)	B (SE)
Both partners are spendthrifts	0.86 (0.313)***	-0.042 (0.29)	0.224 (0.239)	0.038 (0.222)	0.449 (0.244)	-0.147 (0.231)	0.494 (0.339)	0.185 (0.288)	0.145 (0.303)	0.916 (0.277)***
Partners with different money attitudes	0.551 (0.216)**	0.253 (0.174)*	0.371 (0.167)*	0.241 (0.119)*	0.471 (0.169)**	0.167 (0.126)	0.835 (0.224)***	0.661 (0.161)***	0.217 (0.224)	0.599 (0.15)***
Cohabitation	0.363 (0.211)*	0.223 (0.198)	0.335 (0.162)*	0.069 (0.15)	0.097 (0.165)	-0.039 (0.154)	0.238 (0.237)	0.559 (0.193)**	0.271 (0.195)	0.072 (0.182)
Being a spendthrift	-0.464 (0.244)*	0.588 (0.222)**	-0.104 (0.185)	0.278 (0.174)	-0.291 (0.188)	0.359 (0.179)*	-0.422 (0.245)	0.227 (0.213)	0.348 (0.237)	-0.248 (0.219)
Male breadwinner model	0.143 (0.23)	0.263 (0.217)	0.193 (0.166)	0.267 (0.152)*	0.246 (0.169)	0.353 (0.161)**	0.406 (0.253)	0.227 (0.213)	-0.095 (0.214)	-0.054 (0.198)
Satisfaction with the decision-making process	-1.291 (0.262)***	-1.199 (0.221)***	-1.719 (0.255)***	-1.425 (0.205)***	-1.49 (0.244)***	-0.973 (0.196)***	-1.721 (0.255)***	-1.432 (0.211)***	-1.823 (0.257)***	-1.938 (0.214)***
“Male superior position” attitudes	0.154 (0.069)**	0.028 (0.068)	0.205 (0.05)***	-0.079 (0.049)	0.19 (0.052)***	-0.026 (0.052)	0.291 (0.075)***	0.123 (0.066)*	0.155 (0.065)**	0.136 (0.062)**
“Ideology of intensive motherhood” attitudes	0.034 (0.071)	0.026 (0.066)	0.012 (0.05)	0.101 (0.046)*	0.019 (0.052)	0.116 (0.049)*	0.034 (0.078)	0.063 (0.066)	0.099 (0.067)	0.151 (0.162)**
“Egalitarian” attitudes	-0.146 (0.066)**	0.002 (0.068)	-0.218 (0.05)***	0.193 (0.05)***	-0.242 (0.05)***	0.109 (0.052)*	-0.138 (0.071)***	0.157 (0.07)***	-0.246 (0.061)***	0.14 (0.165)***
Women’s report on family debts	1.576 (0.553)***	1.168 (0.513)*	0.527 (0.555)	-0.103 (0.508)	0.722 (0.548)	0.264 (0.496)	1.451 (0.568)**	1.181 (0.524)**	1.22 (0.598)*	0.118 (0.585)
Log income of men	-0.401 (0.633)	0.103 (0.51)	-0.775 (0.514)	-0.188 (0.406)	0.302 (0.44)	0.301 (0.411)	-0.409 (0.849)	-0.512 (0.593)	-0.569 (0.506)	-0.826 (0.467)*
Log income of women	-0.238 (0.528)	-0.642 (0.395)	0.458 (0.444)	-0.492 (0.331)	-0.494 (0.155)	-0.519 (0.328)	0.274 (0.775)	0.074 (0.51)	-0.691 (0.389)*	-0.667 (0.369)*
Share of women’s income	0.632 (0.724)	1.92 (0.672)	-0.489 (0.518)	0.834 (0.478)	2.156 (0.529)*	1.727 (0.499)*	0.597 (2.036)	0.01 (1.482)	1.427 (0.296)	1.402 (0.207)
Constant	0.38 (0.618)	-0.706 (0.557)	1.845 (0.463)	2.478 (0.893)	0.007 (0.464)	-0.151 (0.416)	-1.733 (0.148)	-0.138 (0.747)	3.588 (0.703)	4.612 (0.568)
Nagelkerke R^2	0.097	0.095	0.114	0.107	0.107	0.079	0.112	0.104	0.195	0.217

Source: Survey of Consumer Finance, Russia, third wave (2018).

Notes: * $p < .05$; ** $p < .01$; *** $p < .001$. The variables that were not hypothesized to influence the dependent variable are marked with gray. Control variables include education of men and women, children < 18 years, employment status of men and women, relative age, length of relationships, and number of marriages.

Additional Analysis

Satisfaction with the Decision-Making Process and its Role in the Models. It can be seen that the variable reflecting partners' satisfaction with the financial decision-making process within the family is significant for all the models and has relatively large effect sizes. It also affects all the dependent variables in one direction: when partners are satisfied with the decision-making process, they are less likely to report any reason for having financial disagreements. Theoretically, it may be assumed that this variable is very close to all types of financial disagreements and directly reflects the conflict situation within the family. However, testing this assumption using statistical methods showed a significant inverse correlation between satisfaction and reporting of financial disagreements, but the strength of this correlation is quite low (-0.204 for men and -0.209 for women). We can also recall the results of a study on the direction of the relationship between satisfaction and communication [Lavner, Karney, Bradbury 2016], which showed that satisfaction is more likely to be a predictor of communication. Since we view conflict as a form of communication, we suggest that financial decision satisfaction should still be seen as a determinant rather than a result of communication problems.

However, there is another possible explanation for this phenomenon. When considering financial power, it is worth highlighting not only open but also hidden and latent forms. When using latent power, one of the partners deliberately manipulates the situation by avoiding conflict and instilling such ideologies that the second partner submits [Vogler 1998]. It turns out that when we ask about the existence of financial disagreements and ask partners to name their reasons, we can see only those couples in which the open type of power prevails. And the presence of dissatisfaction with financial decisions can become an indicator of hidden power because dissatisfaction does not always develop into a conflict, and yet it indicates certain problems in the union, including, incidentally, problems with communication.

Robustness Checks. An additional analysis was performed to analyze the robustness of the identified models, with the sample restricted to the employed. The results showed that the effects are rather similar for every type of financial disagreement, but there are changes in the significance of coefficients. This may be explained by the sample size issue, as it drops to 1008 men and 910 women.

Discussion

Financial disagreements seem to be a pressing issue for couples, and Russian couples are no exception. The main motivation of this study was to identify what determines different types of financial disagreements between partners in Russia. The main overall assumption was that financial conflicts are different in structure, and different reasons for their occurrence are determined by various aspects of family life. The study also focused on the partners' values, and the relational work consequential to their attitudes.

The first step of the analysis showed the determinants of financial disagreements in Russian couples. The likelihood of disagreements increases when partners have different attitudes toward money, men have professional education, couples have preadult children, and men are working. Partners who are satisfied with the financial decision-making process report fewer financial disagreements. These results make it clear that the Russian context is quite different from the countries that were studied previously (e. g., the USA). Another remarkable finding is that contrary to the studies (e. g., [Kirchler 1990]) that prove egalitarian attitudes increase the probability of financial conflict for both genders, the results of this study indicate that egalitarian attitudes decrease the chances of reporting financial disagreements for men, but increase them for women. It can be assumed here that two important factors affect this situation: the first is the fact that women tend to communicate their dissatisfaction and problems more often, so having egalitarian attitudes may lead them to address the problems and force their partners to handle any type of issue. Relational work is, thus, done, but it may be effective only for one of the partners. The second thing is the feeling of deprivation experienced by a woman with egalitar-

ian values in the relationship with a “traditional” partner—he may acquire more power resources and may not want to employ relational work to resolve problems and attenuate her dissatisfaction.

Drawing on the relational sociology approach, hypotheses were developed for five types of financial disagreements.

One of the most important findings of this study is that partners’ values become one of the crucial variables when considering financial issues within the couple. The relational sociology framework led us to assume that having different attitudes toward money would affect the emergence of value conflicts. However, empirical results show that this holds true for all suggested types of conflict; especially for value and goal conflicts for both genders; and the probability of conflicts over earnings increases in this case for women.

Considering value conflict as the most important type of conflict, it was hypothesized that the difference in relational situations would matter. This is partly true, as cohabitation significantly increases the likelihood of value conflict for men. For women, this variable remains insignificant but shows the same trend. We assume that cohabitation status in Russia does not significantly impact people’s relationships, and may be seen as merely a transitory step to official marriage. Also, it takes less effort to end cohabitation than an official marriage, so any serious value conflicts may be uneasy to track in cohabitation—partners may break up faster than the survey arrives.

The analysis confirmed the hypothesis by showing that for both men and women, conflicts over price are influenced by the share of income that each partner provides: the bigger the share of the woman’s income, the more conflicts over price both partners would report. Britt, Huston, Durband (2010) found the same trend for financial disagreements as a general issue, but this study may add something important. In the Russian context, the share of a woman’s income does not affect the whole issue of financial disagreements. Instead, it increases the conflict over price, which is relatively widespread among couples. Also, relative amounts of income matter for price-related conflicts, whereas conflicts over earnings are influenced by absolute measures. It is, of course, quite obvious: the more money partners have, the less discontent they show. As hypothesized (H 3), conflict over earnings is affected by dissatisfaction with the decision-making process within the family.

The fourth hypothesis focused on the effect of egalitarian attitudes. They do matter, but they increase the likelihood of goal conflict only for women. Applying the theoretical framework, it may be assumed that women are more likely to start conversations around relational issues, and having egalitarian attitudes gives them a green light to redefine their goals. Traditionalist attitudes were assumed to decrease goal conflicts, but the empirical results show the opposite. There are studies (e. g., [Tsang et al. 2003]) that have reported the negative impact of traditionalist attitudes on happiness in marriage, as this type of attitude is more often linked to dissatisfaction with labor division. Here, some discussion of the Russian context may be needed. As the mean age of the sample is approximately 50 years and the mean length of relationships is 23.64 years, it may be assumed that the majority of partners went through socialization during the Soviet period. Consequently, they faced the advent of new types of economy and social structure and the fast development of financial institutes at the time when they entered the relationships. Thus, their expectations of and attitudes toward the formation of the family were questioned by new types of family structures and financial institutes. This situation could become problematic for relational work and goal setting.

The last hypothesis was confirmed only for one gender. Women’s reports on family debts increase the probability of conflicts over necessity, but only for men (though the effect is insignificant). It can be assumed that when a woman feels uncertain about financial assets, she provokes disagreements, but evaluates them as value conflicts rather than conflicts over necessity. At the same time, the husband may view her arguments about any purchase as an argument about necessity.

Some results were not hypothesized, but they are worth mentioning. Contrary to the theoretical assumption, having the same spendthrift attitudes within the couple increases the probability of reporting value conflicts for men. It also contradicts the previous empirical results [Britt, Huston, Durband 2010] that showed that the probability of financial disagreements is reduced in families with bigger expenditures. Why are men affected by the tendency to waste that is held by both partners? Zagorsky (2003) emphasized the importance of positive assets in men's evaluation of well-being. Presumably, men feel more discontent with their partners' wastefulness which may preclude the couple from setting more ambitious financial goals.

The next important result is the role of dissatisfaction with the decision-making process within the family. It was hypothesized to be the predictor of only one type of financial disagreement, but the findings show that it affects every type in the same way—dissatisfied partners are more likely to report financial disagreements. This begs the question if the dissatisfaction is already one form of financial disagreement within the family—if partners are dissatisfied, they may already have open or latent disagreements. Considering that money has been proved to be the last taboo in communication [Atwood 2012], reporting dissatisfaction becomes a channel to show that something goes wrong with power distribution within the family, and the partners are not ready to force a conflict situation. However, this may be assumed only on the theoretical level, as there is only a low correlation between two variables of interest. It may also reflect the latent power identified by Lukes [Vogler 1998], as the dissatisfied partner is unable to go into the conflict because he or she feels the pressure of family ideology.

The study also shows that the ideas and attitudes that spouses share or do not, make other characteristics of modern marriage and relationships fade into the background and appear less significant in comparison. The more incompatibilities emerge in a relationship, and the more “puzzle pieces” of the spouses do not fit together, the more loaded become the financial conflict.

The limitation of the present research is the endogeneity problem regarding the link between partners' satisfaction and their report of financial conflicts. However, the theoretical framework allows the assumption that the direction of the effect was chosen correctly. Also, the study as a whole may be subject to concerns about endogeneity, as some directions of links may be reversed. Here, it is assumed that the length of relationships as a control variable may show that the direction was correctly defined. When deciding to use a ready-made database, the possibility of measuring the concept of “financial disagreements” and its operationalization is reduced. Nevertheless, it is also understood that conflict is a complex and multidimensional concept that involves many stages and takes different forms. In this regard, simplifying the measurement of the concept through the frequency of financial disagreements and the choice of reasons was considered appropriate for quantitative research. The last thing is the problem of selection. In spite of the panel character of the chosen database, the design of the analysis was cross-sectional and used only the last wave. This means that the study does not include families that may have already gone through a divorce in previous years.

Russian context of the study may prompt insights about other countries where marriage and relationship patterns are conservative and relatively slow to change. The division of labor, power, and money within marriage or relationship in Russia is rather unusual. Despite the prevalence of female whole wage systems and mass female representation in the labor market, Russian couples remain significantly patriarchal in their family values and financial decision-making. It would be interesting to compare these findings with other post-socialist countries, and with countries that had a capitalist path of development.

Future research has to examine whether or not the types of financial disagreements differ in their impact on partnership stability and the probability of divorce. It is also important to develop an understanding of the role and the grouping of the partners' values, the process of communication about finances between partners, and the process of transmission of financial values and practices between parents and children. The latter calls for qualitatively designed further research, and is crucial for the studying financial life of families within the theoretical framework of relational sociology.

References

- Addo F. R., Sassler S. (2010) Financial Arrangements and Relationship Quality in Low-Income Couples. *Family Relations*, vol. 59, no 4, pp. 408–423.
- Amato P. R., Rogers S. J. (1997) A Longitudinal Study of Marital Problems and Subsequent Divorce. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 59, no 3, pp. 612–624.
- Archuleta K. L. (2013). Couples, Money, and Expectations: Negotiating Financial Management Roles to Increase Relationship Satisfaction. *Marriage & Family Review*, vol. 49, no 5, pp. 391–411. Available at: <https://doi.org/10.1080/01494929.2013.766296> (accessed 28 August 2021).
- Atwood J. D. (2012) Couples and Money: The Last Taboo. *The American Journal of Family Therapy*, vol. 40, no 1, pp. 1–19.
- Balabanova E. S. (2005) Domashniy Trud kak Simvol Gendera i Vlasti [Household Labor as a Symbol of Gender and Power]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 6, pp. 109–120 (in Russian).
- Batalova J. A., Cohen P. N. (2004) Premarital Cohabitation and Housework: Couples in Cross-national Perspective. *Journal of Marriage and Family*, vol. 64, no 3, pp. 743–755. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00743.x> (accessed 28 August 2021).
- Brines J. (1994). Economic Dependency, Gender, and the Division of Labor at Home. *American Journal of Sociology*, vol. 100, no 3, pp. 652. Available at: <https://doi.org/10.1086/230577> (accessed 28 August 2021).
- Britt S., Grable J. E., Goff B. S. N., White M. (2008) The Influence of Perceived Spending Behaviors on Relationship Satisfaction. *Journal of Financial Counseling and Planning*, vol. 19, no 1, pp. 31–43.
- Britt S., Huston S., Durband D. (2010) The Determinants of Money Arguments between Spouses. *Journal of Financial Therapy*, vol. 1, no 1, pp. 42–60.
- Christensen A., Heavey C. L. (1990) Gender and Social Structure in the Demand/Withdraw Pattern of Marital Conflict. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 59, no 1, pp. 73–81.
- Cubbins L. A., Vannoy D. (2004) Division of Household Labor as a Source of Contention for Married and Cohabiting Couples in Metropolitan Moscow. *Journal of Family Issues*, vol. 25, no 2, pp. 182–215.
- Davis S. N., Jacobsen S. K., Anderson J. (2012) From the Great Recession to Greater Gender Equality? Family Mobility and the Intersection of Race, Class, and Gender. *Marriage & Family Review*, vol. 48, no 7, pp. 601–620. Available at: <https://doi.org/10.1080/01494929.2012.691083> (accessed 28 August 2021).
- DeMaris A. (2007) The Role of Relationship Inequity in Marital Disruption. *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 24, no 2, pp. 177–195. Available at: <https://doi.org/10.1177/0265407507075409> (accessed 28 August 2021).
- Dew J. (2009) The Gendered Meanings of Assets for Divorce. *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 30, no 1, pp. 20–31.

- Dew J. (2011) Financial Issues and Relationship Outcomes Among Cohabiting Individuals. *Family Relations*, vol. 60, no 2, pp. 178–190.
- Dew J., Britt S., Huston S. (2012) Examining the Relationship Between Financial Issues and Divorce. *Family Relations*, vol. 61, no 4, pp. 615–628.
- Dew J., Dakin J. (2011) Financial Disagreements and Marital Conflict Tactics. *Journal of Financial Therapy*, vol. 2, no 1, pp. 23–42.
- Dew J., Stewart R. (2012) A Financial Issue, a Relationship Issue, or Both? Examining the Predictors of Marital Financial Conflict. *Journal of Financial Therapy*, vol. 3, no 1, p. 4. Available at: <https://doi.org/10.4148/jft.v3i1.1605> (accessed 28 August 2021).
- Donati P. (2016) The Family as a Source of Relational Goods (and Evils) for Itself and for the Community. *Italian Journal of Sociology of Education*, vol. 8, no 3, pp. 149–168.
- Ferree M. M. (1990) Beyond Separate Spheres: Feminism and Family Research. *Journal of Marriage and the Family*, vol. 52, no 4, pp. 1–20. Available at: <https://doi.org/10.2307/353307> (accessed 28 August 2021).
- Fodor É. (2010) Back to the Kitchen? Gender Role Attitudes in 13 East European Countries. *Zurück in Die Küche? Einstellungen Zu Geschlechterrollen in 13 Osteuropäischen Ländern*, vol. 22, no 3, pp. 289–307.
- Fodor É., Vicsek L. (2006) A Different Type of Gender Gap: How Women and Men Experience Poverty. *East European Politics and Societies*, vol. 20, no 1, pp. 14–39. Available at: <https://doi.org/10.1177/0888325405284248> (accessed 28 August 2021).
- Guseva A. (2008) *Into the Red: The Birth of the Credit Card Market in Postcommunist Russia*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Hira T. K., Loibl C. (2008) Gender Differences in Investment Behavior. *Handbook of Consumer Finance Research* (ed. J. J. Xiao), New York, NY: Springer, pp. 253–270. Available at: https://doi.org/10.1007/978-0-387-75734-6_15 (accessed 28 August 2021).
- Ibragimova D. Kh. (2012) Kto upravlyaet den'gami v rossiyskikh sem'yah? [Who Manages the Money in Russian Families?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 13, no 3, pp. 22–56. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2012-13-3/55591250.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).
- Ibragimova D. Kh. (2016) Den'gi, gender, vlast' v domokhozyaystve: kontseptual'nie podkhody [Money, Gender, and Power in the Household: Conceptual Approaches]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 116–145. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2/179463833.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).
- Ibragimova D., Guseva A. (2017) Who Is in Charge of Family Finances in the Russian Two-Earner Households? *Journal of Family Issues*, vol. 38, no 17, pp. 2425–2448. DOI: 0192513X15623588
- Kirchler E. (1990) Spouses' Influence Strategies in Purchase Decisions as Dependent on Conflict Type and Relationship Characteristics. *Journal of Economic Psychology*, vol. 11, no 1, pp. 101–118.

- Kluwer E. S., Heesink J. A. M., Van de Vliert E. (1996) Marital Conflict about the Division of Household Labor and Paid Work. *Journal of Marriage and Family*, vol. 58, no 4, pp. 958–969. Available at: <https://doi.org/10.2307/353983> (accessed 28 August 2021).
- Komter A. (1989) Hidden Power in Marriage. *Gender & Society*, vol. 3, no 2, pp. 187–216. Available at: <https://doi.org/10.1177/089124389003002003> (accessed 28 August 2021).
- Lavner J. A., Karney B. R., Bradbury T. N. (2016). Does Couples' Communication Predict Marital Satisfaction, or Does Marital Satisfaction Predict Communication? *Journal of Marriage and Family*, vol. 78, no 3, pp. 680–694.
- Lippe T. van der, Voorpostel M., Hewitt B. (2014) Disagreements among Cohabiting and Married Couples in 22 European Countries. *Demographic Research*, vol. 31, no 10, pp. 247–274.
- Margolin G., Gordis E. B., John R. S. (2001) Coparenting: A Link between Marital Conflict and Parenting in Two-Parent Families. *Journal of Family Psychology*, vol. 15, no 1, pp. 3–21. Available at: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.15.1.3> (accessed 28 August 2021).
- Mitchell H. E., Bullard J. W., Mudd E. H. (1962) Areas of Marital Conflict in Successfully and Unsuccessfully Functioning Families. *Journal of Health & Human Behavior*, vol. 3, no 2, pp. 88–93.
- Morduch J. (2017) Economics and the Social Meaning of Money. *Money Talks: Explaining How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 25–38. Available at: <https://nyuscholars.nyu.edu/en/publications/economics-and-the-social-meaning-of-money-2> (accessed 28 August 2021).
- Papp L. M., Cummings E. M., Goeke-Morey M. C. (2009) For Richer, for Poorer: Money as a Topic of Marital Conflict in the Home. *Family Relation*, vol. 58, no 1, pp. 91–103.
- Perry-Jenkins M., Repetti R. L., Crouter A. C. (2000) Work and Family in the 1990s. *Journal of Marriage and Family*, vol. 62, no. 4, pp. 981–998.
- Rick S. I., Small D. A., Finkel E. J. (2011) Fatal (Fiscal) Attraction: Spendthrifts and Tightwads in Marriage. *Journal of Marketing Research*, vol. 48, no 2, pp. 228–237. Available at: <https://doi.org/10.1509/jmkr.48.2.228> (accessed 28 August 2021).
- Romo L. K. (2015) An Examination of how People in Romantic Relationships Use Communication to Manage Financial Uncertainty. *Journal of Applied Communication Research*, vol. 43, no 3, pp. 315–335. Available at: <https://doi.org/10.1080/00909882.2015.1052831> (accessed 28 August 2021).
- Romo L. K., Abetz J. S. (2016) Money as Relational Struggle: Communicatively Negotiating Cultural Discourses in Romantic Relationships. *Communication Studies*, vol. 67, no 1, pp. 94–110.
- Schaninger C. M., Buss W. C. (1986) A Longitudinal Comparison of Consumption and Finance Handling between Happily Married and Divorced Couples. *Journal of Marriage and Family*, vol. 48, no 1, pp. 129–136. Available at: <https://doi.org/10.2307/352236> (accessed 28 August 2021).
- Sun Sh. (2010) The Final Say Is Not the Last Word: Gendered Patterns, Perceptions, and Processes in Household Decision Making among Chinese Immigrant Couples in Canada. *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*, vol. 1, no 1, pp. 91–105.

- Trachtman R. (1999) The Money Taboo: Its Effects in Everyday Life and in the Practice of Psychotherapy. *Clinical Social Work Journal*, vol. 27, no 3, pp. 275–288.
- Tsang L. L. W., Harvey C. D. H., Duncan K. A., Sommer R. (2003) The Effects of Children, Dual Earner Status, Sex Role Traditionalism, and Marital Structure on Marital Happiness over Time. *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 24, no 1, pp. 5–26. Available at: <https://doi.org/10.1023/A:1022478919443> (accessed 28 August 2021).
- Vogler C. (1998) Money in the Household: Some Underlying Issues of Power. *The Sociological Review*, vol. 46, no 4, pp. 687–713.
- Vovk E. (2007) Gendernaya asimmetriya i zhenskie roli v sovremennoy Rossii [Gender Asymmetry and Women's Roles in Modern Russia]. *Sotsial'naya real'nost'*, no 5, pp. 24–30 (in Russian).
- Wherry F. (2017) How Relational Accounting Matters. *Money Talks: Explaining How Money Really Works* (eds. N. Bandelj, F. F. Wherry, V. A. Zelizer), Princeton, NJ: Princeton University Press, pp. 57–69. Available at: <https://doi.org/10.1515/9781400885268-006> (accessed 28 August 2021).
- Williams F. L., Berry R. (1984) Intensity of Family Disagreement over Finances and Associated Factors. *Journal of Consumer Studies & Home Economics*, vol. 8, no 1, pp. 33–53. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1470-6431.1984.tb00413.x> (accessed 28 August 2021).
- Zagorsky J. L. (2003) Husbands' and Wives' View of the Family Finances. *The Journal of Socio-Economics*, vol. 32, no 2, pp. 127–146.
- Zakharov S. V. (2015) Braki i razvody v sovremennoy Rossii [Marriages and Divorces in Modern Russia]. *Demoscope Weekly*, no 625–626. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0625/demoscope625.pdf> (accessed 26 July 2020) (in Russian).
- Zelizer V. (2002) Sozdanie mnozhestvennykh deneg [Creating Multiple Money]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 3, no 4, pp. 58–72. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2002-3-4/26593578.html> (accessed 13 September 2020) (in Russian).

Received: May 23, 2022

Citation: Zhidkova P. (2022) Determinants of Reasons for Financial Disagreements in Married or Cohabiting Couples in Russia: Relational Sociology Approach. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 122–140. doi: 10.17323/1726-3247-2022-4-122-140 (in English).

PROFESSIONAL REVIEWS

Ahmet Mert

The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory

MERT, Ahmet—
PhD Student, HSE
University, Moscow,
Russia. Address:
20 Myasnitskaya str.,
101000, Moscow,
Russian Federation.

Email: amert@hse.ru

Abstract

This article examines the ontological question concerning the mode of existence of money in its various conceptualisations in sociology, namely in the theories of Marx, Simmel, Moss and Zelizer. It is argued that money is considered in sociological theory at three ontological levels, namely, (1) Determinate being of money, or concrete money stuff, which is immediately experienced and singularly represented, (2) the representation of money on which the perception of money stuff as money is grounded and (3) the objectivity of money, that is, the objective reality, either material or sui generis, which stands behind money as such. The first level, represented by Zelizer's theory of monies, contains objects to which a subjective meaning is attached according to the concrete social relations. The second level takes money regardless of its substance and treats the essence of money not as the subjective meaning attached to things but as the idea of money, i.e., the universal form of representing things. The third level points at the reality that mediates the first two as subjective conditions of ultimate reality. It is shown that in all these theories the consistent account of money seems to be possible only due to the negation of the other ontological planes of money and that creates ontological disunity within all these theories.

Keywords: ontology of money; money stuff; representation of money; George Simmel, Viviana Zelizer; Karl Marx.

Introduction

A significant part of the sociological critique of all orthodox economic accounts of money which are based on the commodity exchange theory [Ingham 2004] can be resumed in the categorical confusion of money stuff with money itself [Ingham 2001; Fitzpatrick 2002; Lawson 2016; Searle 2017; Armstrong, Siddiqui 2019]. Accepting that differentiation between money and its material signifiers and attributing the former to the social institutes, economic sociologists could make a great contribution to the literature on money. The theoretical presupposition of economic sociology on money is that the social reality of money is primary in relation to the money stuff. Thus, the former takes its essence, say moneyness and value, from the social reality and not vice versa. The opposition between the intrinsically worthless tokens and the value attached to them as a part of this social reality poses a challenge for sociologists. This presupposition, at first glance, releases sociologists from the necessity of relating money stuff's economic circulation as intrinsically worthy tokens to the social reality that might appear, in this case, only as an external condition in which the mon-

etary system functions. But later there occurs a theoretical problem that the forms of money stuff (for instance, the precious metals, which are conceived as the this-worldly ways of existence of money) have no essential relation to the concept of money. George Simmel, although he thought of it as a very common feature of social phenomena, recognised this inherently and ontologically contradictory nature of money and concluded that “it is not technically feasible to accomplish what is conceptually correct” [Simmel 2004: 163]. That is one of the best illustrations of the ontological status of conceptually correct money in relation to the money stuff, which is only technically feasible (see also [Ingham 2004; 2006; Dodd 2005; 2007; Gordon 2005]). The problem is that if money is not something technically feasible to accomplish, the reality of conceptually correct money is never fully accomplished in the reality of money stuff and, therefore, the reality of money stuff is never the correct embodiment of the social reality. Despite the recognition of the objective/material restrictions for the choice of money stuff that enable money stuff measurable, countable, suitable for storage, etc., the consideration of money stuff as the signifier of money mostly ended up with the idea of the arbitrariness of money stuff that takes its moneyness not from the substance of a thing but from social relations. It had been forbidden for sociologists to speak about real things, so-called tokens, by which the essence of money was signified. Viviane Zelizer [1989] was one of the first sociologists who had illustriously grasped the intuition of the rupture between money stuff, with which social actors have an empirical contact, and the social institution that stands behind money stuff. Nonetheless, she could bridge that rupture by sacrificing the general concept of money for the sake of monies and, consequently, moneyness of them, which is criticised in the literature as a different kind of the early mentioned confusion.

The ubiquitous economic hypothesis of barter as the economic origin of money has never been empirically proven, while sociologists and anthropologists appeared more right empirically in their intuition of money as something initially social [Graeber 2011: Chs. 2, 3]. Sociologists started to scrutinize the nature and the origin of money in order to show that money stuff that consists of material objects endowed with their economic function is different from money. The problem is discussed in terms of whether money initially had one or the other form, so it would be legitimate to say that in these theories several forms—the logic of which is more obvious and more basic than that of money, such as debt, tribute or gift—serve as a metaphor for the concept of money (see [Dodd 2014: Ch. 1]). Nonetheless, the metaphors replacing the historically and theoretically initial form of money were considered as a real concept of the primitive form of money. Consequently, the social ontology of money has shifted attention towards the nature of money away from its way of being or existence. As a result, the abovementioned gap which is found in all the major theories of money has been neglected and replaced with the issue concerning the origin of money. It is reasonably argued that an enquiry about the ontology of money answers two questions: “What does being money consist in?”, which is mostly reduced to the question of the origin of money, and “What kinds of things can be money?” [Smit, Buekens, Du Plessis 2016: 327]. This paper aims to address the third question to sociological literature: “What is the way that money exists?” To answer it, we ask a further question: What is meant by the phrases “money is” and “money is not” in sociological literature?¹

¹ The central question of the ontology of money is mainly considered to be “what is money?”. One is entitled to problematise the little word “is” in ontological context, firstly, as a question of whatness of money, secondly, as the mode of existence of the subject, i.e., money. However, any positive definitive proposition “money is X” implicitly contains the negative definition of what “money is not”. In fact, sociologists, either explicitly or implicitly, gave account of what money is not. But this negativity is twofold. On the one hand, it is *tautological negativity* that money is not that what money is not. Although, it is an unbearable task to make a long list of things that money is not, everything that money confronts is taken as a logical totality of things. This account of what money is not is about the whatness of money, for it implies a conceptual exclusion. On the other hand, one encounters a *paradoxical negative definition* of money, where what money is not is a substantial component of the definition of money, i.e. what money is. In this case, what differs the *paradoxical negativity* from *tautological negativity* is that it has a *determined content rather than logical totality of other things*. It is not feasible to think of the absence of a determined content, for it is nothing but a way of thinking of its nothing as a being. But one is able to think of something as a system of presence and absence. In fact, one can object that idea, showing that *tautological negativity can also be easily determined, for example, money is not an apple, tulip, horse, etc. Although this determination can easily be differentiated from that of paradoxical*

In this paper, it is argued that in sociological theory money is mainly treated in three ontological planes: (1) Determinate being of money or concrete money stuff, which is immediately experienced and singularly represented, (2) the representation of money, on which the perception of *money stuff* as money is grounded and (3) the objectivity of money, that is, the objective reality, either material or sui generis, which stands behind money as such. By doing this, we do not attempt to align our terminology with that of the analysed authors because of the diversity of theoretical traditions that they base their account of money on, although we will stick to the authors' own terminology when analysing their texts. It is argued that the first two planes, represented in the theories of Viviana Zelizer and George Simmel, confront each other and each of them constitutes its own ontological status negating that of the other plane. Both theories suggest the impossibility of money: either the impossibility of the general *notion* of money or that of *pure token money*. In fact, this impossibility being derived from the *gap between these two ontological planes* gives us the third plane, from the point of view of which these two levels function as two sides of the representation of money, such as external/sensuous and internal/intelligible sides of the representation of money. The third plane emerges from the totality of the two but as something already objective with a certain gap. While the opposition between the first two planes is the opposition between *the singular* and *the universal*, the opposition between the third plane and the unity of the first two (representation) is the opposition between *objectivity* and *subjectivity*. The third plane, in our reading, is presented in the theory of Karl Marx. So, this paper is dedicated to the foregoing reflections inspired by the works of Zelizer, Simmel and Marx.

Money, no matter which plain we consider, is a concept that has an empirical referent. But the subject matter of this investigation is the way of existence of money in several theories, or more specifically, the ontological disunity of money. So, the referent of our subject matter is the assumed relations between the ways of existence of money, therefore, this work can be called purely theoretical. The introduction provides a brief account of the relevance of our subject in the economic sociology of money. In order to specify and problematise the subject matter in detail, the next section discusses the problem of disunity in the Kantian critique of the ontological argument. Kant appears here not only as a philosopher, who instrumentally provides an understanding of the highly theoretical problem and terminology that we draw upon, but also as a philosopher, who is a crucial point of reference for Marx's and Simmel's theories of money. Some commentaries of Hegel on Kant are mentioned in order to clarify Marx's response to Kant. Money, whether by a happy accident or not, is the central metaphor in discussions of the ontological argument for these philosophers. In this sense, one can say that fortune smiled on economic sociology or that this great thinker intuitively grasped the very contradictory nature of money. Nonetheless, this paper discusses Kant's thoughts merely as a background for further sociological discussion, although it maintains his metaphorical tradition for a heuristic purpose.

Problematization of the Disunity between the Ontological Planes of Money

Probably the most famous "money" as a banknote in the history of Western thought is the "hundred thalers" used by Kant in his criticism of the ontological arguments for the existence of God, the essence of which is to derive the existence of God from the concept of God, i. e., from the mind itself [Oppy 2019]. It is possible to say that the purpose of this argument, as used by Anselm and Descartes [Descartes 1968; Nolan 2015], is to bridge reason and reality, that is, concept and being. To prove that being is not a real predicate and it adds nothing to the concept of an object, Kant provides a small example: "A hundred actual thalers do not contain the least more than a hundred possible thalers" [Kant 1996: 584].

The Kantian transcendental subject, locked in his own mind, is not able to claim the essential relationship of his thought with the outside world. The Kantian realm of concepts is considered independently of the world of

negativity, for instance, money is not a banknote, by the criteria that the determinate content of the latter gives us the mode of non-existence of money. The content of this negativity is determined only because it points at a way of being that money does not have. Accordingly, what is absent is not the determinate content but the necessary absence of money as a money in it. Therefore, the one who studies the mode of existence of money, should be attentive also to the way that money does not exist.

real entities. Just as some entities exist outside of human knowledge without concepts in reason, like unknown and unobserved and therefore uncategorised animals, whose existence is no worse because of it, similarly some concepts exist without any reality, e.g. unicorns, etc. The correlation of concepts and reality is an empty correlation that does not add anything to either a concept or reality. Considering all the effort put into the ontological argument and its failure, Kant concludes with the development of the monetary metaphor of thalers: “A human being could not from mere ideas become richer in insights any more than a merchant could become richer in assets if he tried to improve his situation by adding a few zeros to his cash balance” [Kant 1996: 586]. Here it is worth underlining again the specific sense and conditions of existence in Kantian understanding, which has been systematised by Heidegger in accordance with Kant’s pre-critical works: “The negative assertion goes like this in the pre-critical work: ‘Existence is not a predicate or determination of anything whatever.’ The affirmative assertion goes: ‘The concept of positing or asserting [Position oder Setzung] is completely simple and identical with that of being in general.’” [Heidegger, Klein, Pohl 1973: 11]. So, considering that being is a mere positing, it does not add anything essential to the value of the hundred thalers in my pocket and, considering that it is not a real predicate, neither does it deprive the hundred thalers in my mind of moneness. In our further reading these two points appear to be the main reason for the dispute between Simmel and Zelizer. We do not intend to attribute Zelizer’s account of money to the Kantian tradition. Nonetheless, as far as Zelizer’s theory is mainly based on the critique of Simmel, it is logical to see them in a certain relation rather than as indifferent to each other. In this sense, Kantian ontology seems to lay the groundwork for further discussions on money.

On the other hand, we need to underline the specificity of Kantian understanding of the hundred thalers. In Kant’s usage, a hundred thalers in my mind as a concept of money, like the concept of God, is a purely sensuous representation of money, or more correctly, “a concept that [comprises and thus] holds for many [presentations], and, among them, comprises also a given presentation that is referred directly to the object” [Kant 1996: 122]. Obviously, in the modern usage of the ‘concept’ we correlate it with a more abstract level of comprehension than the sensually empirical one in common sense; therefore, economics and economic sociology conceptualise money as such, independently from its specific quantity and the kind of currency. “One hundred thalers” is an extremely specific, singular, and concrete definition for description, unless you do not consider the serial number of the banknote. As Hegel quite rightly notes, “a ‘hundred dollars’ is nothing self-referring but something alterable and perishable” [Hegel 2010a: 65]. Therefore, for analytical reasons we use further the metaphor of a hundred thalers for empirical, sensuous and material money stuff while the term “money” for what is embodied in money stuff. For the hundred thalers of Kant is similar to Zelizer’s concrete and singular monies, we will address this similarity in the next section.

Backward from Zelizer’s Hundred Thalers Money Stuff to Simmel’s Money

Viviana Zelizer strongly emphasizes the concrete singularity of money and our relation to it. She criticises Simmelian theory because of its (1) purely economic, (2) “qualitatively communistic”, (3) “essentially profane and utilitarian, (4) enlarging, quantifying, and often corrupting and concept of many being (5) untransferable by values [Zelizer 1989]. Instead of considering the conceptual universality of money, her theory of money takes a radically empirical position and investigates money as an ephemeral phenomenon to which people situationally attach different meanings. Zelizer offers a model of special monies, which first of all embraces monies “outside the sphere of the market and [which are] profoundly shaped by cultural and social structural factors” [Zelizer 1989: 351]. This model is based on the two following premises: Firstly, monies are earmarked physically, spatially or by the restriction of their uses. These three ways of earmarking were intertwined in primitive cultures, but the overwhelming homogeneity of the modern monetary system has separated them. Zelizer does not discuss the effects of this separation, nor does she provide any comprehensive analysis of theoretical meanings of each way of earmarking. In her sociology of monies, modern multiple and earmarked monies are “not curious residuals of a primitive life” [Zelizer 1994: 200], as classical sociologists

thought of it, but are a product of the same social process that took place in primitive societies. It is notable that this social process in its three forms is given to the sociologist not only in the form of mundane thinking but also in empirically sensuous form, i.e., monies are differentiated from each other either by their bodily form or by the practices in which they appear as bodies. The second premise is that several monies are located in a social context and they are “visible symbols of particular types of social relations and meanings” [Zelizer 1994: 211]. These two premises allow Zelizer to investigate monies as sensuous objects that are given to a sociologist empirically. The question to be problematised in the next paragraphs is the following: What is special about money that must be understood by sociologists in a *theoretical* way?

When we subsume all the phenomena of monies under one category of money or say it properly, *monies*, without drawing certain differences about moneyness that differentiate money from not-money, one should answer the following questions: Where does the legitimacy of speaking of ‘money’ or even of ‘monies’ come from? What ensures that we speak of money? Where does the border between special monies and special tulips lie? Is there any difference between a hundred thalers and a hundred tulips or another socially meaningful object? Zelizer writes that “people differentiate, mark, and segregate all sorts of objects and events” [Zelizer 1994: 211] and money is merely one of them. So, according to Zelizer, money is not unique in the sense in which classical theorists thought of it as an object which is able “to operate in a separate realm, a free zone independent from any meaningful influences or restrictions” [Zelizer 1994: 214]. Money differs from other objects only in quantitative relations, i.e., in the degree of those qualities that might be common in other socially meaningful objects: “more fungible, remarkably mobile, and highly transferable, connecting people over great distances and multiple time zones” [Zelizer 1994: 214]. Apparently, monies exist alongside other objects. The point we need to stress here is the conceptual infeasibility of Zelizer’s money as money because an everyday experience of money is possible only due to the conditions under which an arbitrary entity, accidentally named as money, is attached to arbitrary meanings. This point serves as a bridge between Zelizer’s theory and the ontological disunity problem raised in this paper. For this reason, the theory of Zelizer, despite its empirical abundance, has been widely criticised for its inability to give a clear conceptual definition [Fine, Lapavitsas 2000; Ingham 2001; Dodd 2005]. Being empirically present does not mean that it is ontologically existent, for the meaning that we attach to money is not attached to money as such but to a thing that stands on the same plane with all other sensuous objects, to a hundred thalers, that is, to concrete banknotes. That some of these objects are somehow subsumed under the category of monies is not the same as saying that money exists as a category based on a distinct principle.

All the *monies*, banknotes or thalers, appear to be passing on, replacing each other, for each time they take on a different meaning from the concrete social context or the singular social interaction and preserve their meaning sustained by the social context. Assigning meaning or value to concrete money stuff and experiencing them as something real in their singularity constitutes a necessary level of ontological enquiry, which for conceptual clarity can be called “determinate being of money”. It appears that Zelizer’s category of monies is merely obtained by induction through the simple experience of money. Such a universality which is called by Kant “assumed” or “comparative universality” [Kant 1996: 46] “can serve as major premise”, so the usage of such a category of *monies* may not have a logical fallacy, nonetheless “it is not therefore itself a principle” [Kant 1996: 352]. It means that it is not enough to subsume different meanings of money under the category of monies in order to formulate the general principle of money as an a priori principle of a separate reality, which should “not (be) based on higher and more universal cognitions” [Kant 1996: 220]. Without such a distinguishing principle of their apprehension, monies is not too different from all other objects of social world, and it becomes technically impossible to answer the question: “Where does the boundary between special monies and special tulips lie?”. To speak of a hundred thalers as money that has a specific and distinctive life among other objects, it is necessary to overcome this stage of determinate being.

If it would be necessary to find the most fundamental point of unanimity between George Simmel and his critic Zelizer, we would point to the Kantian split between being and concept, or, to be more specific, between the material determinate being of money and its subjective value. For Simmel, who begins his magnum opus *The Philosophy of Money* [Simmel 2004] by the transposition of the Kantian idea of concept and being in his above-mentioned discussion of the ontological argument into that of value and things, the latter is valuable not because it has value in itself as a thing, but because the subject attaches a value to it. This process is called subjective valuation, and it is characterised by the act of representation of the content of things as valuable. In contrast, the differentiation of the content of representation from the act of representation constitutes the objectivity of value or the thing as a value. In this context, the subject matter of Zelizer's monies, i.e., that people subjectively attach a value to things, constitutes Simmel's point of departure that leads him to the understanding of the economic value through the objectification of subjective value in monetary form. The ontological plane on which Zelizer treats her subject matter is for Simmel a plane to be overcome.

Simmel agrees in general terms with Zelizer's thesis about the significance of the empirical body of money for subjects: "Money could not have developed as a means of exchange or as a measure of value unless its material substance had been experienced as immediately valuable" [Simmel 2004: 141]. Only unity of a thing and its value or a significant thing, taken in its accidental singularity for a subject, for example, gold or some other significant material, can and historically should constitute the substance of money. Nonetheless, it is crucial for Simmel to understand that the value that a substantial thing possesses as a precious metal or any other valuable object is quite different from what it possesses as money. The confusion of these two is a category error, as it is called in philosophy. It is the same as confusing the value of a one-hundred-dollar bill as a paper and that of a one-hundred-dollar bill as money. This determinate being of substance demands a ground on which it is based as money and nothing else. It is needless to say that the objectivity of value comes from the exchangeability of things, while the value of money derives from its exchange function. Nonetheless, it is naive to think that the mere exchange interaction as a fact of a sensible world, where "things exist side by side" and are not mediated by mental activity, serves as a real ground for value. "Only in the mind, however, does interaction become real integration. The interaction of exchange brings about a mental unity of values. The spatially extended substance is only a symbol of money because the disconnectedness of what exists as substance contradicts the nature of money as an abstract representation of interaction" [Simmel 2004: 198]. It is important to keep in mind that any significance, indifference or negative representation attached or directed to "hundred thalers", money-things, monies or substantial bodies should be considered as value. Simmel treats that kind of substantial value of money only as a "technical ground". Only an abstract representation of exchange interaction in a certain mode can serve as a ground for the moneyiness of certain substances. Therefore, the philosophical concept of money contains *the universal* form of thinking exercised by subjects themselves, although in its social imperfection. That is why Simmel names his book "The Philosophy of Money" rather than "The Sociology of Money".

For Simmel, both the conceptual and historical development of money is but the intellectualisation of human society. As stated by Nigel Dodd, "It is through the members' ongoing mental syntheses that a society comes to be synthesised" [Dodd 2007: 282]. It is legitimate to say the same also about this psychological intellectualistic attitude to money. Nevertheless, the theoretical manoeuvre in *Metropolis*, which leaves the question of whether it was the metropolis that affected the money or vice versa unanswered [Simmel 1995: 50], demonstrates the intertwined nature of money and metropolis. For intellectualisation here is only about the development of money as a concept of everyday thinking, which realises the objective content of subjective mind, historical development of money is equated in this way to its ideal development.² Simmel says: "The significance

² "The significance of money in representing the economic relativity of objects—which is the source of its practical functions—is not a ready-made reality; like all historical phenomena, it discloses its pure concept - its function and place in the realm of ideas—only gradually" [Simmel 2004: 127].

of money in representing the economic relativity of objects—which is the source of its practical functions—is not a ready-made reality; like all historical phenomena, it discloses its pure concept—its function and place in the realm of ideas—only gradually” [Simmel 2004: 127]. Therefore, the money, to which Simmel attributes impersonalising, quantifying and intellectualistic characteristics, is money in its abstract universality, and hence, the pure concept of money is considered by him as so-called pure token money, which does not exist empirically but only as an idea. The discrepancy between Simmel’s universal, abstract, and intelligible money and Zelizer’s singular, concrete, and sensible money can be explained by the Kantian difference between empirical and strict universalities. As mentioned above, empirical universality relates to the induction of general and common principles from empirical experience, while strict universality is about a priori conditions and the possibility of this empirical experience. In light of the above, Simmel transposes the innate a priori conditions of Kantian money into the social a priori. Nevertheless, money does not find its proper technical expression due to, first, the contradictory nature of society, and second, the conceptual contradiction in the technical usage of money. Zelizer finds a socially meaningful hundred thalers in the empirical experience of people but does not explain what relates them to moneyness.

We have shown that Simmel’s money both has much in common and differs from Zelizer’s monies due to the fact that the development of money is characterised by increasing distance, abstraction and sublimation from the thingness of money towards its idea. The history of money is viewed by Simmel as an everlasting approximation to the “conceptually correct” money, which is not, according to him, “empirically feasible”. Simmel argues that “an earlier general utility is <...> transformed into new unique qualities <...> the detachment of the pleasurable sensation from the reality of its original cause has finally become a form of our consciousness, quite independent of the contents that first gave rise to it <...>” [Simmel 2004: 71]. The appearance and moneyness of money are related to the distance from practical interest in things and abstraction from their use-value, or as we call it, from the determinate being of money. The absence of valuable money-things, therefore, brings the freedom of attaching any practical or moral meaning to sensuous things. From that point, it is not a challenging task to show the affinity between Zelizer’s and Simmel’s theories of money and that Zelizer’s theory is situated within the quasi-aesthetical development of Simmel’s intellectualistic pure money. If there is a hundred thalers money stuff, which is for Simmel a technically imperfect embodiment of money, that means that the sovereignty of money is not yet constituted, and it is inescapable to restrain subjective act of attaching an arbitrary meaning to the sensuous hundred thalers. But how can we, under these conditions, speak of a conceptually perfect money? Any immanent presence of a hundred thalers, even if it is a “pure token”, poses a danger to the perfectness of a perfect money. Isn’t it interesting enough that even bitcoin, never-present and most abstract version of money, functions within materialistic discourse [Maurer, Nelms, Swartz 2013; Kemple, Pyyhtinen 2016]? In this way, Simmel’s quite complicated argument, dealing with the ontological split between the concept of money and its reality, already contains Zelizer’s monies as trivial, contradictory, defective but necessary part of what we might call everlasting approximation to the perfect money (for a discussion of the empirical possibility of pure money, see [Dodd 2007]). This eventually leads us to the faculty of judgement subsuming all “hundred thalers” under the universal pure money. Such a “subsuming” aesthetics has many things to say about the dematerialisation of money but nearly nothing about the effect of the latter on the social life itself.

The defect of money, for Simmel, is not in its conceptual shortcomings but in its controversial “freedom”, in its technical infeasibility and thus in its detached relationship with existence itself. Simmel’s stranger pays off his freedom by being categorised by others as a representative of other culture [Simmel 2016], while the citizen of the metropolis pays off his freedom by being unacknowledged by others [Simmel 1995]. Money pays off its freedom by being always synthetical to some papers which value is guaranteed by “precious metals” [Simmel 2004: 159]. According to Simmel, the infeasibility occurs between money as such and a hundred thalers, in other words, between the universality of money and its concretely defined, sensible and materialised singularity. This Kantian universality, transposed through certain logical operations from the innate transcen-

dental into the historically social, makes money “necessary-universal”, which plays the role of the *ground* on which the possibility of experience of hundred thalers is based (see [Rose 1981: 26]). But it is similar to the Kantian universal concept, which is essentially separated from empirical universality, and this ground turns out to be intellectual and [inter]subjective, or as Marx tried to show, *self-erasing*.³

Overcoming the Ground: Marx’s Money

In his dissertation, Karl Marx was very sarcastic of the infelicitous example given by Kant: “Kant’s example might have enforced the ontological proof. Real thalers have the same existence that the imagined gods have. Has a real thaler any existence except in the imagination, if only in the general or common imagination of man? Bring paper money into a country where this use of paper is unknown, and everyone will laugh at your subjective imagination” [Marx 1975: 104]. Marx maintained the same position after 26 years in his *Capital*, sophisticating his argument and choosing economists rather than metaphysicians as his rivals. At the same time, he referred to the intellectual fashion of the 18th century and to Kant as its constitutive element: “By confounding these two distinct things some writers have been led to hold that the value of gold and silver is imaginary <...> if it be declared that the social characters assumed by objects, or the material forms assumed by the social qualities of labour under the regime of a definite mode of production, are mere symbols, it is in the same breath also declared that these characteristics are arbitrary fictions sanctioned by the so-called universal consent of mankind. This suited the mode of explanation in favour during the 18th century” [Marx 2015: 63]. Basically, it is obvious to the most fundamental sociological intuition that a banknote of hundred thalers is merely a piece of paper and what makes this banknote money is the representation of money shared by members of a community. Does it really mean that money is nothing but a representation or thought? The answer of Marx seems quite complicated and contradictory in his late writings on the objectivity of money, unless we do not penetrate the immanent logic of his way of thinking.

It is well known that Marx had Hegel to thank for his dialectic method and for his early and late works, especially *Grundrisse* [Marx 1993] and *Capital* [Marx 2015],⁴ written under the influence of the great philosopher [Uchida 1988: 1]. Nevertheless, his theory of money is not widely analysed, to say the least, in its relation to the ontological argument and its Hegelian recovery. For Hegel, as he repeats in relation to the different achievements of Western philosophy, the ontological argument is highly significant for the system of philosophy but not yet sufficiently understood. Anselm’s classical argument assumes a ground for God to prove its existence, which is the concept of God, but Kant’s criticism shows that the ground on which God is based is mind, which is finite and subjective and has no validity to transcendence out of its finiteness into infinity. Hegel in his *Great Logic* says that “besides immediate being that comes first, and concrete existence [or the being that proceeds from essence] that comes second, there is still a third being, one that proceeds from the concept, and this is objectivity” [Hegel 2010a: 420]. Thus, for Hegel, existence always refers to finite beings, like Simmel’s intellectualistic money *grounded on mind*, and this ground erases itself. It is necessary to overcome this ground to prove the existence of God, for something finite in itself cannot serve as a ground for an infinite being. For Hegel, therefore, only *self-erasure* exists, for it is assumed as the only way to transition to the Idea, which poses, reflects, expresses and embodies itself in reality (see [Carlson 2007: 341–346]). Idea is

³ Even though Nigel Dodd underlines that for Simmel in ‘How is society possible’ this infeasibility is not a moral problem [Dodd 2007: 279–280], Simmel in his lectures on Kant, where he discusses the problem of freedom and possibility of embodiment of our concepts, considers the desire for/interest in happiness as an obstacle to freedom of concepts, yet it can be clearly applied to the infeasibility of money: “Therefore, the true enemy of our freedom lies in ourselves; for the thirst for happiness is «imposed on us by our very finite nature» and, it is an integral component of our being and, at the same time, it distances this being from itself and thereby deprives it of a value that our being can give to itself only by itself and from itself, and that is called moral” [Simmel 1904: 83] (My translation).

⁴ “In my method of working it has given me great service that by mere accident I had again leafed through Hegel’s *Logic*” [From Marx’s letter to Engels, cited in Uchida 1988: 1].

the result and aim of his *subjective logic*, and it is the proof of God. He says, “When speaking of the idea, one must not imagine something remote and other-worldly by this. The idea is instead what is thoroughly present, and so too it is to be found in every consciousness, even if muddled and stunted. We represent the world to ourselves as an enormous totality created by God and, indeed, such that God has revealed himself to us in it” [Hegel 2010b: 284]. So, idea as “the absolute unity of the concept and objectivity” [Hegel 2010b: 282] is what constitutes itself in every individual consciousness, in muddled and stunted or philosophically conceptual way, and what manifests itself in everything. From that perspective, the subjective mind ceases to be the ground for God, but vice versa it starts to be grounded by the absolute.

Saying the same in Marxist terms, money, on the one hand, should enter into the totality of experience as a real thing in person or represented by a symbol; on the other hand, the real thaller’s existence depends on subjective imagination, for “the money that performs the functions of a measure of value is only ideal money” [Marx 2015: 67]. In other words, initially we have, on the one hand, money stuff, which is a commodity in its certain relational form of expression taken in the general form of sale “C-M” as a realisation of my commodity as something exchangeable with every other commodity. On the other hand, we have a representation of money, given in the purchase form “M-C” whereby I realise my general representation of money dissolved “into the mere transient equivalent-form destined to be replaced by a use-value” [Marx 2015: 76] in the form of a particular commodity. These two moments constitute the finite circulation of C-M-C that starts and ends with solid commodity. But the reversal of this doubled form into M-C-M makes money an end in itself, erases the limits of the use-value from the circulation and, in terms of Žižek’s reading of Marx, *eternalises* the circulation [Žižek 2006: 58]. In the simple circulation, Marx says, money-form is something “*assumed*” by the value of commodities and it “vanishes in the final result of the movement” [Marx 2015: 107]. It is only in the circulation M-C-M that money differentiates itself as a general “mode of existence” of value. One observes the same schema in the ontological argument: Firstly, money exists in a naïve way of *being*, later it is realised being just *assumed* by the value of commodities, and at the end this form, assumed by finite things, becomes erased. What exists in simple circulation, in which a commodity ultimately transforms into another commodity, is the erasement of money-form. But further this erasement turns out to be the general mode of existence of value, i.e., money. Once the circulation is limitless, it is not the muddled and stunted representation of money that grounds the circulation, but it is grounded itself by the circulation that encompasses both the representation and what assumes this representation, that is, value of commodities. Therefore, the money addressed in the first part of Capital stands in expressional relation to the value as its “general form” of existence [Existenzform]. But the money in the second part appears as a general mode of existence [Existenzweise] of value. That mode of existence is the one that this paper has intended to point out from the very beginning to differentiate the ontological plane of Marxian money. The matter of interest here is not that money hides the social relations behind the commodity, but that it renders these relations possible in its very intense and limitless form M-C-M’. What is that objectivity that makes itself visible in money?

Consider Marx’s famous panegyric criticism of Aristotle’s theory of exchange in the first chapter of Capital [Marx 2015: 40–41]. This debate is considered to be one of the most difficult parts, as well as Aristotle is claimed to be a main antagonist of Marx [Mansfield 1980]. By analysing money form in its derivation from commodity exchange, Marx adopts Aristotle’s argument that exchange “cannot take place without equality, and equality not without commensurability” [Marx 2015: 40]. Nevertheless, being unable to find equable and commensurable quantities between five beds and one house, Aristotle takes a step back and asserts that people imagine some equivalency as a makeshift solution for their practical purposes. One can easily misread the Marxian criticism as it directly follows the path of the ontological argument (especially its Descartes [Nolan 2015] variation) and suggests that if there is a category in our mind such as the exchange between commodities it must have objective conditions of equivalency and commensurability in reality. But proving money’s existence through its subjectivity is the same as thinking that “men were drowned in water only because they were possessed with the idea of gravity” [Marx 1968: 3], in other words, trying to prove the existence of

gravity through its idea. It turns out that, from the Marxian point of view, a proof of something is possible only in the absence of reason [Balaban 1990], i. e., in the absence of the subjective ground. This comprehension can lead us to the true and *objective* concept of money, which allows us to see the objective reality standing behind the money. Money can *be* only because it has an objective concept located and framed within a certain material reality (see [Gould 1980]), and it is not true to say that a hundred thalers exists only because they are placed in the subjective realm, for this realm itself is grounded on objectivity. Accordingly, Marx shows that people, who are exchanging things, have no proper idea of what makes their exchange possible, but nonetheless, they are continuing to do so. Therefore, he demonstrates by deductive necessity the substance of value, i. e., human labour, not as a representation in the minds of people and not as a value itself but as a substance of value that has its own reality. In this way, Marx transcends the subjectivity of mind, linking this subjectivity to the external reality, on which mind is grounded, or to say, created in Hegelian terms. Marx replaced “God” with “money” in the Hegel’s words: “Humankind were directed early to recognize” *money* “in his works” [Hegel 2010a: 656], even if they were and are not yet aware of what they are doing.

It is necessary to comprehend that theory has the right to study one hundred thalers under universal categories, and it does not matter if they are considered to be objective or subjective. If we consider them as a subjectively constructed social reality, i.e., as an abstraction, one can consider “money” as a concept under which various phenomena can be subsumed, regardless of their location and size. If we consider the concept as objectively universal, which is universal only owing to the fact that it contains matter and form as its moments of becoming, the substance of the concept can be called “value”. In the last case, to which Marx can be related, the question of the existence of a hundred thalers cannot be reduced to the fact that there are a hundred thalers in my pocket. Thus, money here is nothing but the “objectified relation between persons” and that is so because “individuals have alienated their own social relationship from themselves” [Marx 1993: 160].

Conclusion

This paper has problematised the mode of existence of money by addressing it in several sociological theories through the lens of ontological gap between concepts and things in Kantian philosophy. Our reading has led us to some preliminary conclusions. First of all, Simmel’s and Zelizer’s theories of money, despite their dissimilarity, actually appear to use the same method of reading of the Kantian split between sensuous being and subjectively intelligible concept. The constitutive difference between them arises from the part they give an ontological status to money. Determinate being of Zelizer’s monies represents the singularity of money stuff in terms of their social meaning and material being, although precludes the general money concept. *This determinate being* constitutes the point of departure in Simmel’s aesthetic theory of value but becomes overcome soon in favour of *existence*, although this existence nonetheless depends on the abstract representation of money, i.e. the ground of positing on which the perception of *money stuff* as money is grounded. So, Simmel treats the essence of money not as the subjective meaning attached to things but as the idea of money, i.e., the universal form that enables us to represent determinate beings as money. In this specific sense the essence of money remains to be subjective in its nature. On the other hand, beyond the subjectivity of the concept of money and its immediate apprehension, we have analysed the theory of Marx. The Marxian approach firstly ensures us that a hundred thalers as a hundred thalers does not exist, but it is a mere subjective representation. After the erasure of the ground, Marx deals with the objective reality of labour which makes money real. Therefore, in all these theories the consistent account of money seems to be possible only due to the negation of the other ontological planes of money and that creates ontological disunity within all these theories. As it was once formulated by Ankersmit, “the insurmountable aesthetic barrier between represented and representation”, is, in our opinion, not the defect of aesthetics but perhaps that of the ontology. But one could not agree more with him that, replacing his political concept with social, it is “the unmistakable signs of the well-functioning” social mechanism, in our case, that of money [Ankersmit 1996: 18]. But that last thesis should be the subject to further investigation.

References

- Ankersmit F. R. (1996) *Aesthetic Politics: Political Philosophy beyond Fact and Value*, Stanford: Stanford University Press.
- Armstrong P., Siddiqui K. (2019) The Case for the Ontology of Money as Credit: Money as Bearer or Basis of “Value.” *Real-World Economics Review*, no 90, pp. 98–118.
- Balaban O. (1990) *Subject and Consciousness: A Philosophical Inquiry Into Self-consciousness*, Savage, MD: Rowman & Littlefield.
- Carlson D. G. (2007) *A Commentary to Hegel’s Science of Logic*, New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Descartes R. (1968) *Discourse on Method and the Meditations*, London: Penguin.
- Dodd N. (2005) Laundering “Money”: On the Need for Conceptual Clarity within the Sociology of Money. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, vol. 46, no 3, pp. 387–411.
- Dodd N. (2007) On Simmel’s Pure Concept of Money: A Response to Ingham. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, vol. 48, no 2, pp. 273–294.
- Dodd N. (2014) *The Social Life of Money*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fine B., Lapavitsas C. (2000) Markets and Money in Social Theory: What Role for Economics? *Economy and Society*, vol. 29, no 3, pp. 357–382.
- Fitzpatrick D. (2002) *Economic Reality: The Ontology of Money and Other Economic Phenomena* [Ph.D., London School of Economics and Political Science]. Available at: <http://etheses.lse.ac.uk/1806/> (accessed 11 January 2022).
- Gordon D. (2005) The Dematerialization Principle: Sociability, Money and Music in the Eighteenth Century. *Historical Reflections / Réflexions Historiques*, vol. 31, no 1, pp. 71–92.
- Gould C. C. (1980) *Marx’s Social Ontology Individuality and Community in Marx’s Theory of Social Reality*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Graeber D. (2011) *Debt: The first 5000 years*, Brooklyn, NY: Melville House Publishing.
- Hegel G. W. F. (2010a) *The Science of Logic*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hegel G. W. F. (2010b) *Encyclopedia of the Philosophical Sciences in Basic Outline*. Part 1: Science of Logic, Cambridge: Cambridge University Press.
- Heidegger M., Klein T. E., Pohl W. E. (1973) Kant’s Thesis About Being. *The Southwestern Journal of Philosophy*, vol. 3, no 3, pp. 7–33.
- Ingham G. (2001) Fundamentals of a Theory of Money: Untangling Fine, Lapavitsas and Zelizer. *Economy and Society*, vol. 30, no 3, pp. 304–323.

- Ingham G. (2004) *The Nature of Money*, Cambridge: Polity Press.
- Ingham G. (2006) Further Reflections on the Ontology of Money: Responses to Lapavistas and Dodd. *Economy and Society*, vol. 35, no 2, pp. 259–278.
- Kant I. (1987) *Critique of Judgment*, Indianapolis, IN: Hackett Publishing Company.
- Kant I. (1996) *Critique of Pure Reason*, Indianapolis, IN: Hackett Publishing.
- Kemple T., Pyyhtinen O. (2016) *The Anthem Companion to Georg Simmel*, London; New York, NY: Anthem Press.
- Lawson T. (2016) Social Positioning and the Nature of Money. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 40, no 4, pp. 961–996.
- Mansfield H. C. (1980) Marx on Aristotle: Freedom, Money, and Politics. *The Review of Metaphysics*, vol. 34, no 2, pp. 351–367.
- Marx K. (1968) *A Critique of The German Ideology*, Moscow: Progress Publishers.
- Marx K. (1975) *Marx—Engels Collected Works*, vol. 1: Marx, 1835–1843, Moscow: Progress Publishers.
- Marx K. (1993) *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*, London: Penguin UK.
- Marx K. (2015) *Capital: A Critique of Political Economy*, Moscow: Progress Publishers. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-I.pdf> (accessed 25 January 2022).
- Maurer B., Nelms T. C., Swartz L. (2013) “When Perhaps the Real Problem is Money Itself!”: The Practical Materiality of Bitcoin. *Social Semiotics*, vol. 23, no 2, pp. 261–277.
- Nolan L. (2015) Descartes’ Ontological Argument. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2015) (ed. E. N. Zalta), Metaphysics Research Lab, Stanford University. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2015/entries/descartes-ontological/> (accessed 7 September 2022).
- Oppy G. (2019) Ontological Arguments. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2019) (ed. E. N. Zalta), Metaphysics Research Lab, Stanford University. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2019/entries/ontological-arguments/> (accessed 7 September 2022).
- Papadopoulos G. (2015) Phd Thesis: *The Ontology of Money; Institutions, Power and Collective Intentionality*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321708176_PhD_Thesis_The_Ontology_of_Money_Institutions_Power_and_Collective_Intentionality (accessed 3 September 2022).
- Rose G. (1981) *Hegel: Contra Sociology*, London: Athlone.
- Searle J. R. (2017) Money: Ontology and Deception. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 41, no 5, pp. 1453–1470.
- Simmel G. (1995) The Metropolis and Mental Life. *Metropolis* (ed. P. Kasinitz), London: Palgrave Macmillan, pp. 30–45.

Simmel G. (1904) *Kant: Sechzehn Vorlesungen gehalten an der Berliner Universität*, Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.

Simmel G. (2004) *The Philosophy of Money*, London: Routledge.

Simmel G. (2016) The Stranger. *The Baffler*, no 30, pp. 176–179.

Smit J., Buekens F., Du Plessis S. (2016) Cigarettes, Dollars and Bitcoins — An Essay on the Ontology Of Money. *Journal of Institutional Economics*, vol. 12, no 2, pp. 327–347.

Uchida H. (1988) *Marx's Grundrisse and Hegel's Logic*, London: Routledge.

Zelizer V. A. (1989) The Social Meaning of Money: “Special Monies.” *American Journal of Sociology*, vol. 95, no 2, pp. 342–377.

Zelizer V. A. (1994) *The Social Meaning of Money*, New York, NY: BasicBooks.

Zizek S. (2006) *Parallax View*, Cambridge, MA: MIT Press.

Received: March 1, 2021

Citation: Mert A. (2022) The Ontological Disunity of Money in Sociological Theory. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya stosiologiya*, vol. 23, no 4, pp. 141–153. doi: [10.17323/1726-3247-2022-4-141-153](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-141-153) (in English).

**Экономическая
социология**
Т. 23. № 4.
Сентябрь 2022

Электронный журнал
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 23. No 4.
September 2022

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>